

Post Globalization Initiative

представляет

Иммануил Валлерстайн • Самир Амин

Сьюзан Джордж • Уолден Белло • Рамзи Баруд

Джон Риз • Юрий Петропавловский • Георгий Дерлугьян

Вильям Робинсон • Джеффри Соммерс

Уильям Энгдаль

ЗАКАТ ИМПЕРИИ США

pglobal.ru

Инициатива Постглобализация

Инициатива Постглобализация

представляет

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН
(США)

САМИР АМИН
(ФРАНЦИЯ / ЕГИПЕТ)

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН
(США)

ДЖЕФФРИ СОММЕРС
(США)

ВИЛЬЯМ РОБИНСОН
(США)

СЬЮЗАН ДЖОРДЖ
(США / ФРАНЦИЯ)

ЮРИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ
(ЛАТВИЯ)

УОЛДЕН БЕЛЛО
(ФИЛИППИНЫ)

РАМЗИ БАРУД
(США / ПАЛЕСТИНА)

ДЖОН РИЗ
(ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

УИЛЬЯМ Ф. ЭНГДАЛЬ
(США / ГЕРМАНИЯ)

Инициатива Постглобализация

представляет

Иммануил Валлерстайн • Самир Амин
Сьюзан Джордж • Уолден Белло • Рамзи Баруд
Джон Риз • Юрий Петропавловский • Георгий Дерлугьян
Вильям Робинсон • Джеффри Соммерс
Уильям Ф. Энгдаль

ЗАКАТ ИМПЕРИИ США: Кризисы и конфликты

*С предисловием
Бориса Кагарлицкого*



МОСКВА – 2013

УДК 327
ББК 66.2
З-18

Авторы:

Валлерстайн И., Амин С., Джордж С., Белло У.,
Баруд Р., Риз Д., Петропавловский Ю., Дерлугьян Г.,
Робинсон В., Соммерс Д., Энгдаль Ф. У.

З-18

Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисловием Бориса Кагарлицкого; И. Валлерстайн., С. Амин, С. Джордж, и др.; Институт глобализации и социальных движений. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 248 с. (Инициатива «Постглобализация» представляет)
ISBN 978-5-317-04639-2

В книге, подготовленной Инициативой «Постглобализация», всемирно известные политологи, экономисты, социологи, общественные деятели раскрывают причины мирового кризиса. По мнению экспертов, события последних лет являются свидетельством кризиса гегемонии Соединенных Штатов Америки, безуспешно пытающихся сохранить свое господство за счет эскалации военных конфликтов.

УДК 327
ББК 66.2

© Immanuel Wallerstein
© Samir Amin
© Susan George
© Walden Bello
© Ramzy Baroud
© John Rees
© Yury Petropavlovsky
© Georgy Derlugyan
© William Robinson
© Jeffrey Sommers
© Frederick William Engdahl
© Борис Кагарлицкий
© Truthout.org
© Институт глобализации и социальных движений
© Инициатива «Постглобализация»

ISBN 978-5-317-04639-2

Кризис и конфликт

Эпоха упадка и крушения империй редко бывает спокойной. И похоже, нам довелось жить в одну из таких эпох.

Последнее десятилетие XX века было триумфом Америки, оказавшейся после краха СССР не только единственной сверхдержавой, но и гарантом нового мирового порядка, получившего символическое название «Вашингтонского консенсуса». Военно-политическое господство Соединенных Штатов опиралось на готовность правящих кругов большей части стран проводить неолиберальную экономическую политику, включавшую приватизацию государственного сектора, демонтаж социального государства, снижение заработной платы во имя «конкурентоспособности», открытие границ для иностранных товаров и капиталов, отмену любых ограничений на финансовые спекуляции. Именно таков был образ «свободы», воцарившейся в глобальном масштабе, и если эта «свобода» не совсем совпадала с демократией, то тем было хуже для демократии.

Мировой экономический порядок предполагал гегемонию США как нечто само собой разумеющееся. Причем не только на военно-политическом уровне, но и на уровне культурном, идеологическом, социальном. Все страны должны были стремиться стать похожими на Америку и ради этого отказаться от многих институтов, сложившихся в ходе их собственной истории.

Наиболее травматично «переформатирование» общества проходило в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы, но по-своему не менее драматические перемены переживал и европейский Запад, где на протяжении последней четверти века систематически разрушалось то, что еще недавно считалось важнейшими демократическими и цивилизационными достижениями – социальные права, завоеванные в ходе классовых битв и народных восстаний предыдущих двух с половиной столетий, постепенно отбирались либо лишались конкретного содержания.

Эти перемены вызывали недовольство и недоумение, часто протест, но они все равно продолжались. Не только потому, что после крушения СССР старые рабочие организации, профсоюзы, левые партии, равно как и интеллектуальные критики системы были деморализованы (а часто и коррумпированы), но и потому, что мировая экономика сохраняла инерцию роста. «Вашингтонский консенсус» предлагал обменять социальные гарантии, демократические права и национальный суверенитет на потребление. И до тех пор пока потребительские соблазны работали, срабатывал и этот механизм, на морально-идеологическом уровне подкрепляемый постоянно повторяющимся тезисом «альтернативы нет».

Правда, рост потребления на фоне демонтажа социальных прав и экономической политики, ориентированной на максимально возможное удешевление труда, не мог быть устойчивым. Он обеспечивался двумя факторами. С одной стороны, производство перемещалось в страны с более дешевой рабочей силой, с низкими налогами и еще более низкими экологическими стандартами. Тем самым, даже в условиях, когда рост заработной платы всячески сдерживался, люди в «богатых» странах, могли купить больше товаров – не обязательно хороших, но, конечно, разных. С другой стороны, финансовый капитал, освобожденный от ограничений государственного регулирования, предлагал населению кредит в беспрецедентных масштабах.

В конечном счете, экономика «освобожденных финансов» развивалась по принципу пирамиды. Мировой рынок должен был непрерывно расти, в него должны были постоянно вливаться все новые и новые массы дешевых работников, чтобы эта система продолжала сохранять устойчивость. Со своей стороны, большинство правительств теперь соревновалось за то, чтобы, создавая «хороший инвестиционный климат», привлекать иностранный (по большей части – американский) капитал.

Именно эти иностранные инвесторы и обслуживающие их интересы структуры (Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк) теперь оказывались хозяевами положения. Их мнением правительства интересовались куда больше, нежели мнением собственных граждан, именно они давали оценку кабинетам министров, экономической и социальной политике государства. А поскольку снижение социальных стандартов и сдерживание роста заработной платы являлось важнейшим требованием инвесторов, то в «отличниках» оказывались именно те, кто хуже других обращался с собственными гражданами.

Однако, диктуя всему миру подобную политику, Соединенные Штаты сами оказались ее жертвой. Американский финансовый капитал выигрывал, но американское общество проигрывало. Рабочие места перемещались в Мексику, оттуда в Восточную Азию, наконец – в Китай. Заработная плата американских рабочих снижалась, задолженность домохозяйств росла. Если в 1950–60-е годы («золотой век» послевоенной Америки) зарплаты одного рабочего хватало на то, чтобы обеспечить семью из 4 человек по потребительскому стандарту, который был на тот момент самым высоким в мире, то к началу XXI века для того, чтобы нормально обеспечить семью, должны были работать уже двое взрослых. А «социальный сектор», серьезно облегчающий жизнь работающим семьям в Европе, в США развит очень

слабо. В рамках «Вашингтонского консенсуса» и Европа постепенно сводила на нет свои социальные достижения, но от этого трудящимся американцам жить было не легче.

Трудящимся «старых индустриальных стран» досталась в новом глобальном разделении труда роль потребителей, но потребителей все хуже зарабатывающих и затрачивающих все больше усилий для того, чтобы поддерживать заданный уровень потребления. Пирамида кредита и потребления могла сохранять устойчивость лишь до того момента, пока в мировой экономике продолжался рост. Но, увы, сами установленные «Вашингтонским консенсусом» правила, естественным образом, подталкивали мировое хозяйство к усилению диспропорций и к глубокому структурному кризису.

Вовлекая в орбиту мирового рынка все новые страны и социальные группы, глобализация неминуемо вела и к изменению пропорций в международной экономике, что, свою очередь, вело к новому соотношению сил. Индустриализация в странах Азии и Латинской Америки была прежде всего ориентирована на обслуживание их экспортным сектором западного спроса, но, в конечном счете, создала в этих регионах новый промышленный потенциал, который не мог не повлиять на «удельный вес» этих стран в мировой политике. Точно так же промышленное развитие в Китае создало дополнительный спрос на энергоресурсы, что укрепило позиции России.

Журналисты заговорили про страны БРИКС – Бразилию, Россию, Индию и Китай, к которым вскоре примкнула Южная Африка. Оставаясь крупнейшей экономикой мира, Соединенные Штаты теперь обеспечивали свой спрос в значительной мере за счет импорта. А в Западной Европе политика интеграции, направленная прежде всего на открытие рынков и повышение мобильности капитала, превратила значительную часть континента в рынок для сбыта немецких товаров и сделала как правительства, так и миллионы людей в самых разных странах должниками германских банков.

Оставаясь доминирующей мировой силой, Соединенные Штаты теряли контроль над процессами, запущенными по инициативе их собственной элиты. Америку охватил острый экономический кризис, быстро сделавшийся мировым. Этот кризис разом выявил все проблемы и противоречия, а главное, показал, что никакая держава-гегемон уже не способна справиться с подобными кризисами. Не имея возможности управлять ситуацией, политики и дипломаты в Вашингтоне все чаще вынуждены плыть по течению, оказываясь заложниками процесса.

В свою очередь региональные игроки, местные элиты, социальные классы и общественные движения, активность которых еще недавно была скована внешним контролем, начинают действовать самостоятельно, все более решительно и напористо отстаивая собственные интересы. Это столкновение многочисленных сил, высвобождающихся из-под пресса глобального контроля, зачастую приобретает хаотический характер и далеко не всегда создает условия для перемен к лучшему. На смену порядку очень часто идет не новый порядок и даже не более или менее рациональное преобразование, а самый обыкновенный беспорядок, хаос, анархия. Но в любом случае ясно, что порядок «Вашингтонского консенсуса» у нас на глазах рушится.

Разумеется, хаос пугает. Он лишает нас определенности, делает события непредсказуемыми и все более опасными. Но постепенно через хаотическое взаимодействие и противостояние сил начинает выстраиваться новая логика.

Забавно наблюдать, как многие российские публицисты, охваченные конспирологическим задором, сам процесс ослабления американской глобальной гегемонии изображают в виде очередного американского заговора, говорят об «управляемом хаосе» и пытаются трактовать очевидную слабость Вашингтона как доказательство его мистической и всеобъемлющей силы. В ход идут всевозможные хитроумные построения, суть

которых, независимо от аргументации и приводимых фактов (а чаще — фантазий и домыслов), сводится к тому, что Америка по-прежнему контролирует все, управляет всем. За этими теориями скрывается глубоко укоренившееся чувство бессилия и стремление обосновать свое бездействие.

Природа хаоса состоит именно в том, что он принципиально неуправляем. Но это не значит, будто в хаотическом процессе нет логики, ибо хаос возникает из стихийного столкновения разнонаправленных сил и тенденций, каждая из которых в отдельности вполне может быть понята, проанализирована. На этот процесс можно воздействовать, смещая вектор силы в ту или иную сторону, преодолевая хаос и создавая в нем элементы нового, посткризисного порядка, построенного на иных, чем докризисное общество, основаниях. Новая эпоха чревата не только опасностями, но и возможностями. В том числе — для России. Но возможности, открываемые кризисом, не могут быть использованы и даже осознаны, если нет трезвого понимания опасностей.

Конфликты сегодняшнего дня отличаются своей многомерностью. На самом деле большие противостояния прошлого тоже никогда не были однозначными и простыми. Лишь задним числом удавалось выстроить линейную структуру, где были четко прорисованы два доминирующих полюса — прогресс и реакция, буржуа и пролетарии, «красные» и «белые», фашисты и «наши».

При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что каждый из великих исторических конфликтов оказывается гораздо сложнее и многомернее, в нем обнаруживаются дополнительные участники, третьи и четвертые стороны, нюансы и детали, не вписывающиеся в простую линейную структуру «мы — они». И все же нынешняя эпоха дает нам пример исключительной запутанности и многомерности конфликтного поля — ничего подобного, пожалуй, мир не знал со времен позднего Средневековья.

Многолетнее пребывание мирового порядка под прессом гегемонии одной сверхдержавы, к тому же не слишком обремененной историческими традициями и ответственностью, привело к тому, что разнородные противоречия и конфликты, не находя себе разрешения, все больше запутывались.

Глобализация все соединила, перемешала, но ничего не упорядочила, не выстроила ни структуры смысла, ни иерархии ценностей, если не считать высшей ценностью возможность приобретать брендовые товары в кредит. Социальные кризисы накладывались на культурные различия, политическая слабость левых сил наложилась на обострение классовых противоречий, но сами структуры традиционных классов пережили трансформацию под влиянием новых технологических и экономических условий, связи стали глобальными, что ничуть не уменьшило остроты локальных противоречий.

Ослабление гегемона и экономический кризис высвобождают энергию противоречий и конфликтов, которые, вырываясь наружу, нередко приобретают разрушительную и катастрофическую форму. Неуклюжие попытки приходящей в упадок сверхдержавы вмешиваться в процесс только усугубляют дело. Ставка на принципы свободного рынка, экономическая политика, направленная на защиту интересов транснациональных корпораций и прежде всего финансового капитала, попытки решить все вопросы на уровне сговора элит, без учета реальных потребностей общества – все это явно работает на усугубление кризиса. Что, в свою очередь, ведет к новым вспышкам конфликтов, насилию, войнам. Иногда – к революциям.

Разрешение противоречий требует конструктивного и осмысленного действия, основанного на трезвом и рациональном понимании природы противостоящих друг другу интересов, логики процесса и динамики развития. На практике же кризис очень часто порождает «катастрофическое сознание», эмоционально-иррациональную реакцию на про-

исходящее. Причем не только среди обывателей, но и среди интеллектуалов.

Именно поэтому нужна трезвая и профессиональная дискуссия, коллективный поиск ответов, программирование необходимых преобразований (слово «реформы» с некоторых пор вызывает у людей ассоциацию с разрушением и воровством, причем – не только в России).

В марте 2013 года в Тунисе на Всемирном социальном форуме была создана Инициатива «Постглобализация», задачей которой является именно организация такого обсуждения на международном уровне. Идея была сразу же поддержана экспертами и организациями из разных стран, такими как амстердамский Транснациональный институт (Transnational Institute) и московский Институт глобализации и социальных движений.

К проекту присоединились исследователи и активисты из Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Канады, Франции, Польши, Бразилии, ЮАР, Италии, Индии, Китая и многих других стран. Тем самым можно говорить о подлинно глобальной инициативе.

Разумеется, эксперты «Постглобализации» далеко не во всем сходятся. Но именно поэтому и необходимо вести дискуссии, обсуждения, в ходе которых нужно не только поставить диагноз больной системе и обсудить ключевые идеи антикризисной политики, но и сформулировать определенные представления о будущих контурах посткризисного мира. Глобализация в том виде, как она реализовалась в рамках неолиберального проекта и под эгидой Вашингтона, потерпела крах, приведя мир к тому кризисному состоянию, в котором он сейчас находится, но это вовсе не значит, будто можно просто вернуться назад. Да и стоит ли пытаться?

Термин «постглобализация» получил одобрение участников дискуссии именно потому, что он отражает двойственность открывающейся перед нами исторической перспективы.

С одной стороны, необходимо преодолеть структурные и системные противоречия, порожденные курсом «Вашингтонского консенсуса», но с другой стороны – опираться на более высокий уровень глобальной интеграции, достигнутый на планете за последние два десятилетия.

Менее чем за год в рамках Инициативы «Постглобализация» было проведено несколько конференций и семинаров – в Москве, Киеве, Тбилиси, Берлине, организован ряд публичных лекций, дискуссий, подготовлены и изданы статьи и доклады ведущих экспертов из разных стран мира.

Кульминацией первого этапа работы Инициативы явился Контрсаммит в Петербурге 3–4 сентября 2013 года, ставший альтернативой встрече лидеров «Большой двадцатки». Если официальная «двадцатка», представляющая правящие круги наиболее значимых в экономическом плане стран мира, обсуждала, как выйти из кризиса, по возможности ничего не меняя, то альтернативная дискуссия была ориентирована на поиск реалистических сценариев социально-экономических перемен.

Критики современной общественной системы зачастую ограничиваются красивыми декларациями, общими словами и моральным осуждением. Утопические мечтания о всеобщем счастье могли быть необходимым этапом пробуждения коллективной фантазии и творческого мышления. Подобные мечты помогают преодолеть горизонт узкого прагматизма и поверить, что мир в принципе можно изменить к лучшему. Но практические перемены начинаются лишь тогда, когда на смену мечтам приходит рационально-конкретное мышление. В этом смысле задача «Постглобализации» состояла в том, чтобы не только критиковать сложившееся положение дел и анализировать разворачивающийся у нас на глазах кризис гегемонии, но и в том, чтобы содействовать преодолению декларативно-утопического мышления в среде самих критиков.

В настоящем сборнике читатель получит своеобразный аналитический каталог конфликтов нашего времени, сделан-

ный экспертами Инициативы «Постглобализация». Его авторы не во всем единодушны, но сходятся в главном – современный мировой экономический порядок находится в кризисе, и это не только очередное ухудшение экономической конъюнктуры, а глубокий системный кризис, который не может быть «вылечен» косметическими мерами.

Многие эксперты, такие как Иммануил Валлерстайн, Самир Амин, Сьюзан Джордж или Уильям Энгдаль, хорошо известны российскому читателю. В качестве одного из основателей «школы миросистемного анализа» Иммануил Валлерстайн с полным основанием может быть назван выдающимся социологом и историком. Его четырехтомное исследование «The Making of Modern World-System» давно уже стало классическим текстом (к сожалению, на русском языке издан только первый том).

Начинал Валлерстайн в качестве исследователя Африки (любопытно, что с африканистики начинали свою научную карьеру еще двое из авторов книги – Самир Амин и Джеффри Соммерс), но очень быстро обнаружил, что без анализа общемировых экономических процессов разобраться в том, как развиваются постколониальные общества «черного континента», невозможно. С 1976 года, работая в университете Бинхэмптона (штат Нью-Йорк), он публиковал одну за другой несколько книг, радикально изменивших существующие в научном сообществе подходы к экономической истории. Валлерстайн являлся членом редколлегий целого ряда авторитетных журналов, преподавал в Колумбийском университете и Йеле, в канадском университете МакГилл, возглавлял Американскую социологическую ассоциацию, выступал с лекциями по всему миру и стал одним из вдохновителей Всемирного социального форума. В 2004 году ему была присвоена премия Николая Кондратьева за развитие общественных наук.

Занимаясь теоретическим анализом, Валлерстайн одновременно публикует и актуальные политические комментарии, которые выделяются на фоне современных дискуссий не только резкой критикой внешней политики США, но и умением автора поставить текущие события в контекст больших исторических процессов (таких как развитие и кризис глобальной гегемонии, эволюция мирового капитализма).

«Миросистемная школа» представлена в книге еще одним своим выдающимся представителем – Самиром Амином, а также двумя наиболее известными авторами, принадлежащими к ее более молодому поколению: Джефффри Соммерсом и Георгием Дерлугьяном.

Египтянин Самир Амин большую часть жизни провел во Франции в качестве политического эмигранта. Как экономист он получил признание уже в 1957 году после публикации своей диссертации, посвященной теоретическому исследованию механизма, порождающего так называемые «недоразвитые экономики». Работая во Франции и в Африке, Амин сочетал преподавание с исследовательской и общественной деятельностью, консультировал правительства и выступал на митингах. В 1980 год он занял должность директора Форума Третьего мира в Дакаре. Многочисленные книги Амина, посвященные экономике арабских стран, выходили на французском языке, на русский переведена его книга «Вirus либерализма».

Джефффри Соммерс, в настоящее время профессор университета Милуоки в США, начинал свою научную карьеру как ученик еще одного из классиков «миросистемной школы» Андре Гундер Франка, позднее много лет работал в Латвии, изучая последствия реформ, проведенных этой страной под диктовку международных финансовых организаций.

Георгий Дерлугьян много лет сотрудничал с Иммануилом Валлерстайном в Центре имени Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций в Бинхемтоне, затем преподавал макроисторическую социологию в Северо-

Западном университете Чикаго, а в настоящее время является профессором Нью-Йоркского университета, работая в его отделе в Абу-Даби.

Экономист Сьюзан Джордж известна российскому читателю по ряду статей, посвященных ситуации в Европейском Союзе и проблемам долгового кризиса, и книге «Доклад Лугано» (при публикации в настоящем сборнике использованы фрагменты перевода Д. Жутаева). Переехав из Америки во Францию, она стала там основателем антиглобалистского движения АТТАК. В академических кругах она сделала себе имя в середине 1980-х годов исследованиями, посвященными долговому кризису.

Сьюзан Джордж, как и ее коллега по амстердамскому Транснациональному институту Уолден Белло, являются, пожалуй, двумя самыми популярными экономистами из числа «критиков глобализации». В середине 2000-х годов они бросили вызов господствующим течениям экономической аналитики, предсказав и во многом даже заранее описав нынешний экономический кризис. Их усилия сыграли немалую роль в организации первого Всемирного социального форума.

Профессор университета Галифакса (Канада) Уолден Белло достиг успехов не только в академической карьере, но и на поприще общественной деятельности. Переехав с родных Филиппин в Таиланд, он возглавил там международную неправительственную организацию «Focus on the Global South». Однако на Филиппинах его не забыли. После того как разразился мировой кризис, он был избран депутатом филиппинского парламента.

К числу авторов, хорошо известных российскому читателю, можно отнести и Уильяма Энгдаля, чьи книги по энергетической политике переводились у нас в стране. Закончив Принстонский университет (США) в качестве политолога, он защитил докторскую диссертацию по сравнительной экономике в Университете Стокгольма (Швеция). Последние двадцать

пет Энгдаль живет в Висбадене (Германия) и преподает в Университете Прикладных наук. Он является также научным сотрудником канадского «Центра исследований глобализации».

Американо-палестинский журналист Рамзи Баруд, публикующийся как в ведущих газетах Ближнего Востока, так и в англоязычной прессе, заслужил репутацию серьезного и непредвзятого, но ни в коем случае не бесстрастного аналитика и комментатора происходящих в мире процессов.

Британский социолог Джон Риз являет собой пример весьма редкого в России сочетания научной и общественно-политической деятельности. Он не только известный аналитик, но и один из наиболее популярных в Англии лидеров антивоенного движения. К примеру, когда администрация президента Дж. Буша младшего при поддержке Лондона разворачивала агрессию против Ирака, возглавляемая Джоном Ризом коалиция против войны (Stop The War Coalition) сумела вывести на улицы британской столицы более миллиона демонстрантов. При этом Риз не прекращал вести в Лондонском университете исследования по социальной истории Английской революции XVII века, изучая движение левеллеров.

Аналитиком и политическим активистом в одном лице является и Юрий Петропавловский, ставший одним из основателей Партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). В настоящий момент Юрий Петропавловский является сотрудником Европейского парламента.

Круг авторов книги показателен сам по себе. Он демонстрирует, насколько масштабной и разноплановой является проблема современного кризиса, сколь важна она с точки зрения исследователей, серьезно обеспокоенных будущим общества. Разумеется, в одной книге невозможно представить полный и исчерпывающий обзор всех конфликтов, раздирающих современный мир, всех аспектов мирового экономического кризиса или кризиса гегемонии. Для этого понадобился бы не один сборник, а целая энциклопедия.

Задача Инициативы «Постглобализация» в данном случае скромнее, но она, возможно, не менее важная – дать читателю представление о взаимосвязи между экономическим кризисом, кризисом американской гегемонии и социально-политическими конфликтами современности, о реальных механизмах и пружинах, приводящих в движение стихийные процессы, и о том, как внутри этих стихийных процессов зарождаются тенденции общественного преобразования.

В конце 1990-х годов, выступая в Москве, Иммануил Валлерстайн пророчески заявил, что старая мировая система подходит к своему концу и в течение полувека на ее место придет новая. Она не обязательно будет лучше, но она, несомненно, будет другая. События последующих лет продемонстрировали правоту мыслителя – старый глобальный порядок рушится у нас на глазах. Это не дает основания для безудержного оптимизма, но ясно, что возврата к докризисному порядку уже не будет. И задача современной эпохи состоит в том, чтобы работать на создание новой глобальной системы, насколько хватит сил, поскольку она должна быть не просто иной, по сравнению с прошлой, она должна быть намного лучше прежней.

Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности

Еще десять лет тому назад считалось нелепостью говорить о крахе могущества Соединенных Штатов Америки. Сегодня, однако, подобные высказывания весьма распространены среди теоретиков и политиков, а также в средствах массовой информации. Обоснованность такого мнения существенно укрепило фиаско, которое США потерпели в результате своего вторжения в Ирак. Единственное, что еще не проанализировано в достаточной степени, – это характер падения США и то, когда оно началось.

Большинство аналитиков утверждает, что США находились в зените своего могущества после 1991 года, когда мир перешел к однополярности от биполярной структуры, существовавшей во времена «холодной войны». Однако подлинная сущность процесса видится нам обратной. Соединенные Штаты являлись единственной господствующей державой с 1945 по 1970 годы, после чего их влияние стало ослабевать. Основной удар по мировому господству США нанес распад Советского Союза, а вторжение в Ирак в 2003 году привело к тому, что медленное ослабление переросло в ускоренное падение. К 2007 году США потеряли свой авторитет не только экономического и политического лидера мировой системы, но и доминирующей военной державы.

По моему мнению, эта картина иначе освещается в СМИ и описывается в учебной литературе. Поэтому позвольте

мне рассмотреть ее более детально, разделив анализ на три этапа: 1945—1970, 1970—2001 годы и с 2001 года по настоящее время. Первый – этап могущества Соединенных Штатов, на втором этапе наблюдается медленное ослабление доминирования США под натиском незаметно надвигающейся многополярности, на третьем – происходит ускорение разрушения господства и наступление эры многополярности, начало которой было положено при президенте Джордже Буше-младшем.

Соединенные Штаты Америки являлись мировой державой с 1870-х годов, когда они вступили в затяжное соревнование с Германией за право считаться преемником теряющей бывшее господство Великобритании. Одна из точек зрения на мировые войны состоит в том, что на самом деле и Первая, и Вторая мировая война представляют собой единую 30-летнюю войну, в которой главными противниками были Соединенные Штаты и Германия. С этой точки зрения, безоговорочная капитуляция Германии в 1945 году означала явную победу США. То, что им потребовалась военная помощь СССР, больше не имело значения, как и то, что Великобритании потребовалась военная помощь России в 1815 году, для того чтобы одержать полную победу над Францией и занять господствующее положение.

Эта тридцатилетняя война нанесла весьма ощутимый ущерб мировой инфраструктуре. В 1945 году США были единственной крупной индустриальной державой, не пострадавшей от прямого нападения на свои инфраструктурные объекты. В 1945 году США являлись намного более продуктивным и эффективным производителем в мировой экономике, в том смысле что они могли оттеснить на второй план любую другую страну даже на ее внутреннем рынке.

Обладая такой экономической базой, США установили свое безусловное господство. Они создали такие международные структуры, которые в наибольшей степени служили их интересам, превратив, например, Западную Европу и Япо-

нию в своих политических сателлитов. Несмотря на то что США действительно частично сократили свои вооруженные силы, они обладали монополией на ядерное оружие, а также располагали военно-воздушными силами, которые были способны доставить это оружие в любую точку земного шара. В то же время Нью-Йорк превратился в культурную столицу мира, потеснив Париж во всех областях художественного и литературного творчества.

Конечно, с одной стороны, Соединенные Штаты вынуждены были противостоять Советскому Союзу, обладавшему очень мощной военной структурой и столь же сильным, как и у США, желанием диктовать свои идеологические предпочтения другим народам. С другой стороны, учитывая массовые разрушения, причиненные Второй мировой войной, Советский Союз не имел желания участвовать в военном противостоянии с США. И две страны достигли соглашения, которое носит название Ялтинского. Соглашение касалось трех основных вопросов. Прежде всего, мир был разделен на два блока, границы которых определялись местонахождением соответствующих армий в 1945 году: Советский Союз контролировал одну третью часть мира, а Соединенные Штаты – две трети. Соглашение закрепляло военный статус-кво, а также гарантировало, что ни одна из держав не будет пытаться изменить установленные границы.

Вторая часть соглашения касалась экономических вопросов. США было необходимо восстановление значительных областей мировой экономики как для обеспечения политической принадлежности наций, так и для создания экспортных рынков. Но США не были заинтересованы в восстановлении Советского Союза или его новых союзников в Восточной и Центральной Европе. Поэтому страны договорились о том, что два блока будут, по большей части, замкнутыми с экономической точки зрения. Соединенные Штаты заключили многочисленные экономические и финансовые соглашения

со своими союзниками, а СССР создал Совет экономической взаимопомощи для обеспечения своей зоны влияния.

Третья часть соглашения предусматривала создание каждой из сторон сильных долгосрочных военных альянсов. США опирались на НАТО и Пакт о взаимодействии и безопасности с Японией, а СССР создал Организацию Варшавского договора. Целью этих военных альянсов, однако, являлось не использование их для нападения друг на друга, а сохранение возможности нанесения ответного удара в случае необходимости. Они также служили средством обеспечения полного подчинения своих так называемых союзников политическим решениям, принимавшимся Вашингтоном и Москвой. Таким образом, третья часть соглашения подразумевала, что стороны могут обрушиваться друг на друга с очень громкими проклятиями, но не для того чтобы спровоцировать реальные боевые действия друг против друга, а чтобы обеспечить строгое следование «линии партии» их союзниками.

Это соглашение отлично работало в период «холодной войны», при отсутствии военных действий между США и СССР. Разумеется, мини-кризисы имели место – Берлинская блокада, война в Корее, спор за островные группы Кинмен и Мацу, события в Венгрии в 1956 году, Карибский кризис, события в Чехословакии в 1968 году и Афганистан в 1980-х годах. Но каждый из этих кризисов заканчивался возвращением к статус-кво. И действительно, границы двух блоков оставались неизменными вплоть до 1989 года. Конечно, крики недовольных никогда не прекращались, в разные периоды они могли становиться громче или тише, но всегда оставались лишь криками. Аналогичным образом, две экономические зоны оставались изолированными до 1970-х годов, когда началось медленное вхождение «социалистического блока» в торговые и финансовые каналы капиталистической мир-экономики.

Период с 1945 по 1970 годы мы можем назвать временем бесспорной гегемонии США, потому что они могли получить

го, чего хотели, в 95% случаев. При этом, однако, существовали два момента, которые портили все дело. Первый заключался в том, что США настолько успешно помогали в восстановлении Западной Европы и Японии, что к середине 1960-х годов обе эти зоны фактически достигли экономического паритета с Соединенными Штатами. Достаточно привести два примера. Во-первых, к 1960-м годам американские производители не могли больше продавать свои товары по более высокой цене, чем западноевропейские или японские, на внутренних рынках этих стран. В то же время западноевропейские и японские производители начали завоевывать внутренний рынок США. А во-вторых, остальной мир превратился в зону прямой конкуренции между производителями этих трех главных представителей «Севера». Соединенные Штаты больше не имели какого-либо ощутимого преимущества над своими союзниками – это изменение повлечет в дальнейшем за собой серьезные политические последствия.

Второй «палкой в колесе» США являлось отношение к ним стран развивающегося мира. Соглашение между США и Советским Союзом было выгодно для обеих сторон, но оно было не столь благоприятно для развивающихся стран. В результате все большее число движений в развивающемся мире преследовало свои собственные интересы. К концу первого периода стало очевидно, что ни Соединенные Штаты Америки, ни Советский Союз больше не могли сдерживать стремления к национальному освобождению в странах развивающегося мира.

Мировые революции 1968 года ознаменовали собой переломный момент господства как США, так и СССР в мир-системе. Многочисленные революции, произошедшие в период с 1966 по 1970 годы, имели две общие черты: они выступили против господства США, а также тайного соглашения Советского Союза с США, т.е. против Ялтинского соглашения. Они также денонсировали традиционные антисистемные движения, которые стали называться «старыми левыми».

«Старые левые» были представлены тремя типами объединений: коммунистическими партиями, социал-демократическими партиями и национально-освободительными движениями. Все они провозглашали двухэтапную стратегию: на первом этапе – завоевание государственной власти, а на втором – преобразование мира. В период с 1945 по 1968 годы эта стратегия была подвергнута суровой проверке. В течение этого периода – той самой эры неоспоримого господства США – в состав «старых левых» сил входили три различных анти-системных движения, до тех пор пока эти силы не получили государственную власть почти повсеместно.

В советском блоке коммунистические партии являлись правящими, а в панъевропейском мире социал-демократические партии, включая Британскую рабочую партию и американских демократов «нового курса», также пришли к власти. Разумеется, это была власть, «пришедшая на смену» более консервативным партиям, посвятившая себя служению основным целям социально-демократической политики – созданию государства всеобщего благосостояния.

Революционеры 1968 года были сосредоточены на преобразовании мира, и они сочли «старые левые» режимы неполноценными. Участники восстаний 1968 года отвергали «старых левых», ставших частью той самой проблемы, которую должны были решить. Такое отношение привело к разочарованию в концепции модернизации (девелопментализма), которая рассматривалась в качестве всеобщего пути к равенству. Названия в США, СССР и странах развивающегося мира были разными, но суть была единой. Модернизация была тезисом, согласно которому все страны могли «развиваться» и достичь высокого уровня жизни, если государством будут предприняты действия, которые сделают возможным такой процесс развития. Даже конкретные рекомендации США и СССР не слишком отличались друг от друга: повышение концентрации городского населения, рост уровня образования, разумный

протекционизм, механизация производства и копирование руководящих методов государства. Проблема состояла в том, что этот рецепт не работал.

Правящим кругам в Соединенных Штатах стало очевидно, что после 1970 года ситуация изменилась, и управление было соответствующим образом скорректировано. Главной задачей правления всех президентов, от Никсона до Клинтона, являлось замедление структурного упадка господства и авторитета США в мировой системе. Для выполнения этого ими была разработана программа, направленная на решение трех задач.

Первой задачей для Соединенных Штатов было не дать Западной Европе и Японии понять, что обретенная ими новая экономическая сила позволяет вообще отказаться от «руководства» США и следовать внешнеполитической стратегии, отличной от стратегии США. Америка предложила Западной Европе и Японии решение, согласно которому они становятся «партнерами» по проведению в жизнь общемировой политики. Это партнерство было организационно закреплено в таких формах, как Трехсторонняя комиссия, «Большая семерка», Всемирный экономический форум в Давосе, и сегодня является тем, что мы задним числом называем «многосторонними отношениями».

Эта стратегия в определенной степени сделала свое дело: европейцы, и даже японцы были сбиты с пути, но не так серьезно, как хотелось бы американцам. Европейцы даже построили газопровод вместе с СССР вопреки желанию США и предприняли попытку создать Объединенные вооруженные силы в Европе, но под давлением США эти силы были определены как «действующие в рамках НАТО». Вообще вплоть до 2000 года нельзя найти ни одного по-настоящему фундаментального вопроса, по которому Европа и Япония были бы не согласны с США.

Вторая задача носила военный характер. Монополия США на ядерное оружие была разрушена сначала Советским

Союзом, затем Францией, а потом и Китаем. К 1970 году все пять стран – постоянных членов Совета безопасности обладали ядерным оружием, но США и СССР определили это оружие в качестве средства обеспечения «равновесия страха» (т.е. такое оружие могло использоваться исключительно для обороны). Остальные три страны присоединились к такому определению. Тем не менее эти пять держав были не единственными участниками ядерных программ, еще около десятка других стран к 1970 году уже шли по пути создания собственного ядерного оружия. США хорошо понимали, что распространение ядерного оружия может представлять серьезную угрозу их военному превосходству, так как наличия даже нескольких бомб в руках средней державы может оказаться достаточно для того, чтобы позволить этой державе присоединиться к «равновесию страха», тем самым аннулировав преимущество Соединенных Штатов.

Попытки США остановить распространение ядерного оружия увенчались успехом лишь частично. Три страны (Индия, Пакистан и Израиль) отказались подписать Договор о нераспространении и, конечно, все три рано или поздно должны были стать обладателями ядерного оружия. Это были неудачные попытки. Но следует также отметить и успех – по крайней мере, Бразилия, Аргентина, Швеция, Египет, Северная Корея, Тайвань и, возможно, Германия и Япония, свернули свои ядерные программы. К 2000 году США удалось в какой-то степени остановить распространение ядерного оружия.

Третья задача была экономической. Приблизительно в 1970 году мировая экономика вступила в длительный период, в течение которого норма прибыли от производственной деятельности снижалась, безработица росла, а глобальная поляризация ускорялась. Легкие деньги «славного тридцатилетия» (как называли предшествующий период французы) закончились. В среде тех, кого сейчас называют «триадой» (Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония), начиная с 1970 года существовала острая конкурентная борьба,

конкуренты пытались минимизировать ущерб для своих собственных зон экономического влияния. Они участвовали в процессе «экспортирования» безработицы и начали отходить от получения производственной прибыли, предпочитая зарабатывать на финансовых спекуляциях.

Самое главное, что США, Европа и Япония больше не могли позволить себе стимулировать модернизацию (девелопментализм). Им было необходимо обеспечить больший приток капитала из стран третьего мира на Север. Результатом стало рождение новой идеологии: неолиберализма, оправдываемого тем, что называли «глобализацией». Согласно установленной норме не существовало альтернатив открытию границ развивающегося мира для экспорта с Севера и свободного перетекания капитала обратно на Север.

Из-за спада экономической активности в 1970-х годах, который серьезно повлиял на платежные балансы стран Юга, заставив их искать заимствования на мировом рынке, в дело вмешался Международный валютный фонд, предложив займы и пакет мер, называемый «структурным реформированием», что означало следование новой идеологии «Вашингтонского консенсуса». Для обеспечения длительного воздействия вновь созданная Всемирная торговая организация была запрограммирована на введение в действие ряда мер, лишавших страны Юга права изменять что-либо в новой практике во имя продвижения свободной торговли. Такая политика оказалась вполне успешной. К 1990-м годам США получили много экономических преимуществ. Одна за другой страны не только развивающегося мира, но и социалистического блока не выдерживали давления. Язык модернизации исчез, ему на смену пришел жаргон глобализации – в СМИ, в докладах ученых и, прежде всего, в среде политиков ранее считавшихся левоцентристскими партий.

Конечно, в это время возникали и проблемы, например распад Советского Союза и тот факт, что неолиберализм не

приносил результата для стран Юга. Распад Советского Союза был неожиданным и, по правде сказать, нежелательным для Соединенных Штатов. Ликвидация СССР как структуры означала потерю символического противника, обеспечивавшего единство политических альянсов США. Больше не существовало гипотетического врага, против которого объединялись местное население и союзные государства. Кроме этого, крах Советского Союза положил конец длившемуся несколько десятилетий тайному партнерству двух стран. Больше не нужно было сдерживать (или пытаться сдерживать) конкурирующего Большого брата, для того чтобы контролировать его союзников в странах третьего мира.

Не имея возможности остановить распад СССР, США извлекли из него пользу, объявив о победе в «холодной войне». Но с геополитической точки зрения, это была удивительно бессмысленная победа. Первым явным ее последствием стало вторжение Саддама Хуссейна в Кувейт. Советский Союз уже не мог удержать Ирак от нападения под предлогом нарушения ядерного «равновесия страха» между США и СССР. Конечно, как только Ирак вошел в Кувейт, тем самым скрыто угрожая Саудовской Аравии, США почувствовали, что им необходимо действовать. Они создали массированную военную коалицию и уговорили четыре страны (Германию, Японию, Саудовскую Аравию и Кувейт) осуществить основное финансирование операции, сведя затраты США почти к нулю. Хуссейн и его режим выжили, превратившись, однако, в красноречивое напоминание о пределах реального могущества США.

Тем временем ныне распавшийся «социалистический» блок, а также многочисленные страны Азии, Африки и Латинской Америки, придерживающиеся концепции модернизации, вступили на путь глобализации и предписываемых ею реформ. Тем не менее, преимущества, якобы предлагаемые глобализацией, реализованы были далеко не по всему миру. В действительности гражданам развивающегося мира не потребовалось

много времени, для того чтобы понять, что неолиберализм был таким же фальшивым обещанием, как и модернизация (девелопментализм), особенно если учесть, насколько он способствовал мировому равенству.

К середине 1990-х годов волна начала двигаться в обратном направлении. 1 января 1994 года – в день, когда вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле, в одном из беднейших регионов Мексики, в штате Чьяпас, подняли восстание сапатисты. Они требовали автономии для коренного населения региона и продолжили борьбу всех тех, кто боролся за равенство в различных сферах общественной жизни. Они обратились к мировому сообществу за поддержкой, что сделало их кумирами народов Юга.

За этим событием последовали известные протесты во время проведения Конференции Всемирной торговой организации в Сиэтле в 1999 году, когда демонстранты из разных стран мира, в частности из США, сорвали встречу ВТО и вынудили участников отменить заседания. Самым неожиданным в этой демонстрации стало то, что ей удалось объединить три различные группировки, которые раньше старались держаться друг от друга подальше: профсоюзы, защитников окружающей среды и анархистов.

Выступление в Сиэтле оказалось таким успешным с политической точки зрения, что аналогичные протесты проходят теперь по всему миру, где бы и когда бы ни проводили встречи межгосударственные институты. В ответ эти организации стали устраивать свои встречи в странах, которые часто отказывают во въездных визах, или в местах, куда сложно добраться. Наиболее могущественные мировые игроки были вынуждены покидать свои собственные страны, и их стратегия противодействия упадку, кажется, становится все менее и менее успешной.

В 2001 году президентом США стал Джордж Буш-младший, окруженный стайей неоконсервативных политиков и

советников. Согласно анализу, проведенному этими лицами, могущество Соединенных Штатов действительно рушилось. Тем не менее, по их мнению, это происходило не из-за структурного давления изнутри мировой системы, а из-за ошибочного руководства всех предыдущих администраций, начиная с президента Никсона и заканчивая Клинтоном (включая Рейгана). По их теории, единоличное вторжение в Ирак определенно должно было продемонстрировать военную мощь Соединенных Штатов Америки, бессмысленность политической независимости Западной Европы и Японии, необходимость скорейшего принятия условий Израиля современными арабскими режимами для разрешения палестино-израильского конфликта и показать «ненадежным» государствам, насколько опасным для них может стать работа над приобретением собственного ядерного оружия. Если говорить кратко, то США верили в то, что политика с позиции силы сработает и в этот раз.

Террористическая атака Аль-Каиды 11 сентября 2001 года стала пусковым механизмом ввода в действие этой программы. Президент Джордж Буш-младший перешел к вторжению в Ирак вопреки значительному сопротивлению со стороны своих традиционных союзников и огромным сомнениям в военных кругах и разведывательном ведомстве. Спустя несколько недель после начала вторжения президент Буш объявил о победе. Но, конечно, война только начиналась, и ситуация быстро ухудшалась как с военной, так и с политической точки зрения. В 2007 году большинству людей, включая американцев, стало ясно, что на самом деле война проиграна.

Весь анализ, подготовленный неоконсерваторами, оказался неверным. Войну было нелегко выиграть. Колеблющиеся союзники не были запуганы до такой степени, чтобы отказаться от своих стремлений к независимости. Северная Корея и Иран, напротив, ускорили разработку своих ядерных программ, понимая, что причина, по которой США без колебаний вторглись в Ирак, заключалась в том, что тот еще не обладал ядерным

оружием. Арабские режимы ничуть не приблизились к принятию израильских условий решения проблемы. Короче говоря, весь этот дерзкий проект обернулся поражением.

Но наиболее важным последствием этого стала демонстрация жестких ограничений военного могущества США, которое оказалось, по сути, бесполезным. Военная мощь признается в целом неэффективной, если государство не может выделить достаточное количество наземных войск для закрепления своего положения на завоеванной территории, что и произошло в случае с военным вторжением США в Ирак. В случае использования государством военной силы, любой результат, кроме полной победы, в действительности лишь уменьшает реальную военную силу данного государства. Именно по этой причине к 2007 году весьма распространенными стали разговоры об упадке былого могущества Соединенных Штатов.

Многие в США считают, что решением этой дилеммы является возврат к программе «многосторонних отношений» 1970-х, 1980-х и 1990-х годов. Тем не менее Джордж Буш-младший игнорировал обсуждение этой темы. Никто не готов позволить США оставаться бесспорным лидером в мировой системе, даже если они во всеуслышание заявляют о многосторонних отношениях. Реальность сейчас такова, что США занимают позицию одной из сильных держав многополярного мира, но им предстоит стать еще менее влиятельными, по мере того как мир будет двигаться вперед в новой геополитической ситуации.

Политический авантюризм администрации Буша-младшего перевел медленное ослабление господства США в ускоренное падение. Экономическая, политическая и идеологическая позиции США к 2001 году были неубедительны. Единственным преимуществом, сохранным США, являлся их громадный военный потенциал, и именно на него полагались вице-президент США Дик Чейни, бывший министр обо-

роны США Дональд Рамсфельд и политики-неоконсерваторы. Но они допустили две фундаментальные ошибки.

Первая ошибка заключалась в непонимании того, что воздушных сил и войск специального назначения достаточно для того, чтобы заставить отступить вооруженные силы даже сильных государств, но они не способны завершить войну. Для этого необходимы наземные армии, а в случае народного сопротивления – очень большие наземные армии. Но США не имеют и не будут иметь значительной наземной армии, прежде всего по политическим причинам. Народ Соединенных Штатов готов радоваться военным победам, но не хочет приносить в жертву жизнь своих детей. По этой причине вторжения, подобные иракскому, обречены на провал.

А что стало второй ошибкой неоконсерваторов? Военную силу боятся до тех пор, пока она побеждает. Но любой исход, кроме полной победы, уменьшает страх других, а значит, и эффективность дорогостоящей современной военной техники как фактора устрашения в мировой политике.

Рассказывают, что в 1990-х годах госсекретарь США Мадлен Олбрайт во время спора с Колином Пауэллом и другими военачальниками, не желавшими участвовать в предлагаемой ею инициативе, вышла из себя. Она спросила: «В чем смысл обладания самыми мощными вооруженными силами в мире, если мы не можем их использовать?» Ответ, как мы это сейчас четко понимаем, заключается в том, что в обладании самыми мощными вооруженными силами в мире нет вообще никакого смысла.

Конфликты и современная политическая культура

На протяжении последних трех столетий в Европе важную роль играло противостояние между правыми и левыми, различное по своему характеру, но существенно отражавшееся на жизни общества большинства стран. Это история, к которой принадлежит и Россия: эпоха Просвещения XVIII века, Французская революция, бывшая чем-то гораздо большим, чем просто буржуазная революция; возникновение рабочего движения, социализма, марксизма; Парижская Коммуна; революция в России... Все это связано с противостоянием левых и правых. Таким образом, формирование либеральной идеологии, которая в конце концов стала идеологией правых, было неотделимо от формирования левой идеологии.

Если мы обратимся к истории Соединенных Штатов Америки, то сможем убедиться, что там все было совершенно по-другому. Новую Англию, то есть штаты Новой Англии, создавали не просвещенные секты, а наоборот – самые дремучие. Сутью войны за независимость была не борьба за освобождение и переход к социальным преобразованиям, а, напротив – стремление избежать каких-либо изменений и сохранить именно то общество, которое было создано в процессе колонизации.

Колониальное общество в Америке восстало против метрополии для того, чтобы остаться колониальным обществом, защищающим рабство. В США, конечно, также вырос рабочий класс, но он не сформировался политически и не обрел самосознание, потому что каждая новая волна иммиграции размывала

сознание рабочих. Вместо подлинного политического сознания возникало псевдоэтническое, с серьезной дифференциацией: свое – у ирландцев, свое – у поляков, свое – у итальянцев и так далее. Это стало причиной того, что в США не было создано зрелой, серьезной политической партии социал-демократического типа, а позднее и коммунистического типа, как это случилось в Европе.

В результате появилось иное понимание либерализма, связанное с другой политической практикой, когда существуют две партии, которые на самом деле являются одной. Соединенные Штаты Америки – это единственная значимая империалистическая страна, где нет серьезного левого движения, способного что-то противопоставить устоявшейся системе.

Сегодняшнее разделение мира на центр и периферию при его активной американизации – это не случайность и не результат отсталости отдельных стран. Это – результат нормального функционирования самой системы. Она так и работает. Сейчас мы можем говорить о своего рода коллективном империализме, объединяющем триаду США – Западная Европа – Япония. Эта модель заменила собой прежнюю, основанную на сосуществовании различных имперских центров, постоянно соперничавших и боровшихся друг с другом и даже воевавших между собой. При всех противоречиях внутри этой триады у ее членов есть общее понимание того, как следует управлять глобальной системой.

Такое положение дел, с которым мы сталкиваемся сегодня, связано еще и с тем, что первая волна сопротивления капиталистической системе, добившаяся успехов в 1917 году и проявившая себя антиколониальными выступлениями, истощала свой потенциал. Она потерпела поражение, и возникло своего рода переходное состояние, потому что второй волны – волны социализма XXI века – пока еще нет.

Предположение, что можно вернуть буржуазную систему обратно в XIX век, не имеет под собой абсолютно никакого основания. Мы живем, говоря словами Антонио Грамши, в то

время, когда прошлое уже умерло, а новое еще не родилось. В этот «серый» период появляется множество «монстров». II задача левых состоит именно в том, чтобы создать новые социальные блоки, которые могут представлять собой альтернативу, и бросить, наконец, вызов системе.

Существующая система неравновесна. Доказательством служит тот факт, что Соединенные Штаты, являющиеся ее лидером, прекрасно сознают невозможность сохранения существующего соотношения сил без военного контроля над планетой. Военные вторжения на Ближнем Востоке надо рассматривать именно в данном контексте. И это отнюдь не последний удар. Финальные цели – это, конечно, Китай и, может быть, Россия, если она выберется из того тупика, в котором сейчас находится. С Китаем и Россией заодно, скажем так, идут Иран и Индия.

Данный план преступен и безответствен, к тому же он еще и не работает. В мире возникла чудовищная диспропорция между влиянием и капиталом олигополий. Они управляют глобальной экономикой, включая значительную часть капиталистической экономики Запада, и вдруг обнаруживается, что они сами оказались в числе пострадавших. Дисбаланс еще больше усиливается за счет финансовых спекуляций, приводящих к увеличению капитала, который нужно перемещать для активизации реальной экономики. Это неизбежно ведет к кризису и разного рода конфликтам.

Соппротивление описанным явлениям растет по всему миру, однако оно носит эпизодический и разобщенный характер. А хуже всего то, что в большинстве случаев это – оборона, а не наступление. Отсутствует самое главное – четкое представление о том, что же такое общесоциалистическая альтернатива. Разумеется, есть некоторые достижения, особенно в Латинской Америке, но в Европе избыточной является дискуссия о Европейском Союзе.

В Китае и многих других странах, которые недавно еще назывались «коммунистическими», а теперь именуются

«развивающимися рынками» (emerging markets), все еще господствует иллюзия, что можно успешно интегрироваться в капиталистическую систему. У российского правящего класса, скорее всего, есть та же иллюзия, которая была характерна для царской России в конце XIX века. Коротко ее можно охарактеризовать как мечту о построении независимой сильной капиталистической империи, которая сможет на равных участвовать в конкурентной борьбе с западными центрами.

В наиболее маргинализированных регионах мира возникает стремление противопоставить нынешней системе нечто этнико-религиозное, то есть на самом деле двигаться в прошлое, а не в будущее. Речь идет не только о политическом исламе в арабских странах, но и об индийском этнорелигиозном национализме – хиндутва, а также об этнократических режимах, которые никак не являются демократиями (я имею в виду бывшую Югославию, Прибалтику и Закавказье).

Для того чтобы успешно противостоять существующей системе, нужно объединиться всем, кто твердо ориентируется на «социальный прогресс», который не обязательно связан с социализмом. Речь идет о долгосрочном процессе, длительном переходном периоде, в ходе которого мы постепенно продвигнемся от глобального капитализма к глобальному социализму. На этом пути необходимо создание многополярного мира, где обязательным должно стать достижение взаимного понимания, где в основе устройства лежит переговорный процесс, а не конфликт. При этом последний остается неотъемлемой сопутствующей частью прогресса.

Вечный и нередко жестокий конфликт занимал столь же важное место в трансформации мира, как и классовая борьба. Вторая Мировая война завершилась важной трансформацией империализма: на смену множеству империализмов, находящихся в состоянии постоянного конфликта, пришел коллективный империализм. Этот коллективный империализм представляет собой ранее упомянутую триаду: Соединенные Штаты Америки, Европа и Япония. Новая форма империалистической

экспансии прошла через различные фазы своего развития, но беспрерывно существовала с 1945 года.

США экономически выиграли от Второй Мировой войны, сокрушившей их принципиальных соперников – Европу, Советский Союз, Китай и Японию. У них появилась отличная возможность для укрепления своей экономической гегемонии, поскольку более половины мирового промышленного производства было сконцентрировано в США, в особенности в сфере технологий, которая станет определять развитие во второй половине века. Кроме того, американцы располагали новым тотальным средством уничтожения – ядерным оружием.

Однако за относительно короткий период времени – двадцать лет – произошел экономический подъем в капиталистических Европе и Японии, и военный – в Советском Союзе. Относительное снижение американской мощи привело к появлению многочисленных спекуляций на тему упадка Америки, нередко дополняемых предположениями о появлении возможных альтернативных гегемонов (включая Европу, Японию и, позднее, Китай).

Шарль де Голль в противовес атлантизму, продвигаемому Вашингтоном, выработал контрстратегию, основывающуюся на франко-германском согласии и создании неамериканской Европы, мягко отторгающей Великобританию, которая справедливо рассматривалась как троянский конь атлантизма. Шарль де Голль верил, что целью США с 1945 года был контроль над всем Старым Светом (Евразией).

Вашингтон стратегически стремился к разделению Европы, которая, по мнению де Голля, простиралась от Атлантики до Урала и включала Советский Союз. Его анализ был реалистичен, но он оказался практически одинок. У Европы был путь к сотрудничеству с СССР. Двигаясь вместе, три великих европейских народа – французы, немцы и русские – могли бы положить конец американскому проекту мирового господства.

Внутренний европейский конфликт сводится к столкновению двух альтернативных вариантов: атлантической Европы, в которой она выступает придатком американского проекта, и неатлантической Европы, включающей Россию. Этот конфликт до сих пор не разрешен. Однако конец голлизма, принятие Великобританией в Европейский Союз, европейская экспансия на Восток, крушение СССР привели к упадку европейского проекта: Европа стала растворяться в мире неолиберальной экономической глобализации при политическом и военном равнении на Вашингтон. Более того, все это способствовало укреплению не только США, но и империалистической триады в целом.

Нынешний американский проект, самонадеянный, безумный и преступный, правящий класс США вскармливал с 1945 года. В ходе его реализации были свои взлеты и падения. Не всегда была возможность осуществлять его с настойчивостью и жестокостью, продемонстрированной после распада Советского Союза. Этот проект всегда уделял решающее значение военному измерению. Очень быстро США разработали глобальную военную стратегию, разделили планету на регионы и передали ответственность за контроль над каждым из них американскому военному командованию.

Целью было не только окружить СССР и Китай как основных противников США, но и исключить риск ослабления влияния США: Вашингтон должен был продолжать выступать в качестве последней инстанции для всего мира. Иными словами, произошло распространение доктрины Монро на всю планету, что дало Соединенным Штатам исключительное право управлять миром в соответствии с американскими интересами. США исходят из верховенства последних над всеми остальными принципами, определяющими законность политических решений, что приводит к систематическому игнорированию всех наднациональных правовых актов и договоренностей.

Конечно, империализмы прошлого поступали таким же образом: и именно этот аргумент используют те, кто стремится

оправдать преступное поведение современного американского истеблишмента. Приводимые ими исторические примеры должны свести к минимуму вину США. Но мы помним, что именно результатом конфликта империализмов и презрения фашизма к нормам международного права явились ужасы Второй Мировой войны.

Основанная после войны Организация Объединенных Наций провозгласила новый принцип, объявив нелегитимным ранее существовавшее право государства самостоятельно начинать войну. Эта положительная инициатива, поддержанная людьми всего мира, представляла собой качественный сдвиг и открывала дорогу к прогрессу, но никогда не вызывала одобрения со стороны правящего класса США. Власть предрежающие в Вашингтоне всегда недолюбливали саму идею ООН и сегодня прямо провозглашают то, что стремились скрывать до последнего времени: отказ от идеи международного права, высшего по отношению к тому, что они рассматривают как защиту собственных национальных интересов.

Мы не можем принять оправданий этого отката к нацистскому видению, которое когда-то привело к распаду Лиги Наций. Требование придерживаться международного права, талантливо и элегантно высказанное французским министром иностранных дел Домиником де Вильпеном на заседании Совета Безопасности ООН, — это не обращение к прошлому, а, наоборот, напоминание о том, каким может стать будущее. В данном случае США защищают прошлое, время которого, очевидно, ушло.

В 1955 году в Бандунге состоялась конференция, которая привела к возникновению движения неприсоединения и подъему национально-освободительных движений в Азии и Африке в последующие два десятилетия. Эти движения получили поддержку Советского Союза и Китая. Империализм был вынужден не только принять политику мирного сосуществования с занимающими огромные территории странами, вышедшими из-под его контроля (социалистическим миром),

но и договариваться об условиях участия азиатских и африканских государств в империалистической мировой системе. Единение триады под эгидой США виделось тогда полезным для контроля над отношениями Севера и Юга, поэтому неприсоединившиеся государства оказались в состоянии конфронтации с практически неделимым западным блоком.

Крах Советского Союза и удушение популистских националистических режимов, рожденных национально-освободительными движениями, привели к энергичному разворачиванию имперского проекта Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Казалось, что проект осуществляется в интересах коллективного империализма, во всяком случае вплоть до определенного момента. Его суть – в системе экономического управления миром на основе принципов неолиберализма, проводимых в жизнь Большой семеркой и институтами, находящимися в ее подчинении (Всемирной торговой организацией, Всемирным банком, Международным валютным фондом). Правящий класс Соединенных Штатов открыто провозгласил, что не допустит восстановления никакой экономической и военной силы, способной поставить под сомнение его монополию на планетарное господство, и поэтому наделил себя правом ведения превентивных войн.

Целью США могут выступить три принципиальных противника. Во-первых, это Россия, расчленение которой, после того как подобное произошло с СССР, является главной стратегической целью Соединенных Штатов. Российский правящий класс этого до сих пор до конца так и не понял. Многие в России убеждены, что после поражения в войне возможно восстановление, как это было с Германией и Японией. Они забывают, что Вашингтону в свое время восстановление и укрепление этих двух бывших противников было нужно для противостояния советскому вызову. Нынешняя ситуация отличается в корне: у США больше нет серьезного противника. И их цель – разрушить Россию окончательно и бесповоротно.

Поймут ли это в России и начнут ли процесс освобождения российского правящего класса от его иллюзий?

Во-вторых, это Китай, чей рост и экономические успехи волнуют США. Американской стратегической целью является расчленение и этой большой страны. Европа идет третьей, но она не вызывает особой озабоченности у американского истеблишмента. Безусловный атлантизм ряда стран (Великобритании и новых вассалов на востоке Европы), единство интересов господствующего капитала коллективного империализма триа- ны и слабость европейского проекта – все это вместе приводит к упадку последнего.

Кажется, что европейскому крылу американского проекта как проводнику дипломатии Вашингтона удалось удержать в повиновении Германию. Поощрение вызвало возобновление традиции немецкого натиска на Восток: достаточно вспомнить, какую роль Берлин сыграл в распаде Югославии быстрым признанием независимости Словении и Хорватии. Германия была вынуждена придерживаться линии Вашингтона. Происходят ли сейчас какие-то изменения? Немецкие политики находятся в нерешительности и могут разойтись по разным лагерям в зависимости от их отношения к стратегическим целям Германии. Альтернативой атлантизму может стать ориентация на нарождающуюся ось Париж – Берлин – Москва, которая затем способна выступить в качестве наиболее важной опоры европейской системы, независимой от Вашингтона.

Сегодняшний мир в военном смысле однополярен. В то же время появились определенные разногласия между США и некоторыми европейскими странами, требующими учитывать, по крайней мере в теории, принципы либерализма в подходе к политическому управлению глобальной системой. Всего несколько десятилетий назад крупные фирмы вели конкурентную борьбу, главным образом, на национальных рынках, будь то американский рынок – самый большой национальный рынок в мире – или рынки европейских государств, несмотря на их скромный размер, делавший их неполноценными по отноше-

нию к США. Победившие в национальной конкуренции могли выходить на мировой рынок.

Сегодня объем рынка, необходимого для победы в первом этапе конкурентной борьбы, составляет около 500–600 миллионов потенциальных потребителей, т.е. борьба должна вестись непосредственно за глобальный рынок. Те, кто доминирует на этом рынке, затем утверждают свою власть на соответствующих национальных территориях. Таким образом, интернационализация становится определяющей для деятельности больших компаний.

В паре национальное/глобальное меняется причинно-следственная связь: раньше национальная сила обеспечивала глобальное присутствие, теперь – наоборот. Поэтому транснациональные компании, какой бы ни была их национальная принадлежность, имеют общие интересы в управлении мировым рынком. Эти интересы накладываются на различные торговые конфликты, которые определяют все формы соревнования, характерные для капитализма, безотносительно к их природе.

Солидарность господствующих групп транснационального капитала членов триады – это реальность, и выражается она в их сплочении вокруг глобального неолиберализма. США с данной точки зрения можно рассматривать как защитника, в том числе, в случае необходимости, и военного, этих общих интересов. Тем не менее, Вашингтон вовсе не стремится к равному распределению прибылей от своего господства. США намерены, наоборот, превратить союзников в вассалов и поэтому согласны идти только на небольшие уступки своим «младшим» партнерам по триаде. Приведет ли данный конфликт интересов внутри господствующего капитала к краху атлантического альянса? Маловероятно, хотя и не невозможно.

Общераспространенной является точка зрения, что военная сила США – только вершина айсберга, отражающая первенство Америки во всех сферах: прежде всего, экономической, но также и политической и культурной. Из

этого делается вывод, что невозможно избежать подчинения Соединенным Штатам, мировой гегемонии, на которую они претендуют. Я утверждаю, что, напротив, в системе коллективного империализма США не имеют решающих экономических преимуществ.

Американская система производства далека от того, чтобы быть наиболее эффективной в мире. На самом деле, лишь немногие ее сектора смогли бы выдержать реальную конкуренцию в условиях действительно свободного рынка, о котором мечтают либеральные экономисты. Торговый дефицит, возрастающий год за годом, вырос со 100 миллиардов долларов в 1989 году до 500 миллиардов долларов в 2002 году. Более того, в этот процесс вовлечены практически все сферы производства. Даже когда-то завоеванная прибыль в сфере высоких технологий, составлявшая 35 миллиардов долларов в 1990 году, сейчас обратилась дефицитом.

Соревнование между ракетами Ariane и NASA, между Airbus и Boeing свидетельствует об уязвимости американского доминирования. В сфере высокотехнологичных продуктов Соединенным Штатам Америки противостоят Европа и Япония, в производстве товаров широкого потребления – Китай, Корея и другие азиатские и латиноамериканские индустриальные страны, в сфере сельского хозяйства – Европа и юг Латинской Америки. Очевидно, что США не смогут достичь преимущества, если не будут прибегать к неэкономическим мерам, нарушая те самые принципы либерализма, которые они навязывают своим конкурентам.

Фактически США выигрывают только за счет относительного преимущества в ВПК и именно потому, что этот сектор функционирует в значительной мере за рамками правил рынка и пользуется правительственной помощью. Это преимущество, конечно, приносит определенные выгоды и гражданской сфере (Интернет является лучшим тому примером), но приводит и к серьезным диспропорциям, к отставанию многих секторов производства.

Экономика Северной Америки ведет паразитическое существование, нанося вред своим партнерам в мировой системе. Мир производит, а США (которые практически не имеют национальных сбережений) потребляют. Условное «преимущество» США – это преимущество хищника, дефицит которого покрывается за счет средств других, добытых согласием или силой.

У Вашингтона есть три главных средства восполнять неполноценность США: одностороннее нарушение либеральных принципов, экспорт вооружений и стремление к увеличению прибылей от нефти, что предполагает систематический контроль за производителями (это одна из реальных причин войн в Центральной Азии и Ираке). Значительная часть американского дефицита покрывается за счет притока капитала из Европы, Японии и государств Юга (из богатых нефтью стран, и от компрадорских классов каждой страны третьего мира, включая беднейшие), к которому следует добавить дополнительные суммы, полученные за счет обслуживания долга, навязанного практически всем странам периферии мировой системы.

Американское чудо – результат роста потребления, вызванного увеличением социального неравенства (упомянем только финансовые и личные услуги, легионы юристов и отряды частной полиции). Посредственность системы образования и глубоко укорененные ошибочные убеждения в предпочтительности частной собственности в ущерб общественным службам – одни из главных причин кризиса, переживаемого американским обществом.

Вызывает удивление, что европейцы, не делая никаких выводов из проблем американской экономики, активно ее имитируют. Здесь нельзя объяснить все либеральным вирусом, хотя он и играет важную для системы роль, парализуя левых. Широкое распространение приватизации и демонтаж общественных служб только сведут «на нет» преимущества «старушки Европы». Однако каким бы ни был урон, который нанесут эти меры в долгосрочной перспективе,

в краткосрочной они принесут дополнительные прибыли господствующему капиталу.

В данной ситуации США осуществляют стратегию гегемонии в рамках нового коллективного империализма. США активно работают над достижением контроля за природными богатствами планеты для удовлетворения своих потребностей. Поход за полезными ископаемыми (прежде всего – за нефтью, но и за другими ресурсами тоже) является четко спланированным, и нет оснований полагать, что США откажутся от него в краткосрочной или даже в среднесрочной перспективе. Тем более что объемы необходимых ресурсов уменьшаются не только из-за раковой опухоли западного потребительства, но и из-за новой индустриализации периферии.

Более того, значительному числу стран Юга приходится наращивать свое промышленное производство как для удовлетворения потребностей своих внутренних рынков, так и для сохранения своей роли на мировом рынке. Как импортеры технологий, капитала, так же как и конкуренты в экспорте, они обречены нарушать глобальный экономический баланс. И это касается не только восточноазиатских стран, к примеру Кореи, но и огромного Китая, Индии и больших стран Латинской Америки.

Ускорение капиталистической экспансии на Юге не является фактором стабилизации и может привести только к жестоким конфликтам, внутренним и внешним. Причина, по которой эта экспансия не может быть поглощена в существующих условиях, – огромный резерв рабочей силы, сконцентрированный на периферии. Фактически периферийные части системы остаются «зоной бури». Центры капиталистической системы вынуждены усиливать свой контроль над периферией и заставлять мировое население подчиняться жесткой дисциплине, направленной в первую очередь на удовлетворение потребностей.

На уровне глобального контроля над ресурсами планеты у США есть решающее преимущество перед Европой

и Японией. Дело не только в том, что США – единственная военная сила международного масштаба, и поэтому без них не может обойтись ни одна серьезная интервенция в третьем мире. Важно и то, что Европа (за исключением бывшего СССР) и Япония не имеют существенных ресурсов для своей экономики. Например, их зависимость в энергетическом секторе, в частности от нефти Персидского залива, будет сохраняться в течение продолжительного времени, даже если и снизится в какой-то мере.

Осуществляя военный контроль над этим регионом через иракскую войну, США продемонстрировали, что они прекрасно осознают значимость такого способа давления, дающего возможность воздействия на конкурентов-союзников. Не так давно Советский Союз также понял уязвимость Европы и Японии, и советские интервенции в третьем мире были призваны напомнить им об этом, а также призвать к переговорам на более выгодных условиях. Было ясно, что проблемы Европы и Японии могли стать причиной для серьезного сближения между Европой и Россией («общего дома» Горбачева). Именно по этой причине формирование Евразии остается кошмаром Вашингтона.

Американский истеблишмент осознал, что, преследуя цели укрепления своей гегемонии, он имеет три решающих преимущества перед Европой и Японией в этой борьбе: контроль над природными богатствами мира, военная монополия и значение англо-саксонской культуры, наилучшим образом выражающей идеологическое господство капитализма. Систематическое использование этих трех преимуществ определяет многие аспекты американской политики: постоянные попытки Вашингтона установить военный контроль над богатым нефтью Ближним Востоком; агрессивную стратегию США в отношении Китая и Кореи с использованием возможностей оказания давления через финансовую сферу мировой экономики; их искусную игру, направленную на увеличение размежевания в Европе: мобилизацию безусловно союзной Британии и

создание препятствий для установления тесных связей между Европейским Союзом и Россией.

Хотя у партнеров по триаде есть общие интересы в сфере глобального управления коллективного империализма, выраженные в их взаимодействии со странами Юга, они, тем не менее, находятся в состоянии потенциального конфликта. Американская сверхдержава сохраняет свое доминирующее положение благодаря движению капитала, обеспечивающему паразитическое существование ее экономики и общества. Эта уязвимость США представляет собой серьезную угрозу проекту Вашингтона.

Европа и весь мир будут вынуждены избрать одну из двух стратегических альтернатив: либо инвестировать собственный капитал (то есть сбережения), обеспечивая продолжение финансирования американского дефицита (потребления, инвестиций и военных расходов), либо инвестировать прибавочный продукт в своих пределах.

Конвенциональные экономисты игнорируют эту проблему. Они делают бессмысленные заявления, что невозможно больше управлять первостепенными экономическими факторами (сбережениями и инвестициями) на национальном уровне, так как глобализация упразднила национальное государство. Сколь бы это глупо ни звучало, сама идея необходимости накопления и инвестиций на мировом уровне оказывается действительно полезной для оправдания и поддержки финансирования дефицита США другими странами. Эта чепуха – хороший пример тавтологических рассуждений, когда выводы, на которые рассчитывают в итоге, закладываются изначально.

Почему же эту глупость принимают? Несомненно, что команды экономистов, окружающих европейский (равно как и русский, и китайский) политический класс справа, точно так же как и электоральные левые, сами являются жертвами экономического отчуждения, которое я называю либеральным вирусом. Кроме того, в этой точке зрения отражается политическое решение крупного транснационального капитала.

Суть этого решения состоит в том, что преимущества, достигаемые управлением глобальной системой со стороны США в интересах коллективного империализма, превышают его недостатки. Это дань, которая должна быть заплачена Вашингтону за обеспечение стабильности. И это действительно «дань», а не «инвестиции» на условиях возврата. Есть страны, рассматриваемые как «бедные» должники, которые всегда заставляют обслуживать их внешний долг любой ценой. Но есть также и «богатая» страна-должник, которая может обесценить свой долг, если сочтет это нужным.

Альтернативой для Европы (и всего остального мира) представляется прекращение этих вливаний в экономику США. Прибавочный продукт может использоваться на местном уровне (в Европе), и собственная экономика оживет. Перетекание капитала заставляет европейцев принимать политику, которая на вводящем в заблуждение языке конвенциональной экономической теории называется «дефляционистской» и которую я называю «стагнационной», то есть направленной на вывоз прибыли, полученной в результате экспорта. Это делает восстановление Европы зависимым от искусственной поддержки со стороны США. Мобилизация этого прибавочного продукта для обеспечения занятости в Европе будет означать оживление потребления (благодаря восстановлению социального измерения экономического управления, пораженного либеральным вирусом), инвестиций (прежде всего в новых технологиях и исследованиях), и даже военных расходов (что сократит преимущество США в данной сфере). Избрание такой альтернативы будет означать смещение баланса социальных отношений в сторону трудящихся классов. В Европе это является возможной альтернативой для капитала.

Партнеры по коллективному империализму в деле контроля над Югом сходятся в реализации основных задач: изъятии природных богатств и подчинении людей. Этот факт представляется мне важным в связи со следующим.

Во-первых, современная мировая система, которую я рассматриваю как систему коллективного империализма, является не менее империалистической, чем предшествующие. Это не «Империя», имеющая «посткапиталистическую» природу.

Во-вторых, я предлагаю рассматривать историю капитализма как глобальную изначально, сосредотачивая внимание на различиях между разными стадиями империализма (или центрo-периферийных отношений).

В-третьих, интернационализация — это не синоним унификации экономической системы путем дерегулирующего открытия рынков. В своих сменяющихся исторических формах (свобода торговли вчера, свобода для компаний сегодня) она является только проектом доминирующего капитала.

В действительности этот проект почти всегда навязывался на условиях, не имеющих отношения к внутренней логике. Он никогда не может быть воплощен в полной мере, за исключением коротких периодов истории. «Свободный обмен», продвигаемый крупнейшей промышленной державой того времени — Великобританией, был эффективен только двадцать лет (в 1860 — 1880 годах) и сменился столетием (1880 — 1980), во время которого произошли межимпериалистический конфликт, серьезное отделение от мировой системы социалистических стран и более скромное отделение стран с популистскими националистическими режимами (в эру Бандунга с 1955 по 1975 годы). Нынешний период новой унификации мирового рынка, проводимый в жизнь неолиберализмом с 1980-х годов и расширившийся на всю планету с распадом СССР, вряд ли имеет хорошие перспективы. Хаос, который он порождает, свидетельствует о том, что он представляет собой «вечную утопию капитала», как я описываю эту систему, ведя отсчет с 1990 года.

Ближний Восток, рассматриваемый вместе с приграничными территориями Кавказа и постсоветской Средней Азией, занимает очень важное положение в геостратегии и геополитике империализма и, в частности, проекта гегемонии США.

Он обязан этим богатству своих нефтяных месторождений и географическому положению. Доступ к сравнительно дешевой нефти жизненно необходим для господствующей триады, и лучшее средство обеспечения этого доступа – уверенный политический контроль над территорией.

Регион не менее важен и в связи с его географическим положением, поскольку он расположен на равном расстоянии от Парижа, Пекина, Сингапура и Йоханнесбурга. В былые времена контроль над этим перекрестком давал Халифату преимущества в получении выгоды от торговли на большие расстояния. После Второй Мировой войны регион на юге от Советского Союза был необходим империализму для реализации военной стратегии окружения СССР.

Американское господство в регионе ослабляет Европу, зависящую от энергоснабжения с Ближнего Востока, до положения вассала. Если Россия подавлена, то и Китай, и Индия становятся уязвимыми для постоянного энергетического шантажа. Контроль над Ближним Востоком позволяет расширить доктрину Монро на Старый Свет, осуществляя задачи проекта гегемонии США. Но продолжительные и регулярные (начиная с 1945 года) попытки Вашингтона обеспечить контроль над регионом, не привлекая Великобританию, не увенчались успехом. Можно вспомнить провал попытки присоединить регион к НАТО через Багдадский пакт и падение одного из наиболее верных союзников, шаха Ирана.

Причина очень проста, и состоит она в том, что арабский (и иранский) националистический популизм стремительно вошел в конфликт с устремлениями американской гегемонии. Арабский проект стремился заставить сверхдержавы признать независимость арабского мира. Движение неприсоединения, сформированное в 1955 году в Бандунге на съезде национально-освободительных движений стран Азии и Африки, было сильнейшим течением того времени. В СССР быстро поняли, что, поддерживая это движение, можно противодействовать агрессивным планам Вашингтона.

Та эпоха подошла к концу, в первую очередь из-за того, что популистский националистический проект арабского мира быстро утратил потенциал преобразований, и националистические режимы превратились в диктатуры, не имевшие перспектив и не дававшие надежд на изменение. Вакуум, созданный этим сдвигом, открыл дорогу для политического ислама и отсталых автократий Персидского залива, любимых друзей Вашингтона. Регион стал одним из слабых мест глобальной системы, уязвимым к внешнему вмешательству (включая военное), которое местные режимы из-за отсутствия легитимности не способны сдерживать или отразить. Регион представлял и продолжает представлять зону наибольшей важности (вроде Карибских островов) в американском военном разделении планеты – зону, в которой США предоставили себе «право» на военное вмешательство. С 1990 года они ни в чем себе не отказывали!

США действуют на Ближнем Востоке в тесном взаимодействии со своими двумя безусловными союзниками – Турцией и Израилем. Европа удалена из региона и вынуждена соглашаться с тем, что США защищают там глобальные жизненные интересы триады, то есть снабжение нефтью. Несмотря на явные признаки раздражения после иракской войны, европейцы в целом продолжают идти в фарватере Вашингтона в этом регионе.

Израиль, как США в XIX веке, претендует на право завоевывать новые территории для экспансии своей колонизации и преследовать тысячелетиями живших там людей, как «краснокожих». Война 1967 года, запланированная в согласии с Вашингтоном в 1965 году, преследовала несколько целей: начать разрушение националистических режимов, разорвать их альянс с Советским Союзом, заставить их сместиться на проамериканские позиции, открыть новые территории для сионистской колонизации. Здесь интересы господствующего капитала смыкались с интересами сионизма. Богатый, сильный и модернизированный арабский мир поставил бы

под вопрос право Запада на захват его нефтяных ресурсов, которые так необходимы для продолжения расточительства, ассоциирующегося с накоплением капитала.

Союз между западными странами и Израилем ни в коей мере не является результатом ни европейского чувства вины за антисемитизм и преступления нацизма, ни действий «еврейского лобби». Если бы Запад решил, что его интересам угрожает сионистский колониальный экспансионизм, он быстро нашел бы способы преодолеть комплекс вины и нейтрализовать лобби. Нет никаких сомнений в том, что общественное мнение в демократических странах не определяет поведение власти. Мы знаем, что это мнение также фабрикуется. Израиль не смог бы сопротивляться даже в условиях умеренной блокады, подобной навязанной западными странами Югославии, Ираку и Кубе. Было бы нетрудно создать условия для действительного мира, если бы существовало реальное желание сделать это, но его нет.

Вскоре после поражения в войне 1967 года египетский президент Анвар Садат провозгласил, что, поскольку у США на руках «90 % всех карт» (его выражение), необходимо порвать с Советским Союзом и войти в западный лагерь. Он думал, что можно будет повлиять на Вашингтон, с тем чтобы последний оказал давление на Израиль и образумил его. Неправильность подобного понимания стратегических идей была доказана последующими событиями, но кроме того, арабское общественное мнение не осознавало динамики глобальной экспансии капитализма и еще меньше было способно понять его действительные противоречия и слабости. Оно до сих пор убеждено, что когда-нибудь Запад осознает, что в его собственных долгосрочных интересах поддерживать хорошие отношения с двухсотмиллионным арабским миром и не жертвовать этими отношениями для поддержки Израиля. Предполагается, что «Запад», который является имперским центром капитала, стремится модернизировать и развивать арабский мир, а не

удерживать его в состоянии беспомощности, для чего поддержка Израиля очень полезна.

Выбор, сделанный арабскими правительствами, за исключением руководства Сирии и Ливана, привел их к принятию через переговоры в Мадриде и Осло американского плана так называемого «окончательного мира», но, конечно, не мог привести к сдерживанию экспансионистского проекта Израиля. Израиль и поддерживающие его западные страны погрузили регион в состояние постоянной войны. В свою очередь, это состояние постоянной войны усилили автократические арабские режимы. Блокирование любой возможности демократической революции ослабляет возможности арабского возрождения, и, таким образом, укрепляет союз господствующего капитала с гегемонистской стратегией США. Круг замкнулся: американо-израильский альянс отлично служит интересам обоих партнеров.

Для США Ближний Восток уже давно является краеугольным камнем вашингтонского проекта глобальной гегемонии. И «решение» такой проблемы, как палестинская, а вернее – устранение всех возможных препятствий, связанных с нею, является лишь частью задачи по обеспечению собственного контроля над регионом. Уже много лет прошло с тех пор, как Вашингтон принял инициативу по продвижению проекта под названием «Общий рынок Ближнего Востока». В этот проект некоторые страны Персидского залива вложат капитал, другие арабские страны обеспечат дешевую рабочую силу, а Израиль установит технологический контроль и оставит за собой функции привилегированного посредника. Этот проект был принят странами Залива и Египтом, но был отвергнут Сирией, Ираком и Ираном. Поэтому было необходимо свергнуть эти три режима.

Вопрос в том, какой тип политического режима должен быть установлен, чтобы данный проект был устойчив в долгосрочной перспективе. Вашингтонская пропаганда говорит о «демократиях». На самом деле, альянс с так называемым

«умеренным политическим исламом» (который якобы является единственной силой, способной контролировать ситуацию и предотвращать дрейф в сторону терроризма) сейчас представляет собой вынужденный политический выбор Вашингтона, нуждающегося в сторонниках в регионе.

В расчете на такого сторонника был установлен режим президента Мухаммеда Мурси в Египте. Египетские судьи, традиционно наблюдающие за выборами, отказались поддерживать избирательный процесс, который «Братья-мусульмане», ставленником которых был Мурси, контролировали не столько пристально, сколько исключительно безапелляционно. Зато посольство США и представители ЕС заявили, что выборы были совершенными.

Мурси был избран, однако его правление ожидал крах, так как исламисты не смогли решить ни одной проблемы, стоящей перед египетским народом. Причина этого кроется в политике «Братьев-мусульман». Они продолжали тот же курс, что привел к падению Хосни Мубарака, – неолиберальную политику, основанную на принципах «Вашингтонского консенсуса», как бы позабыв, что именно ее и отверг египетский народ. Это быстро привело к новой волне массового возмущения. Бывший президент игнорировал протесты, продолжая ориентироваться на международные неолиберальные центры и следовать их указаниям. Он не пытался изменить модель египетской экономики даже частично, чтобы дать шанс выкарабкаться из нищеты миллионом граждан своей страны.

Последовала волна демонстраций. 30 июня 2013 года, в первую годовщину избрания Мурси, на улицы вышло 33 миллиона человек. Это был крупнейший протест в истории Египта. Представьте себе, что в Китае вышло бы и одновременно митинговало 500 миллионов граждан! Общая численность населения Египта 85 миллионов человек, поэтому мы можем говорить смело: на улицы вышло большинство трудоспособного населения. Если учесть, что акции прошли прежде всего в городах, это значит – вышли практически все.

Мурси удалось мобилизовать лишь несколько сотен тысяч человек, так что баланс сил был явно не в его пользу. В августе 2013 года в Египте снова были выступления в поддержку свергнутого главы государства, но соотношения сил в обществе они не меняют – все это отзвук происходившего ранее. Зато западные средства массовой информации постоянно повторяли слова Мурси: «Мы движемся к гражданской войне». Это была провокация с целью дестабилизации обстановки, создания хаоса. Однако армия повела себя мудро. Она передала полномочия президента Конституционному суду, а сам непопулярный президент оказался под стражей. И США ничего не смогли с этим сделать, несмотря на многочисленные заявления и высказанные «опасения» ответственных лиц.

Сейчас очень важно, что народные массы в Египте мобилизованы и готовы к борьбе. И если новое правительство будет игнорировать их интересы, как это делал Мурси, то народное движение готово ответить. Премьер-министр Египта Хазем Аль-Баблауи знаком мне лично. Не могу описать его образ мыслей сегодня, но он умный человек, который в состоянии понять, что продолжение неолиберальной политики стало бы катастрофой для страны. Он, как и все кадры старой школы, должен был видеть, что офицеры продемонстрировали свою поддержку народу. Его движение имеет ряд важных левых «компонентов»: профсоюзы, сельское движение бедняков, различные левые силы – коммунистическая и социалистическая партии прежде всего. Именно профсоюзы сегодня выдвигают четкие требования по заработной плате, пенсиям и условиям труда. В сельской местности крайне важна роль конфликта между бедными крестьянами, сельскими рабочими и богатыми фермерами.

Большое влияние имеет гигантское общественное движение под название «Тамарруд» («Бунт»), сыгравшее значительную роль в свержении Мурси. Есть прогрессивные движения женщин. Существуют организации представителей средних слоев: инженеров, юристов, судей, сотрудников государствен-

ных структур и т. д. У этих групп имеются свои профсоюзы. На правом фланге египетской политики есть еще салафиты. Они имеют некоторое влияние на часть среднего класса и нищих, которые имеют слабое представление о политике, особенно если живут в сельской местности. Но салафиты — это уже не часть лагеря революции.

Демократия — вот главное, что сейчас привлекает общество. Идут дискуссии между различными движениями и организациями прогрессивного толка. Ближайшая задача здесь не социализм, а поиск выхода из тупика неолиберальной политики. Есть потребность в независимой политике страны и поиске новых партнеров, таких как Россия и Китай.

Египту очень нужно восстановление справедливости. Приватизацию мало остановить, необходимо вернуть государству предприятия, ускользнувшие за символическую плату. Нужен закон о минимальной заработной плате, трудовых правах (включая участие профсоюзов в управлении). Для крестьян очень важно, чтобы у них было право на владение небольшими участками земли. Корпорации должны здесь получить отпор, а люди — сохранить источник существования.

Общество нуждается в том, чтобы правительство Египта было по-настоящему независимым. Оно не должно зависеть от США, от стран Персидского залива — союзников Вашингтона. Египтяне уверены, что можно получить помощь от других государств, а также избежать коррупции при расходовании полученных средств.

Идея демократии очень популярна, но общество не хочет демократии, сводящейся только к выборам. Люди стремятся к изменению жизни в целом. В среде молодежи велика потребность в демократизации отношений между мужчинами и женщинами. Да, большинство египтян верят в бога. Однако они не считают, что должны подчиняться приказам «Братьев-мусульман». Люди хотят свободной жизни, не желая подчиняться Международному валютному фонду и Всемирному банку.

США поддерживали Мубарака до конца. Они до конца поддерживали Мурси, однако каждый раз Вашингтон вынужден был отступать. Сейчас США пытаются добиться сохранения неолиберальной экономической политики. Давление, вероятно, не будет ослабевать, так как в Америке очень опасаются того, что Египет начнет развиваться самостоятельно, что в истории было не раз. Это было и XIX веке, когда Египет добился независимости от Османской империи, и во времена Насера (1950–1960-е годы).

Независимый Египет с самостоятельной политикой и независимой от Запада экономикой будет представлять опасность. В США отлично осознают, что выход Египта из-под контроля приведет к резкому изменению расстановки сил в регионе. Пугает Вашингтон и развивающаяся активность в арабском обществе, его готовность устанавливать контакты с международными силами в собственных интересах в обход США.

Сталкиваясь с распространением американского проекта, Европа предложила свой собственный путь развития ближневосточного региона, которому было дано имя «Европейско-средиземноморского партнерства». Это определенно нежизнеспособный проект, отягощенный излишней риторикой, которая лишь предлагает примирить арабские страны с Израилем. Исключение стран Залива из европейско-средиземноморского диалога ясно обозначило, что управление и контроль над этими странами находится в зоне исключительной ответственности Вашингтона.

Резкий контраст между дерзостью американского проекта и слабостью европейского – хороший показатель того, что реально существующий атлантизм не предполагает равенства США и Европы в принятии решений. Самоуверенное поведение Вашингтона с каждым днем делает эту надежду все более иллюзорной, если она изначально не была попыткой обмануть европейское общественное мнение. Однако все правительства европейских государств присягнули основным положениям либерализма, что на деле означает полное уничтожение евро-

пейского проекта из-за двойного ослабления – экономического (преимущества экономики ЕС растворяются в экономической глобализации) и политического (исчезает европейская политическая и военная автономия). В настоящее время не существует никакого европейского проекта. Он замещается североатлантическим проектом (в конечном счете – триады) под американским руководством.

После Второй Мировой войны Западная Европа смогла сравняться с США в экономике и технологиях. В 1989 году исчезла «советская угроза», равно как и противоречия, которыми была отмечена европейская история последних полутора столетий – примирились Франция, Германия и Россия. Потенциал этих изменений остается все еще нереализованным. Конечно, они происходят на экономической основе, преобразованной в соответствии с принципами либерализма. Но этот либерализм до 1980-х годов был довольно умеренным благодаря социал-демократическому историческому компромиссу, который заставил капитал приспосабливаться к требованиям социальной справедливости, выдвигаемым трудящимися. Однако потом началось создание новой социальной структуры, вдохновленной американским антисоциальным либерализмом.

Этот поворот погрузил европейские общества в многомерный кризис, прежде всего экономический, неизбежно сопровождающий либеральный выбор. Он был усугублен тем, что европейские страны обеспечивали экономические условия американского превосходства: Европа до последнего времени соглашалась финансировать дефицит США, пренебрегая своими собственными интересами. Затем последовал социальный кризис, в котором необходимо выделить рост сопротивления и борьбы народных масс против фатальных последствий либерального выбора. Наконец, можно увидеть начало политического кризиса в отказе от подчинения, во всяком случае безоговорочного, американским стремлениям к бесконечной войне против Юга.

Главный политический вывод, который я делаю: Европа не может выйти за пределы атлантизма, пока политическая власть находится в руках господствующего транснационального капитала. Европе удастся отдалиться от Вашингтона и сделать возможным собственно европейский проект, только если социальная и политическая борьба сможет привести к новому историческому компромиссу между капиталом и трудом.

Европа также должна быть вовлечена на международном уровне в отношения с Востоком и Югом на других условиях, чем нынешние порядки коллективного империализма. Этот курс должен положить начало долгому пути за пределы капитализма. Иными словами, Европа будет «левой» или ее не будет вообще.

Двойственность современного положения Европы особенно хорошо видна на примере работы такого формата совещаний, как «Большая двадцатка», которая является искусственной и неудобной конструкцией. С одной стороны, она состоит из стран-членов «Большой семерки». С другой стороны, в нее входят страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). У этих двух групп разные задачи, которые часто еще и противоречат друг другу. В частности, различные задачи и различные способы решения проблем участников «Большой двадцатки» видны на примере кризиса в Сирии, где определенные иностранные силы разжигают войну. В такие моменты особенно важна роль международных и национальных социальных движений, которые способны предотвратить фактическое уничтожение Сирии в ее нынешнем виде и суверенных границах. Эскалация насилия никоим образом не может улучшить ситуацию в Сирии, она лишь увеличит страдания сирийского народа.

Нет никаких сомнений в том, что произошедшее в Сирии применение химического оружия явилось преступлением против человечества. Тем не менее выделение химического оружия как единственного преступления против человечества сужает взгляд на кризис, который разворачивается в Сирии.

Более 100 000 человек умерли из-за этого конфликта, а также провала попыток мировых держав усадить заинтересованные стороны за стол переговоров.

Все силы, которые внесли «свой вклад» в конфликт в Сирии, должны взять на себя обязательство поддержать всеобъемлющий мирный процесс, а также принять на себя финансовые обязательства по оказанию помощи в восстановлении сирийского государства. Смогут или нет эти силы преодолеть свои эгоистические интересы ради мирного сосуществования в регионе? Ответ на этот актуальный вопрос позволит также предугадать дальнейшие их шаги в ближайшем обозримом будущем, которое уже представляется полным кризисов и конфликтов, не нашедших разумного разрешения в предыдущих периодах истории.

Кто-нибудь вообще правит нашим миром?

Когда сегодня говорят о мировом кризисе, хочется уточнить: о чем идет речь? О конце спекулятивных финансов или о шумпетеровском «созидательном разрушении» устаревших монополий? Об окончании гегемонии Соединенных Штатов Америки, продолжавшейся почти столетие? Или речь идет о смещении центров мировой цивилизации с Запада на Восток? Все это обезличенные вроде бы процессы. Но кто-то же двигает историю?

Попробуем разобраться, начав с предыстории. В конце 1973 года ОПЕК, до того малозначимая организация, объединявшая страны – экспортеры нефти, практически впятеро взвинтила свои цены (с 3 до 15 тогдашних долларов за баррель), что привело к экономическому кризису в странах Запада. Главенствовали в нефтяном картеле совсем не радикалы, а вполне консервативные аравийские монархии и шахский Иран. Эти клиенты США попросту решили немного «перетянуть на себя одеяло», воспользовавшись как предлогом очередной войной с Израилем и замешательством по этому поводу в Вашингтоне.

Взбешенный президент Никсон, который на фоне уотергейтского скандала и поражения во Вьетнаме не мог употребить силу, отправил к ближневосточным умникам искусного Киссинджера. Результатом, как считается, стала тайная сделка, которая в принципе спасала интересы США (правда, за счет европейских союзников и тем более стран Третьего мира).

В итоге цены на нефть по-прежнему исчислялись только в долларах, которые весь мир должен был покупать у Америки, чтобы расплачиваться с ОПЕК, чьи сверхдоходы затем вкладывались в банки США. Впрочем, и без всякого тайного сговора иранский шах и арабские шейхи держали бы свои авуары на долларовых счетах, поскольку они не могли позволить себе лишиться военного покровительства США.

Тайная дипломатия Киссинджера в течение последующего десятилетия произвела множасьщиеся непредвиденные последствия. Возникшая на финансовых рынках Запада масса долларов, полученных от продажи нефти, искала любого более или менее доходного применения. При этом зрелые промышленные секторы развитых стран, в первую очередь самих США, к началу 1970-х уже столкнулись с проблемой сбыта, которую можно считать одним из главных сигнальных маяков на пути к грядущему структурному кризису. Другой проблемой стало снижение нормы прибыли во флагманских отраслях стран западного мира, таких как британское судостроение, металлургия немецкого Рура и автопром Детройта.

Добавьте к этому массу долларов, которыми США в 1950–60-х годах щедро расплачивались за свои военные базы по всему миру, тем самым мощно субсидируя многочисленных союзников, особенно в период войн в Корее и во Вьетнаме. Прибавьте также льготные кредиты, которые в изобилии предлагались американскими банкирами в 1974–1979 годах едва ли не всем странам и правительствам.

Тогда на кредитование «петродолларами» соглашались многие и брали помногу, теряя самоконтроль. Многим правительствам, покачнувшимся в годы того кризиса, срочно требовалась наличность. Главной была политическая проблема, которую в советских условиях решало брежневское руководство (у последнего экспортные нефтедоллары как раз и появились в

виде неожиданно удачной доли от авантюры ОПЕК). Всем же прочим, от Польши до Аргентины, приходилось брать в долг.

Многие правящие элиты тогда прибегали к террору и диктатуре, на манер всяческих военных хунт, но все-таки безопаснее (прежде всего для самих себя) было откупиться от протестующих масс студентов, молодых специалистов и полуквалифицированных рабочих. Эти новые классы сформировались в период колоссального послевоенного бума. Молодые «шестидесятники», настроенные на постоянный рост, бунтовали повсюду с 1956 года, а в 1968-м протесты достигли мирового пика. Казалось, что еще немного – и начнутся революции: то ли во Франции и Италии к власти придут коммунисты, то ли в Чехословакии и Польше народ избавится от стареющей коммунистической диктатуры. В отличие от прежних крестьян и традиционных пролетариев, довольствовавшихся куском хлеба и по-отечески заботливой властью, студенты требовали привести устаревшие авторитарные структуры управления в соответствие с их потенциально ведущей ролью в новой научно-индустриальной экономике. Собственно это и составляло интригу и Пражской весны, и польской «Солидарности», и нашей перестройки.

Во-вторых, влезавшие в долги правительства стремились поддержать высокие темпы индустриального роста, характерные для послевоенного периода беспрецедентного в истории человечества роста экономического. Десятки правительств, от Латинской Америки до Восточной Азии и стран Советского блока, предполагали создать передовые секторы в надежде, что к моменту погашения кредитов новые источники доходов покроют долги. В расчете именно на это Египет, Бразилия и Югославия начали создавать собственные фармацевтику и автостроение. Никто не хотел задуматься, что в ближайшем будущем эти проекты перерастут свои национальные рамки, столкнутся друг с другом, с протекционизмом Запада и с кон-

курением восточноазиатских «тигров». Что произойдет, если половина стран мира разом начнет производить собственные автомобили и наводнит экспортные рынки дешевым текстилем и бытовой электроникой?

К тому времени националистические проекты автаркии и импортозамещения себя исчерпали. В конце 1970-х годов возникает новая перспектива перехода к экспортоориентированному промышленному росту. Для этого, однако, требовалось обеспечить новоиндустриальные экономики доступом на мировые рынки, без чего эти проекты попросту сорвались бы. Поэтому в конце 70-х в повестке дня устойчиво возникают требования нового мирового экономического порядка. По сути, это была первая попытка политической координации экономических требований на уровне всего тогдашнего третьего мира. Целью было заставить развитые страны Севера поделиться рынками и технологиями, а не отделываться помощью.

Кроме того, страны, как теперь выражаются, «Юга» собирались сознательно стимулировать торговлю внутри своего блока. К примеру, Бразилия по умеренной цене поставляет в Анголу свою технику, взамен получая нефть, хлопок и другое сырье по устойчивым ценам, защищенным от крайних рыночных колебаний, с тем чтобы Ангола сохраняла платежеспособность. По мере усложнения технологической цепочки бразильская промышленная продукция выходит на мировой рынок, а Анголе передаются менее технологичные компоненты промышленного производства и (непреречно!) соответствующие каналы сбыта.

Индустриализация Южной Кореи и Тайваня, куда с начала 60-х передавались менее прибыльные звенья японских производственных цепочек с соответствующими экспортными навыками и связями, происходила по тому же принципу. Конечно, огромную роль играли капиталы, сбытовые возможности и политическая воля США, исключительно заинтересованных в выживании и самоокупаемости своих анти-

коммунистических форпостов в Восточной Азии. Со своей стороны, и правящие элиты Кореи и Тайваня должны были суметь воспользоваться предоставленными возможностями. Именно за этим следили извне и сверху, направляя в производство даже коррупционные доходы.

Это обретало смысл для самих коррупционеров, потому что устойчивые экспортные доходы делали производство, по крайней мере в более долгосрочном плане, привлекательнее рисков сиюминутного казнокрадства. Сегодня подобное прагматичное (если не циничное) отношение к коррупции, стало негласной политикой во многих странах, даже во внешне жестком коммунистическом Китае.

Собственно, идея нового мирового экономического порядка и заключалась в создании политических механизмов, способных воспроизвести для всех стран «Юга» то, что США некогда предлагали своим стратегическим клиентам по сугубо геополитическим соображениям холодной войны, а Северная Европа демонстрировала по отношению к Испании, Португалии и Греции после разложения последних на континенте фашистских диктатур в середине 1970-х. Однако выявился серьезный структурный ограничитель – сами размеры мировой экономики.

В XX веке правящие элиты Запада согласились поделиться доходами с собственным кадровым пролетариатом перед лицом совершенно реальной катастрофы мировых войн, фашистских завоеваний или коммунистических революций. Результат превзошел все ожидания. Западный пролетариат принял сделку и вместо романтического, но весьма опасного для жизни строительства баррикад стал ездить на собственных машинах за пособиями. Тем самым население развитых капиталистических стран продолжало потреблять даже в периоды безработицы. Страны же советского блока, вместо ожидавшегося Сталиным и многими прочими современниками возобновления после

1945 года Великой депрессии и краха капитализма, столкнулись с совершенно невыносимым для них демонстрационным эффектом массового потребления на Западе.

Однако одно дело – поделиться долей пирога с не таким уж и многочисленным, но центрально расположенным (и, добавим, белым) населением Запада, и совсем иное дело – делить пирог уже со всем (цветным) третьим миром. Вдобавок и сам зажиточный пролетариат Запада к началу 1970-х, оставаясь вполне лояльным капитализму, стал требовать все большего. В ходе потрясений 1968 года для всех правительств, коммунистических и капиталистических, было исключительно важно предотвратить смычку левых интеллигентов и массы кадрового пролетариата.

Официальные профсоюзы на Западе тогда покупались материальными предложениями, превосходившими их собственные ожидания. Это, конечно, обеспечивало социальное спокойствие, но и гарантировало со временем дальнейший рост запросов. И все это происходило на фоне понижения норм прибыли в устаревающих промышленных секторах. Вот почему вызванный ОПЕК рост сырьевых издержек произвел в 1974–1975 годах кризис, сломавший прежние компромиссы и приведший к деиндустриализации Запада.

Экономист Джованни Арриги называет этот кризис сигнальным, за которым последовало мощное восстановление нормы прибыли – но теперь на основе спекулятивных финансов и одновременного снижения доли зарплат в национальном доходе. Подобное восстановление в принципе не могло быть устойчивым и долгосрочным. Но все-таки велика планета, и пару десятилетий капитализм выручала глобализация.

Впервые это модное слово возникло в 1984 году в редакционном комментарии «Уолл-стрит джорнэл» по поводу решения кабинета Маргарет Тэтчер, открывавшего иностранным банкам прямой доступ на финансовый рынок лондонского

Сити. Показательно, что до 1991 года неологизм «глобализация» употреблялся только с прилагательным «финансовая». Дело в том, что после разгрома некогда славных британских профсоюзов в некогда ведущих, но теперь низкоприбыльных отраслях угледобычи и машиностроения Тэтчер остро требовалось создать новый ведущий сектор.

С распадом Британской империи Сити утратил было свое значение мирового денежного насоса, но теперь воспрял благодаря родовым связям с Америкой и близости к Европе. Ожил и остальной Лондон, где резко выросли цены на недвижимость, скупаемую своими и пришлыми рыночными игроками. Тем временем некогда славные Глазго, Белфаст, Манчестер и Бристоль переживали повальное закрытие шахт, заводов и судоверфей с соответствующим букетом социальных патологий от алкоголизма и распада семей до терроризма ирландского и мусульманского (пакистанцев в 1950-е годы завезли в качестве «лимитчиков» для давно устаревших текстильных фабрик). При этом капиталы высвобождались из привязанного к конкретной стране и местности материального сектора и утекали в глобальные финансы.

В 1979 году президент США Джимми Картер под угрозой поражения на выборах призвал своих экономистов сделать хоть что-то для обуздания экономического кризиса. Новый глава американского центробанка Пол Волкер предложил тогда отчаянные меры, не использовавшиеся с 1929 года. Это было сродни началу лечения пациента кровопусканием, коль скоро все известные науке антибиотики перестали работать.

К тому времени кризис на Западе продолжался уже десятилетие, с никсоновской вынужденной девальвации доллара 1971 года и формального краха Бреттон-Вудской системы международных финансов, которая после 1945 года служила барьером против повторения больших депрессий. Правительства западных стран вкачивали ликвидность в свои

экономики в надежде на повторение кейнсианского эффекта мультипликатора, который так выручал со времен Великой депрессии и послевоенного восстановления. Попросту говоря, и капиталистам, и рабочим по-всякому раздавались деньги в расчете на стимуляцию потребительского спроса и технического переоснащения. На сей раз почему-то деньги вызывали только инфляцию вкупе с деловым застоем (стагнацией) – стагфляцию.

Капиталисты попросту боялись инвестировать в производство в ситуации, когда будущие прибыли оказались под угрозой из-за дальнейших профсоюзных требований и появления новоявленных конкурентов из развивающихся стран. У всех в памяти был легендарный, помпезный, хромированно-крылатый «бьюик» образца 50-х, поникший вначале перед дешевенькими, но вполне пригодными японскими «тойотами», к которым вскоре добавились бразильские лицензионные «фольксвагены-жуки», а теперь еще и угловатый, но вовсе дешевый югославский «юго».

Пол Волкер, как показывают документы тех лет, жал на кнопки практически вслепую. Он резко поднял ставки по кредитам. Расчет был на ускорение вялотекущего кризиса, чтобы выжившие сильнейшие, перехватив активы и рыночные секторы у старых и немощных, поскорее запустили следующий подъем. Неудачливый президент Картер так и не успел поносить лавры спасителя капитализма. После выборов 1980 года они достались мастеру консервативного пиара Рейгану и сохранившему свой пост Полу Волкеру.

Волкер не предвидел размаха и дальнейших последствий, а также мировой цены своего успеха. Он ориентировался на внутренние процессы в экономике США. Повышение ставок должно было стимулировать приток капитала, что позволяло и далее финансировать дефицит баланса текущих операций. Именно в силу своего размера и особого положения в мировых делах США, в отличие от прочих стран-должников, еще

долго (вплоть до сегодняшнего дня) могли избегать болезненной структурной перестройки – сокращения импорта и увеличения экспорта. Меры Волкера, таким образом, виделись паллиативом, призванным помочь президенту Картеру избраться на второй срок, а вовсе не эпохальным переворотом на мировых рынках.

Результат превзошел ожидания. Против всех левых (да и правых) теорий в «центр империализма» со всего мира хлынули инвестиции. Из экспортера капитала США стремительно превращались в импортера, из мирового кредитора – в крупнейшего должника. Рейган и Волкер, если и были приятно озадачены таким поворотом, но вовсе ему не противились.

После шока начала 1980-х экономика США вступила в длительный период процветания, по крайней мере для инвесторов и политиков, которым больше не требовалось решать бюджетные головоломки. Рейган получил средства и на пушки (колоссальные ассигнования на техническое и психологическое перевооружение новой профессиональной армии после поражения во Вьетнаме), и на масло, которое теперь, впрочем, доставалось верхним и близким к ним слоям общества, расположенным в социальной структуре ближе к финансовым потокам и процессу отбора кандидатов на выборах. Мировая власть вернулась к элитам США «с лихвой».

Политический климат миросистемы менялся кардинально. Новые левые движения, еще недавно сотрясавшие устои западного общества, распались так же быстро и бесславно, как и их непризнанные собратья – советские диссиденты и демократы после 1991 года. При всем энтузиазме у этих сил не оказалось никакой позитивной программы. Солидные профсоюзы, приученные к легким деньгам без забастовок, теперь оказались один на один с ожесточившимся менеджментом, отныне всегда готовым перенести производство в Мексику или Корею. Когда забастовки все же случались, ответ властей был суров, как в далеком XIX веке. Президент Рейган начал с по-

казательного избиения элитного профсоюза авиадиспетчеров, которых попросту заменили военными профессионалами.

В 1980 году на первый план выдвигается другая стратегия – капитал, прежде всего американский, уходит из скованного национальными рамками производства в глобальные финансовые спекуляции, ломая прежние политические барьеры и механизмы регулирования. Если легендарные капитаны американского бизнеса первой половины XX века выступали организаторами производства (Карнеги, Форд, Рокфеллер, даже Дисней), то героями новой эпохи становятся финансовые игроки – Трамп, Баффет, Сорос. Их первое очевидное преимущество – биржи лишь опосредованно связаны с производственными цепочками. Так что особо не побастуешь. Но куда большее преимущество в том, что капитал в финансовой форме крайне мобилен, адаптивен и всеяден. Развитие электроники дало ему возможность буквально в секунды перемещаться из сектора в сектор, из страны в страну. Оставалось только снести препятствия на пути глобализации финансов.

В 1979–1982 годах страны третьего мира в целом откатились в мировой иерархии доходов на душу населения на позиции колониального периода. По силе воздействия удар долгового кризиса был сопоставим с Великой депрессией, если не хуже.

Захлебнулись национальные проекты промышленного роста, финансировавшиеся за счет дешевых кредитов 1970-х годов, а с ними и разговоры о новом экономическом порядке. Правительства выстраивались в очередь за спасательными кредитами МВФ, которые теперь обставлялись монетаристскими требованиями жесткой экономии, ликвидации субсидий и защитительных барьеров. Это открывало для сильнейших финансовых игроков мира все больше рынков и доступ к бросовым теперь активам обанкротившихся госсекторов. Слом границ и барьеров, собственно, и стал основным процессом глобализации.

Вскоре в той или иной форме добавились требования либеральной демократизации и приведения государственных институтов в соответствие с американскими нормами ведения бизнеса и политики. Это понижало риски вхождения на новые рынки и попросту делало весь мир узнаваемо своим для американского инвестора. Всевозможные диктатуры развития, утратившие уверенность и средства к осуществлению власти, вдруг шли на переговоры и пакты с оппозицией. В Латинской Америке, как всегда, доходило до крайностей, когда хунты едва ли не из тюрем и ссылки приводили оппонентов «поругать» разваливающейся страной. Так, президентом Бразилии стал некогда известный леворадикальный социолог Энурике Кардозу, сделавшийся на новом посту таким же убежденным неолибералом.

Фидель Кастро призвал было к забастовке стран-должников в попытке спасти идею политического блока третьего мира и совместно добиваться пересмотра мировой финансовой системы. Как часто бывает со всякими забастовками, организовать коллективное действие всегда труднее, чем его подавить. Вернее, протесты «Юга» утратили саму перспективу успеха перед лицом гигантской финансовой воронки, в которую превращались США.

В течение следующего десятилетия США стабильно поглощали до 75% прироста мирового инвестиционного капитала. Если раньше какой-нибудь Сьерра-Леоне доставались хоть крохи, то теперь в привлечении капитала приходилось конкурировать с самой Америкой, чьи финансовые инструменты давали устойчиво высокий доход при минимальных рисках.

В распаде Югославии принято винить этнические конфликты. При этом забывают, что с 1980-го по 1990 год реальные зарплаты в стране упали втрое на фоне раскручивающейся гиперинфляции. Передовые промышленные отрасли, на которые ранее возлагались большие надежды, оказались

в коме под давлением резко вздорожавших кредитов и таких неожиданных конкурентов на авторынке, как Южная Корея. Видя судьбу Чаушеску, сербский номенклатурщик Слободан Милошевич резко поворачивает к национализму.

Наверное, неслучайно и то, что среди основателей «Аль-Каиды» было так много египетских технарей, переживших распад своих отраслей и нашедших выход своему отчаянию в программе борьбы бывшего саудовского автодорожника Усамы бен Ладена.

В СССР не осознали происходящего в третьем мире. У нас готовили асимметричный ответ на «звездные войны» Рейгана, а беды Югославии воспринимали свысока, если не злорадно: «Доигрались со своим социалистическим рынком и самоуправлением». По сути, Советская Россия была одним из первых и крупнейших образцов диктатуры развития, успешно вышедшей на уровень индустриализации середины XX века, но там же и застрявшей.

Предположение, что СССР по структуре импорта/экспорта приближался к третьему миру и мог бы угодить в долговую ловушку, отменялось с порога. Остается гадать, насколько удалась бы перестройка при высоких ценах на нефть. Фактом остается то, что спад мирового производства и смещение инвестиционных приоритетов американского капитала (но едва ли злая воля антикоммунистов, у которых просто не могло быть такого дара предвидения) привели к длительному падению цен на сырье, включая нефть, в самый не подходящий для Горбачева момент. Распад СССР убирал последнее крупное препятствие на пути американской финансовой глобализации. Вернее, так всем казалось в 1990-е годы.

Молодые центристы Клинтон и Блэр, сменившие жестких стариков Рейгана и Тэтчер, имели значение косметическое. Эти выходцы из левых (все-таки лейбористы были некогда социалистической партией, а Билл Клинтон успел немного по-

протестовать в 1968 году) стремились поставить доставшуюся им глобализацию на более устойчивую основу многосторонних договоренностей между победителями и проигравшими предшествующего десятилетия. Что уже случилось, то они прагматично признавали неизбежным, в дне сегодняшнем предлагали расплывчатое «сотрудничество в поиске решений», а в будущем обещалось всеобщее воссоединение в новом технологичном, динамичном, толерантном, открытом и мультикультурном глобальном социуме. Риторика глобализации в годы Клинтона достигает своего пика.

Одновременно возникает колоссальный финансовый пузырь, который триумфально провозглашается бумом «новой предпринимательской экономики» без спадов и рисков. Положение дел тут, как всегда, запутано до предела. Но в целом понятно, что средства, высвободившиеся из государственных банкротств по всему миру, должны были куда-то притекать. Однако офшорные банки предлагают анонимность, но не высокую доходность. Поэтому капиталы, бегущие вместе с завладевшими ими анонимными бенефициарами от политических и криминальных рисков, должны куда-то вливаться. А что привлекательнее емких, открытых и вполне безопасных рынков недвижимости и финансов Нью-Йорка или Лондона? Неизбежно было возникновение финансовой пирамиды, которую США поддерживали всей своей суверенной мощью и прежним авторитетом.

Американские элиты вели себя подобно предводителю дворянства, который смело занимает у своих клиентов, а те покорно ссужают поиздержавшемуся генералу, который по-прежнему оказывает протекцию просителям, является на все свадьбы и продолжает азартно ставить на бегах. Клинтоновская конъюнктура воспроизвела на новом историческом витке «белль эпок» 1880–1910 годов, золотую осень британской гегемонии, когда неудержимая индустриализация и кайзеровской

Германии, и воссоединенной в гражданской войне Америки неуклонно лишали Британию монопольного положения «мастерской мира».

Похожим образом в конце XX века гегемония доллара и финансовых институтов США обеспечивали глобальный сбор ренты, но без грубого и явного принуждения, а объективно, в силу сложившейся архитектуры миросистемы. Однако любая сложная система изменчива. Основы власти постоянно требуют ремонта и поддержания. Возникает, скажем, евро. Его пока довольно легко сдерживать – Евросоюз свылся с положением привилегированной опеки. Но как быть с Китаем?

Китай оказался самым непредвиденным последствием политики глобализации. Вывод трудоемких индустрий из стран ядра миросистемы означал поиск новых производительных баз где-то на периферии. В 1970–80-х годах это приводило к краткосрочным подъемам то в Бразилии, то в Индонезии, что сразу же провозглашали экономическим чудом. Глобальная рыночная интеграция КНР вначале воспринималась американскими элитами как маневр в противостоянии с СССР и Вьетнамом, как снисхождение к бывшему противнику, затем – как удачное сочетание инвестиционных возможностей и, наконец, как потрясающее подтверждение рыночной идеологии.

Страх перед разбухенным великаном возникает к концу 1990-х, когда выяснилось, что баснословные долги США скупает прежде всего Китай. Америке предложили сделку, от которой она не могла отказаться. Все еще бедная, но беспрецедентно быстро растущая и гигантская азиатская страна финансировала потребление богатого общества, которое быстро теряло основы своего индустриального производства. Продолжение гигантской индустриализации Китая требовало поддержания где-то в мире столь же гигантского спроса. Китай стал ссужать Америку американскими же долларами, чтобы поддержать американский уровень потребления импортируемых из Китая товаров.

Конечно, сегодня Китай растет от колоссальной глубины и ширины корневой системы рыночного ремесленного хозяйства, веками формировавшегося в Поднебесной. Если же почитать Фернана Броделя или Джанет Абу-Лугод, то можно также узнать нечто поразительное и об Индии. Стоит пристально следить и за былыми центрами исламской коммерции: Ираном и Египтом. Дело ученых – объяснять, как именно сохранились стародавние экономические традиции этих регионов, которые Бродель называл великими колесами торговли. Но факт остается фактом: эти традиции где-то подспудно сохранялись в течение веков господства Запада.

Китай, Индия и прочие страны теперь уже бывшего третьего мира в 1950–60-е годы заложили основы своего подъема – современные государственные институты, инфраструктуру, образование. Им не удалось сделать рывок, намечавшийся в 1970-х годах. Причина в том, что вмешалась катастрофическая для большинства третьих стран финансовая конъюнктура американской глобализации, которая ударила по слабым местам и прервала их переход от импортозамещения к экспортной индустриализации.

Для объяснения американского вторжения в Ирак придумано много теорий. Большинство из них полны конспирологических версий. Неоконсерваторы считали, что клинтоновские эживоки – лишь трата времени в противостоянии главной угрозе гегемонии США, а именно – экономическому росту Китая. Они также осознали невозможность справиться с Китаем тем же образом, как Рейган справился с конкуренцией Японии. Токио вынудили принять американские правила ведения «открытой игры», что привело к краху финансовой системы, выстроенной на азиатском кумовстве, и последующей многолетней стагнации.

Пекин оказался менее податливым. Конечно, Китаю приходилось накапливать гигантские долларовые запасы от практически односторонней торговли с США, тем самым под-

держивая курс доллара и американское потребление. При этом Китай развернул инфраструктурное строительство, перед которым меркнут достижения «нового курса» Рузвельта. Прямая война с ядерным Китаем исключалась. Антикоммунистическая либеральная революция Китаю после 1989 года едва ли грозила.

Война же с Ираком, казалось, «убивала много зайцев» разом. США демонстрировали возможности самой дорогой и высокотехнологичной армии в мире и способность действовать по собственному усмотрению, блокировали беспокойный Иран, получили центральные позиции на Ближнем Востоке. Наконец, с оккупацией Ирака США фактически вошли в состав ОПЕК. Главной аудиторией этой демонстрации имперской мощи были призваны стать не столько Европа или арабский мир, сколько Китай. Как мы теперь знаем, вышло иначе.

Об опасности геополитического перенапряжения давно предупреждали и умнейший консервативный политолог Джон Миершаймер, и левый радикал Иммануил Валлерстайн, и либеральный историк Пол Кеннеди. О том, что будущие войны на периферии будут вестись не в пустынях и джунглях, а в городских трущобах, где высокоточное оружие бесполезно и все будет по-прежнему зависеть от пехоты, говорили и Анатолий Ливен, и многие другие трезвомыслящие теоретики. В Пентагоне многие смотрели «Битву за Алжир» – великий и беспощадно реалистичный фильм Джилло Понтекорво о городских партизанах в мусульманской стране. Однако имперская идеология и сознание собственной мощи ослепляют самих пропагандистов. На закате империи такое случается нередко. Именно в этот момент интересно проследить за действиями элиты.

В социальной иерархии человеческого общества верхние уровни занимают функционально различные элиты: полководцы, коммерсанты, жрецы и идеологи, администраторы и правители. Говоря об *элите*, мы неизбежно вступаем на минное поле, дебаты по поводу определений здесь не-

скончаемы. Чтобы не увязнуть в препирательствах ученых-обществоведов, используем инструментарий Пьера Бурдьё. Тем более подход, которым пользовался Бурдьё, выводит нас на социологический анализ повседневности, лишенный обобщенности макроанализа.

Элиту можно рассматривать попросту как группу индивидов, занимающих верхние эшелоны, «командные высоты» в тех или иных социальных институтах: на экономических рынках и предприятиях материального производства, в политических партиях и движениях, организационно в той или иной степени оформленных полях «символического производства» (религии, «высокой» и массовой культуре, науке, журналистике, образовании, спорте) и, конечно, в государственных структурах.

Человеческое общество подобно экосистеме, где кооперативные принципы симбиоза и внутривидового альтруизма соседствуют с хищническими и паразитарными стратегиями. От их изменчивого баланса зависит устойчивость системы. Однако, в отличие от систем биологических, системы, созданные людьми, наделены сознательной рефлексивностью. Так или иначе, мы думаем, что делаем. Если же действия или бездействия людей подрывают устойчивость их общества, то стоит заподозрить не когнитивные дисфункции, проще говоря глупость (вроде «дураки они все»), и не нехватку информации («эх, знал бы царь-батюшка»). Аналитически продуктивнее будет поискать чей-то статусный и даже вульгарно-корыстный интерес.

Антропологи-теоретики Аллен Джонсон и Тимоти Эрл в ходе изучения различных эпох и племен полушутя вывели эволюционный «принцип наименьшего усилия», гласящий: всякое общество сопротивляется инновациям и не изменяется настолько долго, насколько хватит терпения. Пока элиты обладают значительными ресурсами убеждения и принуждения, они могут повышать степень «долготерпения» основной массы общества. Дело может дойти до внезапного коллапса, который наступает с

исчерпанием ресурсов элиты. Приближения критического порога часто не замечают именно потому, что ресурсы убеждения и принуждения не в последнюю очередь расходуются на подавление неприятной информации и поддержание иллюзии status quo. Но и иллюзии не могут существовать вечно, и реальность нередко заставляет их отступить, самым радикальным образом обнажая подлинное положение дел.

Как афористично заметил великий историк Эрик Хобсбаум, потрясения двадцатого века «заставили все правительства править». В 1914 году центр капиталистической миросистемы фактически устроил групповое самоубийство. Волны от этого коллапса не утихали в Европе три десятилетия, а на мировой периферии до 1970-х гг. продолжались революциями, партизанскими войнами и националистическими диктатурами. Откуда, скажем, возник Ирак? Из Месопотамии, которую в 1918 году англичане отобрали у турок-османов, создав там полуколониальную монархию, свергнутую в 1958 году молодыми патриотически настроенными офицерами, среди которых был небезызвестный Саддам Хусейн. Такими причинно-следственными цепочками полна история XX века.

Понять эволюцию власти в ходе XX века помогает знаменитый американский политолог-анархист Джеймс Скотт. Благодаря Теодору Шанину книга Скотта была издана на русском языке под названием «Благими намерениями государства». Подзаголовок ее и вовсе прозрачен: «Как и почему проваливались проекты по улучшению человечества».

Джеймс Скотт выделяет четыре необходимых условия для «апокалипсиса в отдельно взятой стране»: модернистские идеи по якобы рациональной переделке мира, наличие достаточно сильного аппарата для проведения идей в жизнь, жестокий кризис как повод и, наконец, неспособность подавленного или дезорганизованного общества сопротивляться политической «ломке через колено». Все эти четыре условия

в полной мере наличествовали именно в XX веке и, очевидно, могут реализоваться в нынешнем кризисе.

Конец американского варианта глобализации открывает пока смутные перспективы. Не исключены развал и хаос, которые будут сотрясать мир в конвульсиях еще не один год. Тогда мы увидим этнические, религиозные и расовые конфликты, значительно превосходящие распад СССР и Югославии. Как и в период между мировыми войнами, возникают условия для фашистской апокалиптической реакции справа. Однако можно также всерьез ожидать возобновления усилий по созданию альтернативного экономического порядка, основанного на политическом стимулировании промышленного роста прежде всего в странах «полупериферии» вроде Китая, Индии, Ирана, Бразилии и России.

Крах глобальных спекулятивных финансов, среди прочего, означает, что капитал теперь будет вынужден искать новые доходные ниши. Восстановление массового промышленного производства, начавшееся в Китае и перекидывающееся на другие страны, вполне достоверно указывает на наступление новой фазы материального роста. Новые деловые и социальные компромиссы будут определяться относительной политической силой и сплоченностью межклассовых (хотя теперь не обязательно националистических) альянсов, заинтересованных в материальном росте.

В мире последние несколько лет витает идея Пекинского консенсуса – в пику Вашингтонскому консенсусу глобального неолиберализма. Он предполагает активное поощрение роста и занятости, выведение стран из отсталости. На фоне нынешнего положения дел это может оказаться для многих подчиненных групп приемлемой платой за сохранение недемократических порядков.

Впрочем, конец идеологии неолиберализма с ее апологетикой имущественного неравенства может вернуть

мир к эгалитаристским программам образца 1968 или советского 1989 года. Можно надеяться, что на этот раз подобные программы будут подкреплены горьким опытом и реализмом, требовательностью к деталям. У Пекинского консенсуса может возникнуть демократическая альтернатива слева, что само по себе – здорово, так как всякие монополии чреваты вырождением. Возможность альтернативы не может не радовать нас, поскольку крах хоть как-то организующей мир гегемонии способен вызвать катастрофические последствия по всему миру, а нам нужны некоторые ориентиры для спасения на его обломках.

Крах СССР стал возможен во многом потому, что долго виделся невозможным. Поэтому политики времен перестройки вели себя столь безоглядно. И главное, решительное и радикальное переустройство лучше элементарного хаоса и распада. Лучше для всех, включая сами элиты, которые иногда требуется спасать от самих себя. Сегодня это означает какую-то форму регуляции социальных и экономических процессов на уровне отдельных стран, регионов и всего мира. Таков основной вывод, который можно сделать в заключение. Кто ныне правит миром? Да вроде бы никто. А это уже опасно для всех.

Корни кризиса и дальнейшая перспектива

Мы живем в эпоху кризиса *longue durée* (фр. «долгий период» – термин, использованный историком Фернаном Броделем для описания долговременных исторических изменений, таких как появление и исчезновение экономических и социальных структур), который берет свое начало с момента крушения Бреттон-Вудской системы в 1971 году. Реакция на современный кризис часто базируется на ограниченном понимании (неполном или не соответствующем действительности) прошлого опыта в сочетании с рыночной идеологией, ее нормативными принципами, то есть тем, «что должно быть». Кроме того, при анализе ситуации часто игнорируют долгосрочные перспективы кризиса. Представляется важным проследить всю череду предшествовавших кризису событий, а также по возможности представить широкий спектр проблем, с которым пришлось столкнуться мировому сообществу.

Подъем США в XIX веке стал возможен после окончания таких процессов, как приобретение земель и ресурсов, этнические чистки, а также иммиграция, начавшаяся со времен Колумба. Однако лишь эти факты не объясняют причин подъема США, особенно если учитывать, что то же самое пережила Латинская Америка. Невозможно обосновать причины успеха и простым следованием традициям англо-саксонского протестантизма. Ведь мы видим, что юг Соединенных Штатов, заселенный британцами и ими же управляемый, пошел по пути развития Латинской Америки. И по сей день южные штаты живут на государственные средства, поступающие с Севера.

Индустриальный Север был абсолютно другим. Промышленность Севера столкнулась с вынужденным увеличением расходов на рабочую силу, так как рабочие всегда могли сделать выбор в пользу занятия фермерством на приграничных землях, простиравшихся далеко на запад. Таким образом, из-за высокой стоимости рабочей силы промышленным отраслям на севере страны приходилось непрерывно совершенствоваться, применяя наиболее эффективные методы производства. Соединенные Штаты также придерживались последовательной программы развития, основанной на поддержке при помощи пошлин новых отраслей промышленности.

Александр Гамильтон, видный государственный деятель США, первый и единственный вице-президент Конфедеративных Штатов Америки, изложил Конгрессу свое видение политики США в Докладе о Мануфактурах в 1791 году. Хотя изначально идеи этого доклада были отвергнуты сторонниками открытого рынка с Юга, содержащееся в нем положение о пошлинах в измененном виде было принято Конгрессом в 1794 году. Так начался подъем Америки. Он основывался на принципах оказания поддержки новым отраслям промышленности, позднее перечисленным и превознесенным Фридрихом Листом и Немецкой Исторической Школой (аналогичным образом произошло также укрепление Германии).

Более того, к концу XIX века в США была создана собственная экономическая школа в противовес экономическому либерализму, господствовавшему в элитных академиях англофилов. Среди их первых выпускников конца XIX века были студенты из Японии, которые впоследствии руководили созданием своей управляемой государством модели развития. Один из главных принципов американской школы гласил, что рынки в классической экономической традиции должны быть свободны от ренты. Утверждалась необходимость так регулировать экономику, чтобы избежать процентов от арендной платы и извлечения прибыли из экономики производства и услуг. В этом и заключается истинное определение свободной

рыночной экономики в классической традиции, и часто ей необходим высокий уровень регулирования.

США содержали очень небольшую армию и не вмешивались в не прекращавшиеся в Европе распри. Эта политика была озвучена первым президентом США Джорджем Вашингтоном в его прощальном обращении, призывавшем американцев держаться подальше от бесконечных европейских войн. Это стало официальной политикой с провозглашением доктрины Монро (изложенной Джоном Куинси Адамсом). Доктрина гласила, что США должны и впредь придерживаться политики невмешательства в дела Европы и активно действовать лишь для сохранения своего влияния в странах Латинской Америки.

Данная политика прошла испытание при попытке Греции получить независимость от Османской империи, когда многие американцы призывали правительство вмешаться и помочь Греции. США воздержались от вмешательства, и тем не менее Греция получила независимость. Таким образом, на протяжении большей части своей истории, до Второй мировой войны, Соединенные Штаты содержали очень маленькую армию. Это позволило избежать затрат на большие войны (исключение составляет лишь Гражданская война) и решило вопрос в пользу сохранения высоких пошлин и индустриализации. США продолжали наращивать промышленную мощь за стеной высоких пошлин, отвергая требования Британии перейти к политике свободной торговли.

Несмотря на короткое затишье в середине XIX века, отмеченное доминированием экономического либерализма в Европе и замедлением темпов экономического развития, в конце XIX века политика вмешательства небезуспешно использовалась большинством европейских стран (а также Японией и Россией). Тем временем США не прекращали поддерживать новые отрасли промышленности с помощью пошлины и, как следствие, их экономика продолжала стремительно развиваться.

В отличие от США, некогда могущественные Индия и Китай были на долгое время низведены до роли британских колоний, открытых для свободного рынка. Рост народонаселения на планете стал возможен благодаря началу поступления товаров с мировой периферии, возникла нехватка энергии (древесины) для поставки в два наиболее развитых региона: Китай эпохи династии Цинь и Северо-Западную Европу. Решение было найдено в земле, но на этот раз не на периферии, а в непосредственной близости от городов Великобритании. Таким образом энергетический кризис был преодолен. Решение (паровой двигатель) вопроса откачки воды из постоянно наводняемых шахт Англии ускорило темпы индустриализации и в XIX веке привело к головокружительному возвышению Северо-Западной Европы над Китаем и всеми остальными конкурентами. В середине XVIII века Великобритания начала захват территории Индии, некогда входившей в Империю Великих Моголов. Лучшие в мире хлопчатобумажные текстильные фабрики в Дакке были уничтожены или приватизированы Великобританией, от чего город так никогда и не оправился. Между тем Китай, в 1776 году описываемый Адамом Смитом как богатейшая экономика мира, был ослаблен неспособностью преодолеть энергетический кризис и побежден британской свободной торговлей и опиумом из колониальной Индии. Последовали голод и крах развитой гидротехнической инфраструктуры.

«Подъем Запада» при создании глобальной экономики произошел после включения экономики Америк в мировую цепочку экономического обмена около 500 лет назад. Не использовавшиеся ранее ресурсы стали приносить непредвиденную прибыль, во-первых, – в виде денег (золота и серебра) и, во-вторых, – в виде древесины. Эти средства открыли Западу доступ к товарам более развитого Востока. Американская древесина, а также древесина стран Балтии (при этом Россия оставалась периферией Западной Европы) шла на изготовление парусных судов и строительство зданий. Затем Америка стала поставлять сельскохозяйственное сырье, сначала – сахар

и хлопок, а потом и зерно. Все это способствовало росту населения и развитию промышленности.

От приведенных в качестве примеров Индии и Китая, открытых для «свободных рынков» двести лет назад, отличались Соединенные Штаты Америки или, по крайней мере, север США. Они отвергли британскую свободную торговлю и использовали для защиты своих зарождающихся отраслей промышленности высочайшие в мире тарифы на протяжении всего XIX века. Эта идея задействовать государство для развития, по существу, была скопирована немецкой исторической школой, а затем – японцами. По сравнению с США и Германией реальный сектор экономики Британии к концу XIX века уже переживал начало спада. Англия полагалась на империю, свободную торговлю со странами Латинской Америки и свое господствовавшее положение в финансовом секторе, в то время как США продолжали проводить политику содействия развитию промышленности, защищенной как пошлинами на импорт, так и стоимостью перевозки через Атлантический океан.

На протяжении долгого времени в США была очень дорогостоящая рабочая сила. Труд стоил дороже, чем в Европе, и в результате американские предприятия всегда были вынуждены искать новые, более «умные» способы производства – более эффективные техпроцессы, автоматизацию. Причина, по которой рабочая сила обходилась дороже, чем в Европе, заключалась в том, что в Америке был «большой фронтир». Конечно, во многом он возник благодаря преступлению – этническому очищению региона от коренного населения. Но, поскольку у США он все-таки был, люди всегда имели возможность заниматься фермерством, вместо того чтобы работать на другого. Это вело к росту заработных плат.

Отчасти причины подъема США были заложены и в культуре. С самого начала американские элиты презирали европейскую аристократию, считали ее совершенно непродуктивной, паразитической. Идея унаследованных привилегий казалась им обузой для общества и экономики. Даже те,

кто стал невероятно богатым и могущественным к концу XIX века, т.н. «магнаты Золотого века», сохраняли эти взгляды. Они верили, что унаследованное богатство — зло, и лучше раздать нажитое, чем оставлять детям. Считалось, что каждое поколение должно само «создавать себя» и добывать богатство. Все эти факторы сделали общество на некоторое время богатым и продуктивным.

Следующий серьезный кризис начался в XX веке. Проблема заключалась не в нехватке ресурсов, а в борьбе за них, за доступ к рынкам, что привело к межимперскому соперничеству. Попытки Советского Союза, Германии, Японии (причем в случае с немцами и японцами — агрессивные) создать альтернативу капиталистическому укладу Англии привели к войне. Следующая проблема, которая была связана с первой, заключалась в том, что экономический кризис в результате естественной эволюции капитализма стремился к финансиализации. Это вызвало как снижение спроса в экономике, так и вспышки спекуляции, погоню за рентой и нестабильность в целом. Одним словом, причины кризисов данного периода были в основном связаны со спросом.

Эти проблемы обсуждались в США в середине XX века, когда было подписано Бреттонвудское соглашение о послевоенной валютной системе. Созданная система ограничила власть денежных средств, поздний государственный капитализм свернул со своего естественного пути развития в сторону финансиализации. Этот путь был выбран только из-за соперничества с СССР, с которым столкнулась система. Соперничество с СССР подвергало сомнению гегемонию США почти 40 лет. Крах противника в «холодной войне» стал подарком для Соединенных Штатов. Экономика получила мощный импульс, как казалось, окончательно преодолев последствия кризиса 1970-х годов. Принципы «Вашингтонского консенсуса» были приняты большинством стран на планете. Однако усиление гегемонии оказалось временным. Не помогло даже уменьшение демократии, которой оказалось «слишком много».

США призвали страны, не ориентированные на СССР, использовать для развития государственную политику, а также содействовать социальной демократии в своих регионах как для создания политической стабильности, так и для стимулирования спроса в экономике – все ради попытки предотвратить выбор советской модели, которая оказалась успешной. Система работала слишком хорошо, приведя к настолько бурному развитию, что возникла большая конкуренция за ресурсы, в результате чего существующий социальный порядок перестал с ней справляться. К 1970 году возник энергетический кризис. Глобальный «Юг» восстал, а рабочий класс во всем мире начал требовать все большего и большего. Одним словом, причины кризиса теперь были связаны с предложением.

Сэмюэл Хантингтон назвал проблему «кризисом демократии», подразумевая, что демократии было «слишком много». Соответственно, Соединенные Штаты Америки вернулись на шаг назад. Для преодоления проблемы снижения прибыли из-за устаревшего Бреттонвудского соглашения о послевоенной валютной системе решили задействовать денежные средства, по которым у США было явное преимущество. Произошло сокращение рабочей силы. С проблемами глобального «Юга» жестко разобрались, когда тот «уклонился от сохранения за собой права на ведение собственных дел», как выразился тогдашний министр финансов США Уильям Саймон. Одним словом, Бреттонвудское соглашение о послевоенной валютной системе уступило место системе «Вашингтонского консенсуса», основанного на лидерстве США в области финансов и использовании резервной валюты на основе нефтедолларов, а также на преимуществах в сфере услуг, фармацевтике и сельском хозяйстве. Таким образом, инновации США в производственной сфере и накопление капитала были заменены инновациями в области финансов, погоней за рентой, а порой — и сокращением производства материальных благ.

Другим решением была глобализация производства с целью задействовать недоиспользованную резервную армию

труда. Это совпало с желанием Дэн Сяопина развивать промышленность Китая. Таким образом, долгосрочная игра Китая восстановила мощь США в краткосрочной перспективе и в то же время ослабила ее в конечном итоге. В результате заработная плата в богатых странах мира действительно снизилась, но упала и себестоимость мировой продукции. Тем не менее при устранении ценового давления на производство замедлились темпы инноваций. Казалось, производителям стало доступно бесконечное множество дешевых рабочих рук. Таким образом, японские и американские инвестиции в 1980-х годах в робототехнику замедлились, а капитал был направлен в Китай.

Денежные средства были еще более либерализованы. Богатые страны после отказа от Бреттонвудского соглашения о послевоенной валютной системе научились жить дальше, с помощью смены циклов частного и государственного кредитования. При этом происходило снижение заработной платы, которая больше не поспевала за способностью экономики производить товары.

Проблема состояла в том, что слишком мало денег вкладывалось в реальную экономику. В начале XX века некоторые экономические теоретики стали обращать внимание на этот тревожный симптом. Они вернулись к данной теме в период между мировыми войнами. Финансы снова начали играть все большую роль в экономике. В результате в 1929 году в США наступила Великая депрессия, которая распространилась затем на весь мир, а окончательно была преодолена только в ходе Второй мировой войны. Но даже после войны оставалось впечатление, что проблема по сути никуда не ушла. Когда после войны в связи с демобилизацией наступила экономическая рецессия – что в 1944 году предсказывали такие экономисты, как Дж. М. Кейнс, – все ждали краха и думали, что в связи с этим делать. Если мы возьмем классическую формулировку Маркса, что деньги сначала превращаются в товары, а потом в деньги, то здесь деньги, пропуская товарный этап, сразу стали превращаться в деньги. Эту большую проблему не удалось

разрешить. Временное решение нашлось в 1980-х годах, еще одно — в 1990-х годах (опять же очень кратковременное). Впервые, страны бывшего советского блока были включены в глобальную экономику. Большое количество сырья стало поступать на глобальные рынки, понижая тем самым цены на сырьевые товары, а также создавая новых потребителей. Это придало некоторый импульс глобальной экономике. Но, конечно, эффект сошел «на нет» к началу двадцать первого столетия. Это отсрочило кризис, но ненадолго.

В 1980-х и 1990-х годах был достигнут определенный рост, но данный эффект был очень непродолжительным. Другая мера — сокращение зарплат, которое, конечно, нашло свое отражение в прибылях Уолл-Стрит и других мировых финансовых центров. Как следствие, в 1980-х — 1990-х, а также в 2000-х годах корпоративные прибыли пошли вверх, но повышение было основано на понижении зарплат, в то время как реальная экономика производила все больше и больше товаров. Нужно было как-то выйти из этого противоречия. И выход был найден: долг и кредит. Как результат — расширение частного кредита стало чередоваться с ростом государственного кредита. Это должно было компенсировать нехватку спроса, обусловленную тем, что зарплаты не росли.

На начальном этапе, во время первого президентского срока Рейгана, имел место взлет государственных расходов. Позднейшие попытки изобразить Рейгана как своеобразного «противника правительства», человека, который «делал все для урезания налогов», — это своеобразная ревизия истории. Не секрет, что он шел на гораздо более значительные расходы, чем любой его предшественник на посту президента. На самом деле за время своего правления он увеличил государственный долг втрое. Это был источник спроса для экономики. Рынки облигаций, разумеется, были обеспокоены, и вскоре государственные расходы были сокращены. Но вслед за этим кредиты сделались доступными в частном секторе: появились кредитные карты, которыми теперь мы все пользу-

емя, и т. д. Произошло повышение цен на рынке недвижимости, люди стали брать кредиты под залог растущей стоимости своего жилья. Вскоре, правда, рынки облигаций вновь стали «трястись от страха», поскольку в какой-то момент масштабы происходящего стали слишком велики.

Следующий серьезный кризис случился в 2008 году. Решить проблему за счет выноса производства в страны с более низкой оплатой труда (особенно в Китай) было нельзя, этот рецепт уже был использован. Мировая финансовая система не была устойчива как прежде. Она закачалась, бесконечный ряд факторов привел к нестабильности.

Финансовая сфера, призванная обслуживать реальную экономику, стала господствующей. В 1970 году 15% прибыли корпораций США были получены в финансовой сфере. К 2008 году этот показатель вырос до невероятных 40%. Кризис временно решил энергетические проблемы за счет сокращения спроса. Тем не менее основные вопросы не были решены. Система «Вашингтонского консенсуса» сократила объем инноваций и инвестиций в области технологий, которые могли бы способствовать преодолению нехватки ресурсов. Эксперименты по жесткой экономии прошли в высшей степени неудачно по обе стороны Атлантического океана. Они привели к катастрофической нищете, экономическое восстановление не наступило нигде, где эти меры по-настоящему применялись, кроме, может быть, Латвии. Но в Латвии зарплаты были и остаются гораздо ниже, чем в остальном Европейском союзе, так что там было пространство для конвергенции.

Жесткая экономия при количественном смещении денежной политики стала своеобразным эвфемизмом, который обозначает простое включение денежного станка на полные обороты. Это очень напоминает ритуал жертвоприношения в примитивных религиях: деньгами набиваются карманы банков, но они глухи к нашим молитвам и жаждут еще. Тем более глупо наполнять закрома банков деньгами, когда нет клиентов, которые могли бы взять их оттуда и вытянуть спрос. Получил-

ся своеобразный «социализм для банкиров». К тому же сдвиги, возникшие в отношениях между трудом капиталом в 1970-х годах, частично устранили достижения научно-технического прогресса, заставляя людей работать дольше и интенсивнее. Технологии и механизация труда становятся все дороже, а труд в условиях эксплуатации, особенно в странах «третьего мира», — все дешевле.

Экономисты называют это накоплением факторов кризиса: люди работают больше, получая за труд меньше. В США такая ситуация была во время Великой депрессии. Уинстон Черчилль говорил, что американцы поступают правильно, лишь исчерпав все другие возможности. Так и произошло в 1930-е годы, когда по правильному пути пошли только на четвертый год кризиса. Постепенно рабочее время стало уменьшаться, а зарплаты расти, что и позволило выйти из кризиса. Эти перемены были связаны со страхом перед повторением событий пролетарской революции в СССР, что заставляло капиталистов вести себя лояльно по отношению к рабочим.

Рост социального обеспечения со временем стал слишком дорогим для сохранения сложившегося статус-кво. Бедные страны начали требовать свою долю в проекте всеобщего процветания. Но это невозможно обеспечить в системе, основанной на прибыли как самоцели. Первым решением было сокращение социальных прав работников экономически развитого Севера (т.н. «золотой миллиард»). Второе решение – жесткое подавление требований Юга (развивающихся стран Третьего мира), использование военной силы. Это означало возврат в ситуацию пятисотлетней давности.

Классическим примером такого возвращения можно считать ситуацию с падением СССР и социалистического лагеря, когда в результате распродажи советского наследия на европейские рынок хлынули дешевое сырье и дешевый труд, вызывая появление дешевых денег. Такая система была очень выгодна капиталу в 1980-х и 1990-х годах. Социальная активность рабочих замораживалась, цены на продовольствие и

энергоносители были рекордно низкими. А прибыли взлетали как никогда. Но, несмотря на кажущиеся успехи, эта «бель эпок» оказалась очень недолговечной.

Проблема оказалась в том, что экономика производила все больше товаров, но их некому и не на что было покупать. Решением оказался кредит, и с 1980-х годов и вплоть до 2008 года мы наблюдали процесс замены государственного долга на частный. Это было своеобразным способом заставить людей впитать «сверхлимитно» произведенные товары. С начала 1970-х годов было четыре волны такого «впитывания», когда создавался фактически «принудительный» спрос на товары и услуги.

Государство принимало в этом кредитном «принуждении к потреблению» самое деятельное участие, снижая налоги, что приводило к еще большему росту государственного долга. В результате возник кризис, при котором ни государство, ни частные потребители не могли выбраться из-под груза своих долгов. Объемы долгов оказались слишком высокими, и была введена новая форма налогообложения: оплата банковских услуг превратилась в новый более эффективно взимаемый налог. Но вместо того чтобы тратить полученные деньги на создание социальной инфраструктуры, строительство и прочие общественно значимые вещи, средства отправляли под контроль банков. Кроме того, заемщик становился аналогом крепостного, платя не только проценты по кредиту, но и оплачивая право пользоваться банковскими продуктами. Это означало фактический возврат экономики к феодальному состоянию.

Вспомним, что 80–90-е годы XIX века были такими же «тучными», как те же десятилетия XX века, а закончились они войнами и революциями. Чем закончится сейчас этот период – не ясно. Но мы точно можем сказать, что «конец истории», предрекаемый Фукуямой, не наступил. На смену новому мировому порядку идет «еще более новый» мировой порядок, и мы находимся на пути к нему. В данном случае хорошо вспомнить высказывание Мао о том, нам нужно нащупывать ногами подводные камни, чтобы перейти реку.

Какие же меры нужно принимать, чтобы последствия современного кризиса не стали для человечества фатальными? Марк Твен любил говорить: «История не повторяется, она рифмуется». И это должно вызывать у нас большое беспокойство. Возможно, не будет точного повторения событий 1920-х — 1930-х годов, но мы должны помнить, что меры жесткой экономии уже были испытаны в межвоенный период в Германии, Японии и Италии. Россиянам не нужно напоминать о том, к каким ужасным последствиям подобные действия привели. Милитаристские и фашистские режимы в Европе и Японии получили власть после того, как политика жесткой экономии применялась около года. Когда с ней было покончено, пришло время ужасных политических экспериментов. Я надеюсь, мы извлечем некоторые уроки из нашего знания предыдущего опыта. Нам нужно быть крайне осмотрительными.

Что касается альтернативных сценариев развития, то следует вернуть зарплаты на прежние высокие уровни, чтобы восстановить средний класс, в том числе и в России. За последние 20 лет российский средний класс очень серьезно пострадал. Однако это произошло не только в России, но и в США, а также до известной степени в некоторых странах Западной Европы.

Нужно повысить зарплаты, чтобы поднять потребление и производство. Существенное увеличение минимальной оплаты труда, поднятие ее нижней границы, сразу увеличило бы величину зарплаты, на которую рассчитывают и все остальные. Именно это и делалось во время Великой депрессии, когда экономика рухнула гораздо значительно, чем сейчас. Часто говорят: нельзя повышать минимальную оплату труда в условиях экономического кризиса. Но однажды это уже было сделано. Также была сокращена продолжительность рабочей недели до 40 часов, что увеличило эффективность производства. Промышленники в ответ на рост давления со стороны издержек стали внедрять инновации.

Сейчас нам надо использовать решения, аналогичные тем, что были в 1930-е годы, хотя есть одно отличие — сегодня

мы так близко подошли к экологическим границам системы, как не подходили к ним в 1930-е. Мы не можем больше бесконечно продолжать потребление металлов, газа, нефти и т. д. Нам нужно создавать экономику, которая потребляла бы меньше этих ресурсов. Требуется новые технологии, в которые будут вливаться значительные инвестиции. При этом государство должно начать инвестировать гораздо больше денег в исследования и разработку, в первую очередь чтобы сделать экономику более «зеленой», более экологичной.

«Зеленой экономике» не нужно много работников, всегда есть возможность распределить рабочее время более равномерно с выделением его на общественно-полезные работы, начиная с ухода за лесо-парковыми массивами и т. п. Да, это может потребовать дополнительных затрат, однако государства теряют огромное количество бюджетных поступлений из-за явления, которое называется «налоговым демпингом». Речь идет об уклонении от уплаты налогов в глобальном масштабе, обставленном целой инфраструктурой финансовых оффшоров. Все деньги, которые при этом теряются, можно было бы инвестировать в собственную промышленность, а полученные налоги можно было бы вложить в парки, систему здравоохранения, во все то, что является для общества значимым и полезным.

Частота, с которой стали происходить кризисы, становится невыносимой. Мне представляется очень странным, что некоторые люди уже согласились признать своеобразное «новое нормальное» состояние и считают, что можно и дальше двигаться по этой траектории. Я размышлял над одним замечанием первого премьер-министра Латвии Иварса Годманиса. Когда он был у власти во второй раз, в конце 2008 года, то есть в разгар экономического кризиса, он сказал, что одна из причин, почему Латвия должна быть в зоне евро – а она вступила в зону евро как раз накануне, – это то, что в случае экономического кризиса так легче будет избавиться от финансовых активов и преодолеть последствия. И Годманис добавил, что мы живем в мире, где финансовые

кризисы случаются раз в каждые 5–7 лет. Иными словами он признал, что все это – нормально.

Я полагаю, что подобное отношение требует значительной корректировки, иначе глобальная экономика просто развалится на части. Люди пытаются выжить в данной ситуации, обращаясь к таким способам сохранения своих сбережений, как золото и «твердая» валюта. Но и их, казалось бы, устойчивое положение «лидеров» подвергается сейчас серьезной проверке.

Во время кризиса были несколько переоценены такие ресурсы как, к примеру, золото. За свою историю золото переживало невероятные ценовые флуктуации, и люди взбудоражены скачками цен на этот металл. Долгосрочная тенденция действует в сторону понижения, если не улучшится ситуация в глобальной экономике. При этом доллар будет ослабевать. Он поддерживался на высоком уровне, поскольку для этого были определенные причины – действовала нефтедолларовая резервная система. Но это не может продолжаться бесконечно.

Длительное время США жили за счет ренты от доллара, поскольку им в основном удалось убедить Саудовскую Аравию продавать нефть за доллары, и это сделало доллар мировой резервной валютой. В итоге США получили доступ к огромным бесплатным кредитам от остального мира. В какой-то момент неизбежно происходят две вещи: во-первых, другие страны начинают выражать недовольство и пытаются выработать альтернативные системы. Китай, к примеру, внедряет систему двусторонних торговых соглашений, в рамках которой товары обмениваются один на другой без использования доллара как средства обмена. Во-вторых, вместе с ослаблением американской экономики, ее сектора обрабатывающей промышленности доверие к доллару теряется.

Кризис закончится, когда набор перечисленных ранее политических мер станет предметом пристального рассмотрения среди политиков. Возможно, для этого потребуются еще один кризис, который, скорее всего, будет еще глубже, чем тот, что произошел в 2008 году. Трудность, конечно, состоит в том, что

если случится кризис, еще больший по своим масштабам, то история может преподнести неприятные сюрпризы, которые мы наблюдали в Германии, Японии и Италии в XX веке в межвоенный период. Остается надеяться, что правительства начнут исправлять ситуацию. В этом отношении Европейский Союз мог бы сыграть большую роль.

Европейский Центральный банк – это ярчайший образец неолиберальной идеологии. Как часто случается, ученик бывает более рьяным, чем его учитель. В данном случае учителем были США, а ЕЦБ выступал в роли ученика. И ЕЦБ оказался гораздо более фанатичным приверженцем мер жесткой экономики и неолиберальной политики, но на его руководителей сейчас оказывается очень большое давление, которое может заставить их пересмотреть свой курс.

«Век» США можно считать завершенным. Он был достаточно недолгим и завершился в результате внутренних противоречий в американской экономике. Ранее упоминавшийся Александр Гамильтон в работе с неброским названием «Отчет о производстве» описал, какой она должна быть. Одним из важных посылов этого труда была мысль о том, что Штатам нельзя идти по пути свободной экономики, а невмешательство государства – прямой путь к бедности. Протекционистские тарифы для отраслей экономики, которые находятся в зачаточном состоянии, считались необходимыми. Весь XIX век США поддерживали одни из самых высоких заградительных тарифов в мире. На президента Гранта оказывалось серьезное давление со стороны Великобритании, недовольной протекционизмом Штатов, но он оказался непреклонен. Руководствуясь его принципами, Америка превратилась в доминантную силу, и только спустя много лет, построив собственную экономику, стала пропагандировать свободную торговлю.

Сейчас, когда есть возможность проанализировать все ошибки, которые были сделаны как «пропагандистами», так и восприимчивыми перенимателями «передового опыта», необходимо со всей ответственностью выработать и осуществить

те шаги, которые минимизировали бы последствия кризиса и обеспечили будущее глобальному сообществу, которое начинает не просто предчувствовать перемены, но испытывать их «на собственной шкуре».

Будущее глобальной экономики я вижу в возвращении к старой кейнсианской мысли, что нужно больше развивать национальные экономики. У Кейнса была довольно «контринтуитивная» мысль, что большее развитие национальных экономик в действительности ведет к развитию международной торговли. И если мы посмотрим на Бреттонвудский порядок, то убедимся в ее правильности. Это был период, возможно, сильнейшего во всей мировой истории развития национальных экономик, а также высочайших темпов роста международной торговли.

Мысль Кейнса объяснялась так: если идет развитие национальных экономик, появляется товар, и это создает стабильность и мир. Такая логика предшествовала глобализации. И она очень актуально звучит в мире постглобализации. Речь не идет об автаркии, а только о развитии всех секторов национальных экономик в той степени, в которой оно возможно. При этом нужно отказаться от идеи в духе Давида Рикардо, что каждая нация должна специализироваться на производстве нескольких товаров.

Другим положительным моментом может стать создание альтернативной «зеленой» экономики, которая привлечет гораздо больше инвестиций. То, что необходимо, — это повышение спроса и создание доходов, существенная налоговая реформа и полномасштабное инвестирование в исследования и разработку.

России не стоило бы даже думать о мерах экономии, которые предлагают некоторые. Рациональнее было бы тратить национальные накопления, а не инвестировать их в фонды национального благосостояния. Да, кое-кто утверждает, что именно благодаря этим резервам Россия (в каком-то смысле) достойно пережила кризис 2008 года. Но с исторической точки зрения

сбережения – плохая идея; рано или поздно они так или иначе сгорают – из-за кризисов, войн, болезней, и так далее. На мой взгляд, излишки средств нужно вкладывать в инфраструктуру (физическую и человеческую) – она только приумножает богатства. Больше инвестиций в дороги, транспорт, образование – все это только генерирует дополнительные средства.

Одна из самых главных проблем России состоит в том, чтобы сохранить нынешние размеры населения. Как бы ни критиковали российское правительство, следует признать, что некоторые программы по стимулированию рождаемости существуют, и это, конечно, важно и полезно. Замечено, что в странах бывшего СССР, Советского блока в целом нестабильность вынуждает рабочий и средний класс откладывать рождение детей, потому что они не чувствуют себя в безопасности. Конечно, то же самое можно сказать о богатых странах, к примеру, об Италии и некоторых других, где рождаемость очень низкая. Страны типа Франции, кажется, нашли правильное решение – баланс между богатством и стимулирующими мерами. Именно этот баланс и позволяет им поддерживать умеренный рост населения.

Помимо этого у России есть большая проблема: Соединенные Штаты нашли огромные резервы нефти и газа благодаря новым технологиям горизонтального бурения и разрыва пласта. Благодаря этому США снова становятся важным игроком в сфере энергетики, что может снизить цены на углеводороды. Для России это будет очень плохо или очень хорошо. Последние пару десятилетий страна была гигантской версией «Газпрома», и это не шло ей на пользу. Всего четыре – пять лет назад в России думали, что дальше все будет только лучше, что цены на нефть будут расти. Теперь ясно, что они уже не будут расти, так что нужна новая стратегия развития, не основанная на энергетике.

Необходимы инвестиции в инфраструктуру. Конечно, они станут заметны далеко не сразу, особенно при российских бедах – коррупции и уклонении от уплаты налогов. Если

раньше деньги шли на Кипр, то теперь они идут в Латвию, в банки типа Rietumu, ABLV, Citadele. Латвия становится новым Кипром – это также является особенностью нового кризиса. Новые государства если не стремятся, то и не отказываются от участия государств-оффшоров, тем более что последнее если и может обременять их, то только в моральном плане, который, как известно, не все решает.

Со времен Маргарет Тэтчер существует идея о приватизации большой части общественной собственности и услуг, и зачастую это работает не слишком хорошо. Нередко частный предприниматель приобретает часть инфраструктуры, ничего не инвестирует в нее, инфраструктура изнашивается, предприниматель исчезает, а госсектору приходится возвращать объект себе и тратиться на ремонт, в то время как весь доход от эксплуатации достался «частнику». Поэтому я советую быть осторожнее с приватизацией. Когда денег не хватает, кажется хорошей идеей начать распродавать общественную собственность. Кажется, что так можно легко получить прибыль и избавиться от обязательств. Но это «ленивое» решение, и оно не оканчивается ничем хорошим.

В России сложилась база для рывка вперед. Это – человеческий потенциал и техническая инфраструктура. Вот что можно и нужно использовать. К примеру, Россия может изменить свою судьбу путем участия в международных усилиях по освоению космоса, например в программе по промышленному освоению астероидов. Хотя перспектива кажется на данный момент призрачной, она будет стимулировать развитие радикальных инноваций ради преодоления технологических препятствий при реализации проекта. Реализация космической программы США 1960-х годов привела к созданию современной электроники, ЭВМ, микрочипов, сотовых телефонов – словом, всего того, на чем зиждется современная экономика.

Создание новой мировой системы на данный момент представляется крайне сомнительным. Некоторые региональные системы: Юго-Восточная Азия, страны БРИКС – возмож-

но, найдут какие-то новые способы проведения финансовых транзакций между собой. Подобные локальные системы, конечно, повредят США, поскольку последние, эмитируя мировую резервную валюту, по сути, получают процент со всех займов и могут покупать товары за бумагу – но это не будет смертельно для Соединенных Штатов, они лишь потеряют некоторое преимущество. Другим же странам новый порядок может быть очень выгоден.

Страны БРИКС в целом могут бросить вызов существующему миропорядку. Они в состоянии переориентировать свою экономику и увести сальдо торгового баланса от суверенных фондов (которые, как правило, постепенно разрушаются) или казначейских векселей (основная часть которых, вероятно, не будет выплачена). Вместо этого они могут переориентироваться на инвестиции в области инновации и технологии, поиски революционных решений в области энергетики, производства, а также на внутренний спрос и социальное развитие.

Национальное развитие способствует созданию новых технологий и потенциально ведет к избытку инвестиционного капитала, который может в конечном итоге обогатить весь мир. Если современный мир и будет чем-то похож на «идеальное время капитализма» – XIX век, то не отсутствием социальной сферы и государства в экономике (о чем мечтают либеральные экономисты), а многополярностью. Государство будет вмешиваться в экономику, начнется новый век экономической истории – эпоха, вероятно, более разнообразная, чем время неолиберального капитализма 1980–2000-х годов. Однако все уже будет по-новому, и развитие будет строиться на новых принципах. Их еще нужно выработать и понять, но они явно идут на смену неолиберальному «Вашингтонскому консенсусу».

Кризис человечности: мировой капитализм порождает фашизм XXI века

В классическом исследовании 1978 года «Управление кризисом. Грабежи, государство, закон и порядок», написанном известным социалистом и теоретиком культуры Стюартом Холлом в соавторстве с несколькими коллегами, показано, как реструктуризация капитализма в ответ на кризис 1970-х годов (который являлся последним серьезным кризисом мирового капитализма, до того как в 2008 году разразился нынешний) привела к созданию в Великобритании и других странах «исключительного государства».

Имеется в виду ситуация, при которой происходит непрерывный распад консенсуальных механизмов социального контроля и возрастает авторитаризм. Авторы исследования писали: «Это исключительно важный момент, когда возможности гегемонии практически исчерпаны, а дрейф в сторону использования более репрессивных инструментов государства становится все заметнее. При этом маятник осуществления гегемонии, несомненно, отклоняется от точки, в которой согласие главенствовало над принуждением, переходя к положению, когда принуждение фактически становится естественной формой обеспечения согласия. Такой сдвиг во внутреннем равновесии гегемонии – от согласия к принуждению – является ответной реакцией государства на растущую поляризацию классовых сил (реальных и воображаемых). Именно так проявляется «кризис гегемонии», медленное развитие государства легитимного

принуждения, рождение общества «закона и порядка»... Весь уклад общественной и политической жизни трансформируется. Явно проявляется новый идеологический климат.

Это точное описание и нынешнего положения дел. Мы являемся свидетелями перехода во всем мире от социального государства к государству социального контроля. Мы столкнулись с мировым кризисом, беспрецедентным по своему глобальному размаху, степени экологической деградации и общественного упадка, а также значительным по масштабу использованию средств насилия.

Мы действительно стоим перед лицом кризиса человечности, поскольку вступили в период великих потрясений, изменений и неопределенности. Этот общесистемный кризис отличается от более ранних мировых кризисов 1930-х или 1970-х годов именно потому, что мировой капитализм фундаментально изменился в начале XXI века.

Среди качественных сдвигов, произошедших в капиталистической системе в условиях глобализации за последние несколько десятилетий, существует четыре момента, которые я хотел бы подчеркнуть особо. Первый – это возникновение действительно транснационального капитала и интеграция всех стран в новое международное производство и финансовую систему. Второй момент – появление нового транснационального капиталистического класса (ТКК). Эта классовая группа основывается на новых, глобальных, а не на старых, национальных схемах накопления. Третий – возникновение, как я их называю, транснациональных государственных аппаратов. И наконец, четвертый момент заключается в появлении принципиально новых отношений неравенства и господства в мировом обществе, а именно в возрастании значения транснационального социального и классового неравенства по сравнению с неравенством между глобальными «Севером» и «Югом».

Несомненно, текущий кризис имеет несколько аспектов, объединяющих его с более ранними структурными кризиса-

ми 1970-х и 1930-х годов. Однако ему присущи и некоторые уникальные свойства, в частности быстрое приближение системы к экологическим границам своего воспроизводства. Нельзя недооценивать того факта, что мы уже прошли на этом пути несколько «поворотных моментов», как называют их ученые-экологи.

Гигантский масштаб инструментов осуществления насилия и социального контроля сочетается с усилением контроля над средствами глобальной коммуникации и производством и обращением символов и изображений. Мы являемся свидетелями появления новых, пугающих систем социального контроля и принуждения, которые нам необходимо проанализировать и которым мы должны противостоять.

Мы приближаемся к границам экстенсивной экспансии капитализма, в том смысле что больше не осталось территорий, важных для интеграции в мировой капитализм. Деаграризация сегодня успешно продвигается, а меркантилизация сельской местности, а также до- и не-капиталистического пространства усилилась, приведя к тому, что интенсивная экспансия достигает невиданных ранее результатов.

Для нынешнего периода характерен рост «излишка» населения, живущего на «планете трущоб», отброшенного на обочину развитой экономики и подвергающегося действию высокотехнологичных систем социального контроля, беспощадному лишению прав, эксплуатации и изоляции.

Существует пропасть между международной экономикой и национальной системой политической власти. Транснациональные государственные аппараты находятся пока на начальной стадии развития.

Давайте рассмотрим в этом контексте развитие текущего кризиса. В 1980-х и 1990-х годах имела место значительная экспансия нового транснационального капитала. Она включала в себя то, что мы могли бы назвать гипернакоплением, достигнутым за счет ряда факторов. Среди них можно назвать

применение новых технологий автоматизации вычислений и обработки данных, информатики и интернета. Сыграли свою роль также неолиберальная политика, открывающая мир для транснационального капитала, и новые способы мобилизации и эксплуатации мировой рабочей силы, в том числе новый массовый этап «первоначального накопления» – выселение и перемещение сотен миллионов людей, ставших внутренними и транснациональными мигрантами, особенно в сельских районах стран третьего мира.

К концу 1990-х годов в мировой экономике наступила стагнация. Система в который раз столкнулась с возобновившимся кризисом. Острая глобальная социальная поляризация и эскалация неравенства во всем мире обострили хроническую проблему «перенакопления». Все очень просто – глобальное неравенство и обнищание явного большинства означает, что транснациональный капитал не может найти каналов реализации для «сброса» огромных излишков, им накопленных. К началу XXI века транснациональный капиталистический класс прибегнул к нескольким механизмам для поддержания глобального накопления, т.е. получения прибыли перед лицом стагнации и перенакопления.

Один из таких механизмов я называю «милитаризованным накоплением». Он предполагает ведение войн и проведение интервенций, которые запускают циклы разрушения и восстановления, и генерируют огромные прибыли для непрерывно растущего «военно-тюремно-промышленно-охранно-энерго-финансового комплекса». Сегодня мы живем в условиях глобальной военной экономики, которая выходит далеко за рамки таких «горячих войн», как войны в Ираке, Афганистане или Сирии.

Другим механизмом является захват и высасывание государственных бюджетов. Транснациональный капиталистический класс использует свою финансовую мощь для получения контроля над государственными финансами и введения

еще больших мер строжайшей экономии для работающего большинства. Этот же капиталистический класс применяет свою власть (контроль над глобальной экономикой) для ускорения ликвидации того, что еще осталось от социально-направленных государств.

Третий механизм поддержания глобального накопления – это безудержные общемировые финансовые спекуляции, превращающие глобальную экономику в гигантское казино. Так, транснациональный капиталистический класс вкладывает триллионы долларов в спекуляции на рынке жилья и недвижимости, на рынках продовольствия, источников энергии и прочих мировых товарных рынках, на мировых рынках облигаций и всевозможных производных финансовых инструментов.

Как социальные и политические силы во всем мире реагируют на кризис, который привел к быстрой политической поляризации глобального общества? Несомненно, на подъеме находятся правые и левые силы. Помимо прочего, я хочу обратить внимание на три возможные ответные реакции на кризис, которые часто обсуждаются.

Первый ответ мы можем назвать «реформами сверху». Данная политика направлена на стабилизацию системы, на спасение ее от самой себя и от более радикальных реакций снизу. Тем не менее за годы, прошедшие после краха мировой финансовой системы в 2008 году, стало понятно, что реформаторы не способны (или не желают) одержать верх над властью транснационального финансового капитала.

Вторая ответная реакция – народное, массовое и одновременно «левое» противостояние снизу. По мере эскалации социальных и политических конфликтов во всем мире появляется растущее глобальное возмущение. Несмотря на то, что такое сопротивление после событий 2008 года представляется мятежом, оно распространяется по странам и регионам, сталкивающимся с трудностями.

И еще одной ответной реакцией на кризис является то, что я называю термином «фашизм XXI века». Ультраправые являются мятежной силой во многих странах. Схематично этот проект направлен на соединение реакционной политической власти с транснациональным капиталом и создание его массовой базы в среде исторически привилегированных секторов мирового рабочего класса, таких как белые рабочие на глобальном «Севере» и средние слои на глобальном «Юге». Именно эти группы находятся сегодня в условиях повышенной незащищенности под угрозой социального нисхождения. «Фашизм XXI века» подразумевает милитаризм, крайнюю маскулинизацию, гомофобию, расизм и расистскую мобилизацию вокруг «козлов отпущения» (таких, как рабочие-иммигранты в США, о которых я скажу далее). «Фашизм XXI века» пробуждает идеологии, использующие идеализированное и мифическое прошлое, склонные к мистификации расового/культурного превосходства и ксенофобии. Неофашистская культура возводит в норму и восхваляет войну и социальное насилие, генерирует восхищение тем, что выдается за героизм.

Важно подчеркнуть, что поиск доминирующих групп в мире для обеспечения повсеместного, организованного массового социального контроля над мировым «избытком» населения и повстанческими силами из низов, дает мощный импульс проектам «фашизма XXI века». Проще говоря, колоссальные структурные диспропорции глобальной политической экономии непросто сдерживать посредством согласованных механизмов социального контроля, то есть посредством господствующей власти. Имея это в виду, можно выделить пять основных положений.

Во-первых, не только регулирование мирового капитализма с помощью новых способов глобального социального контроля и подавления рождает «фашизм XXI века»; в действительности эта идея выдвигается либеральными и

реформистскими элитами и государствами. Это структурное, обязательное для поддержания системы, первоочередное требование мирового капитализма.

Во-вторых, рассуждая о регулировании мирового капитализма, мы приходим к вопросу: на кого прежде всего направлено регулирование системы? Здесь я хочу обратить внимание на нарастающий избыток рабочей силы. Вместо того чтобы попытаться объединить оказавшихся на обочине, система старается изолировать и нейтрализовать их реальное или потенциальное противодействие путем криминализации бедных и обездоленных, в некоторых случаях склоняясь к использованию геноцида как инструмента для решения «проблемы».

Механизмы принудительного отчуждения включают массовое лишение свободы, создание новых тюремно-промышленных комплексов; повсеместный полицейский контроль, репрессивное антииммигрантское законодательство. Здесь же – новые способы «манипуляции пространством», таким образом чтобы охраняемые резиденции и гетто контролировались армией частных охранников и технологически продвинутыми системами наблюдения. Идеологические кампании направлены на поощрение пассивности и роста потребления.

Новые формы социального контроля и способы идеологического господства размывают границы, поэтому становится возможным существование конституционного и нормализованного неофашизма с формальными представительными организациями, конституцией, политическими партиями и выборами, в то время как политическая система жестко контролируется транснациональным капиталом и его представителями. Любое несогласие, угрожающее системе, нейтрализуется, если не ликвидируется.

В-третьих, мы должны признать, что криминализация и военный контроль структурно изолированных групп в качестве механизмов превентивного сдерживания – это расистские

проявления, что возвращает нас к упомянутой выше работе Стюарта Холла и его коллег. Авторы «Управления кризисом» показали расистский характер регулирования и криминализации черных и иммигрантских сообществ в Великобритании. Они подвергли комплексному анализу идеологическую сторону криминализации угнетенных слоев населения, видя в этом способ осуществлять социальный контроль в период развития кризиса.

Мы можем провести параллели между зачаточным «исключительным государством» 1970-х годов и нынешним дрейфом в сторону подобного государства в США и других странах. Смещение социальных фобий и разделение «криминализованного» населения на расовые меньшинства, к примеру, в Соединенных Штатах Америки восходит к кризису 1970-х годов. После массовых восстаний 1960-х годов господствующие группы продвигали культурные и идеологические кампании «закона и порядка», для того чтобы легализовать переход от социального государства к государству социального контроля, а также создание тюремно-промышленного комплекса.

«Закон и порядок» знаменуют перестройку и укрепление расистской социальной иерархии и господствующего порядка после восстаний 1960-х годов. Это совпало с глобальной экономической реструктуризацией, неолиберализмом и капиталистической глобализацией, начавшихся в 1970-х годах и продолжающихся по сей день.

Сегодня криминализация помогает скрыть социальные фобии, возникающие в результате структурного насильственного разрушения в ходе кризиса стабильности, безопасности и социальной организации. В своей шокирующе разоблачительной книге «Новый Джим Кроу» правовед Мишель Александр описывает массовое лишение свободы в Соединенных Штатах Америки как «потрясающую всестороннюю и хорошо завуалированную систему расистского социального контроля».

Действительно, расистский характер фальшивой «войны с наркотиками», массовое заключение под стражу и выносимые с легкостью смертные приговоры – эти факты вызывают шок. В аналитической абстракции массовое заключение под стражу имеет место в концлагерях. Система подвергает концентрации, лишению свободы и государственному насилию избыточное и потенциально мятежное население, исчисляемое миллионами. Так называемые (и уже объявленные) «война с наркотиками» и «война против террора», как и необъявленные «война с бандами», «война с иммигрантами» и «война с бедной молодежью» также должны рассматриваться в данном контексте.

В-четвертых, в блестяще-пугающем исследовании Стивена Грэма «Города в осаде: новый военный урбанизм» показано, что структуры военизированных систем социального контроля, а также военные действия являют собой глобальный транснациональный проект. Важно отметить, что каждая страна оказывается вовлеченной в регулирование мирового кризиса, по мере того как мировая экономика оказывается все в большей степени втянута в военные действия, социальное насилие и государственное принуждение и подавление.

Наконец, в-пятых, милитаризация и организованное насилие становятся стратегиями накопления независимо от каких-либо политических целей и являются структурными признаками нового мирового капитализма. Войны, системы массового заключения, «милитаризация границ», аресты иммигрантов, развитие глобальных систем наблюдения, и т. д. и т. п. — все это приносит прибыли мировой корпоративной экономике, транснациональным корпорациям, транснациональным банкирам, инвесторам и спекулянтам. Они материально заинтересованы в защите и расширении мирового полицейского государства. Народные силы должны знать, против чего они выступают, и понимать необходимость фундаментальных изменений во власти и в имущественных отношениях, если хотят добиться мира и справедливости.

В Конгрессе США в связи с обсуждением вопросов общего спада в экономике, очевидно, будут приняты законы, связанные с реформами в отношении иммиграционной политики. Палата Представителей США обсуждает представленный Сенатом законопроект S.744, который в среде влиятельных политических обозревателей принято называть «самой монументальной модернизацией» иммиграционного законодательства США за последние десятилетия.

Если рассматривать организации, занимающиеся правами иммигрантов, то их мнения по поводу законопроекта разделились. Одни группы выступают с поддержкой предложенных законов как «лучших из возможных законопроектов». Учитываются нынешние обстоятельства жизни приблизительно 11–12 миллионов иммигрантов, находящихся в США без соответствующих документов, дающих право проживания в стране. Другая сторона, напротив, поспешила отклонить законопроект, который посчитала «сделкой с дьяволом», за которой неизбежно последует кара. Она обрушились на проект закона, видя в нем попытку ущемить права, узаконить репрессии, легитимизировать существующую криминализацию иммигрантов, усилить контроль правоохранительных органов за их сообществами и воспроизвести систему трудового педонажа де-факто.

Для того чтобы понять, что стоит за этими дебатами, нам необходимо выйти за рамки поверхностного рассмотрения проблемы и увидеть картину в целом, понимая, какую роль играют иммигранты в новой мировой системе капитализма. И здесь нам может открыться гораздо больше, чем видно на первый взгляд. Споры вокруг реформы законодательства отражают меняющиеся паттерны доминирования над «самыми обездоленными на земле», когда мир все больше попадает под гнет корпораций и военизированных сил, и приходится отражать те вызовы и опасности, с которыми сталкиваются ныне народные движения в борьбе за социальную справедливость.

В действительности за всей историей, связанной с иммиграционными реформами, лежит глобализация капитализма, а также реорганизация мировой системы «поддерживающего труда» применительно к мировой экономике. В последние десятилетия отмечается значительное увеличение потоков транснациональных миграций, поскольку едва ли не все страны и регионы оказались интегрированными, зачастую насильно, в мировой капитализм посредством иностранных вторжений и оккупаций, беспощинных торговых соглашений, неолиберальных социальной и экономической политических систем, а также финансовых кризисов. Сотням миллионов человек пришлось покинуть свои дома в сельской местности, в регионе, часто называемом «Югом», и стать внутренними и транснациональными мигрантами. Таким образом были вновь образованы огромные ресурсы, пригодные для эксплуатации в мировой экономике ввиду все большего слияния национальных рынков труда.

Такое явление, как высвободившиеся резервы иммигрантского труда, известно во всем мире. Развивающиеся отрасли мировой экономики становятся привлекательными для иммигрантов с периферии. Хотелось бы выделить основные транснациональные трудовые потоки XXI века: Турция и страны Восточной Европы предоставляют рабочую силу в страны Западной Европы, Центральная Африка – в Южную Африку, Никарагуа – в Коста-Рику, Шри-Ланка и прочие страны Южной Азии – в нефтедобывающие страны на Ближнем Востоке, Азия – в Австралию, Таиланд – в Японию, Индонезия – в Малайзию и так далее.

Подобные транснациональные потоки иммигрантов представляют собой явление, пришедшее на место колониализму. Данный процесс охватывает трудовые ресурсы во всем мире, зачастую ряды иммигрантов пополняются представителями этнически и расово подавляемых групп. США претендуют на роль контролера входа в международную фи-

нансовую систему, стремясь регулировать приток труда в капиталистическую экономику. Так, службы, осуществляющие контроль за иммигрантами в США, а также их аналоги во всем мире прибегают к так называемой практике «вращающихся дверей»: двери для потока иммигрантов «открываются» и «закрываются» в соответствии с существующими требованиями накопления капитала в определенные периоды времени. Иммигрантов стараются заполучить всеми возможными способами, когда в этом есть необходимость, и от них избавляются, когда рабочей силы становится слишком много или существует потенциальная угроза дестабилизации ситуации.

В 1980-е годы 8 миллионов латиноамериканских эмигрантов прибыли в США, что практически равнялось общему количеству всех иммигрантов из Европы, прибывших на судах в США в 1910-е годы. Таким образом, Латинская Америка стала главным источником поступления мигрантов в США. В 2010 году в стране насчитывалось около 36 миллионов иммигрантов, по крайней мере 20 миллионов из них были выходцами из Латинской Америки, а 11 миллионов жили без соответствующих документов, дающих им право на пребывание в США.

Экономика США все больше зависит от труда иммигрантов, именно на нем держится сельское хозяйство США и Канады. Но в 1990-е годы возникла и другая тенденция: большую часть иммигрантов из Латинской Америки приняли промышленность, строительство и сфера услуг, что сделало эти отрасли неотъемлемой частью общей «латинизации» экономики.

Иммигранты из Латинской Америки оказывают влияние на общее изменение качества рабочей силы в США. Ими заполнено сельскохозяйственное производство и большая часть рынка труда в таких сферах, как гостиничный и ресторанный бизнес, строительство, охрана и уборка помещений, уход за детьми, помощь по ведению домашнего хозяйства, бла-

гоустройство и озеленение территорий, парикмахерское дело, мясо- и птицеперерабатывающее производство, пищевая и легкая промышленность, розничная торговля и так далее.

Подобная зависимость США и мировой экономики от иммигрантского труда формирует довольно противоречивую ситуацию. С точки зрения доминантных групп, дилемма заключается в том, как максимально эксплуатировать рабочую силу иммигрантов, скажем латиноамериканцев в США, и в то же самое время обеспечить соответствующие гарантии их абсолютной управляемости и подконтрольности.

Государство должно выполнять роль некоего баланса, найти пути решения для обеспечения стабильной дешевой рабочей силой, одновременно поддерживая систему эффективного государственного контроля за иммигрантами. Постепенно в области иммигрантской политики мы сталкиваемся как в США, так и в других странах со все большей криминализацией иммигрантских сообществ, негласным контролем правоохранительных органов над ними, а также формированием единой системы задержания иммигрантов и их депортации.

На фоне ослабления границ для капитала и товаров, применительно к людям имеет место лишь их укрепление. При мировом капитализме появляются рабочие-иммигранты, но эти рабочие не пользуются теми же правами, что и граждане принимающей страны. Лишенные де-факто или де-юре политических, гражданских или трудовых прав, предоставляемых последним, рабочие-иммигранты оказываются на самом низком уровне трудовой и социальной иерархии. Это делает их уязвимыми перед работодателями как в частном или государственном секторах, так и в состоятельных семьях, в результате чего они становятся мишенью для враждебной культурной и идеологической среды.

Невероятная степень эксплуатации иммигрантов вряд ли была бы возможной, если бы у этих людей были такие же права, что и у граждан принимающей страны, если бы они не

сталкивались с неопределенностью и беззащитностью ввиду отсутствия документов, дающих им право проживания в стране.

Полное предоставление всех гражданских прав десяти миллионам иммигрантов, проживающим в США, могло бы сократить существующее в США разделение. Это разделение — одна из важнейших составляющих отношений нового класса работников с мировым капитализмом. Отношений, при которых рабочие с легкостью могут быть приняты на службу и уволены в любое время; они не могут входить в какие-либо профсоюзы; они сталкиваются с нестабильностью и небезопасностью на работе, отказом в предоставлении льгот и тенденцией к снижению оплаты труда.

Рабочие-иммигранты не только легко поддаются влиянию, но их можно и депортировать, соответственно, они подконтрольны. Вначале условие для депортации должно возникнуть, а потом — лишь быть приведено в действие. Подобная «карусель» гарантирует возможность максимальной эксплуатации данной категории людей при условии практически полной безнаказанности.

Невыносимые условия жизни иммигрантов и освобождение государства и работодателей от любых обязательств связано с социально обусловленным воспроизводством подобного труда, что способствует еще большей эксплуатации. Если рассматривать иммиграционную политику США за последние десятилетия, то карательные меры находят отражение в реформировании Закона о федеральном обеспечении, не предусматривающего для иммигрантов (что было отражено как документально, так и формально) таких социальных выплат, как пособие по безработице, продовольственные пособия и некоторые социальные выплаты.

Таким образом, иммигрантская рабочая сила сама отвечает за собственное существование — а также через существующую систему денежных переводов — и за жизнь членов своих семей за рубежом. Это делает труд иммигрантов дешевым и

доступным для капитала, он ничего не стоит по сравнению с тем, во сколько оценивается труд коренного населения. Рабочие-иммигранты становятся определенным архетипом новых классовых отношений во всем мире; в сущности, – рабочей силой мирового капитализма.

Учет существующих резервов иммигрантской рабочей силы приводит к необходимости принятия противоречивых мер со стороны государств как принимающих трудовые иммигрантские потоки, так и являющихся их «поставщиками». Государство должно определять и укреплять национальные границы в своей иммигрантской политике. В области идеологической активности оно должно поддерживать национальную истерию «в хорошем смысле этого слова», пропагандируя протест против таких явлений, как «бесконтрольные границы» и «вторжение нелегальных иммигрантов».

Можно говорить о существовании широкой социальной и политической базы для поддержания гибкой, абсолютно подконтрольной и сверхэксплуатируемой системы притока латиноамериканской иммигрантской рабочей силы в США. Иммигранты в ВПК и СИН – один из наиболее быстро развивающихся секторов в экономике США. Можно отметить невероятный бум в такой отрасли, как строительство новых частных тюрем для тех иммигрантов, которые содержались под стражей во время депортации. В 2007 году около 1 миллиона иммигрантов без соответствующих документов было арестовано, 311 тысяч из них – депортированы. Администрация президента Барака Обамы представляется другим латиноамериканцев (и вообще говоря, иммигрантов), но именно при Обаме (после того как он стал президентом в 2009 году) было депортировано больше иммигрантов, чем при каком-либо другом президенте за последние полвека (приблизительно 400 тысяч человек в год).

Комплекс частных центров содержания иммигрантов под стражей – стремительно развивающаяся отрасль. Имми-

гранты без соответствующих документов, дающих им право проживания в стране, представляют самый быстро развивающийся сегмент экономики, который представлен частными центрами и компаниями США, занимающимися содержанием и депортацией незаконных иммигрантов. По состоянию на 2010 год существовало 270 центров содержания под стражей иммигрантов, в которых каждый день за решетку отправлялось свыше 30 тысяч человек. Поскольку условия содержания под стражей, а также места депортации подконтрольны частным компаниям, капитал имеет личную заинтересованность в том, чтобы и дальше продолжалось неофашистское анти-иммигрантское движение.

В этой связи неудивительно и то, что Уильям Эндрюс, председатель правления Коррекционной Корпорации Америки (ССА), крупнейшего подрядчика центров содержания под стражей иммигрантов в США, заявил в 2008 году, что «на потребность в наших возможностях и услугах могли повлиять ослабление правоприменительных полицейских мероприятий ... или же отмена уголовной ответственности в отношении иммигрантов».

Через месяц после того, как был принят антииммигрантский законопроект SB1070 в Аризоне, Вейн Калабрес, председатель Geo Group, другого подрядчика частных тюрем, провел конференцию для привлечения инвесторов, на которой попытался обрисовать радужные перспективы деятельности своей компании. «Возможности на федеральном уровне быстро возрастают вследствие всего происходящего, – заметил он, ссылаясь на принятый в Аризоне закон. – Люди, которые пересекают границы и задерживаются, должны содержаться под стражей. Следовательно, возможности реализации наших проектов будут расширяться».

«Война с террором» открыла путь необъявленной войне с иммигрантами. Действия, направленные на обеспечение «национальной безопасности и антитеррора», производятся

одновременно с принятием законов в отношении иммигрантов. В ответ на эскалацию насилия по всему миру распространяются движения в защиту прав иммигрантов, которые пытаются сопротивляться репрессиям, эксплуатации, изоляции, культурной деградации и расизму. Переломным моментом в этой борьбе в США стала весна 2006 года, когда по стране прокатилась волна забастовок и демонстраций.

Пусковым механизмом этих массовых протестов было внесение на рассмотрение в Конгресс США законопроекта, известного как законопроект Сенсенбреннера, призывающего к уголовному преследованию иммигрантов, не имеющих документов, предоставляющих право на проживание в США. В данном законопроекте говорилось о возведении заградительной стены между Мексикой и США, а также о применении уголовных санкций против любого предоставляющего помощь иммигрантам без документов, включая церкви и гуманитарные организации, оказывающие социальную помощь.

25 марта 2006 года всего за «один день национального протеста» до трех миллионов человек вышли на демонстрацию в Лос-Анджелесе, что стало крупнейшим общественным протестом в истории города. Ряды протестующих дополнили миллионы в других городах, таких как Чикаго, Нью-Йорк, Атланта, Вашингтон, Феникс, Даллас, Хьюстон, Тусон, Денвер и т. д. В мае 2006 года был организован «Великий американский бойкот 2006 года», в котором к самим иммигрантам присоединились члены профсоюзов и активисты движения за социальную справедливость. В этот день, вошедший в историю как «День без иммигранта», миллионы людей в более чем 200 городах по всей стране оставили работу, школу, остановили коммерческую деятельность и прервали свои привычные занятия, чтобы принять участие в национальном бойкоте, митингах и других символических актах. Сотни региональных сообществ на Юге, Среднем Западе, Севере, а также в иных регионах, вдали от «узловых пунктов» сосредоточения выходцев из стран

Латинской Америки, пережили нечто такое, что можно назвать мобилизацией масс, позволяющей им занять соответствующее место в политической жизни страны.

Во время проведения протестов говорилось о необходимости аннулировать законопроект Сенсенбренера, что, в свою очередь, вызвало усиление расистско-шовинистических настроений, а также привело к оживлению движения неонацистов, направленного против иммигрантов. Ответная негативная реакция, среди прочего, включала в себя массовые депортации; рост числа агентов, осуществляющих контроль за количеством иммигрантов, использование местных сил полиции в качестве таких агентов, увеличение числа сотрудников безопасности в приграничных районах с Мексикой. Продолжилось нагнетание антииммигрантской истерии в средствах массовой информации, а также введение на местном, государственном и федеральном уровнях многочисленных дискриминационных антииммигрантских законодательных инициатив.

Явно расистский общественный настрой, который еще несколько лет тому назад считался бы невозможным, становится сейчас все более определяющим в средствах массовой информации. В настоящее время существует праворадикальная организация Minutemen, которая по степени ненависти к латиноамериканцам представляет собой нечто родственное Ку-клус-клану. Организация действует вдоль границы США с Мексикой: в Аризоне, Калифорнии и в некоторых других регионах страны.

Члены Minutemen отмечают, что они призваны «обеспечивать безопасность границ», принимая во внимание «неадекватный контроль» со стороны государства. Подобные рассуждения, а также высказывания членов Чайной Партии и других подобных групп, помимо их расистской направленности, являются, по сути своей, неонацистскими. Расистская враждебность в отношении латиноамериканцев и других иммигрантов может быть непреднамеренным

(однако нельзя сказать, что нежелательным) результатом государственной политики.

Рабочий и средний классы в США, в которых доминируют представители англо-саксонского «белого» меньшинства, сталкиваются со снижением собственного социального статуса и все большей небезопасностью, поскольку государство с развитой социальной системой и стабильностью на рынке труда было уничтожено в ходе капиталистической глобализации. Эти классы особенно часто используются в расистских антииммигрантских выступлениях консервативными политическими группировками как внутри, так и вне Республиканской партии США.

Практика создания образа врага, использующая в своих целях иммигрантские сообщества, достигла высшей точки в разгар финансового кризиса 2008 года, который подхлестнул антииммигрантскую истерию, подогреваемую расистскими антииммигрантскими движениями. По всей стране были приняты репрессивные антииммигрантские законы, среди которых SB1070 в Аризоне и HB56 в Алабаме. Оба этих закона официально оформляли расовую дискриминацию и, по сути, стимулировали террор в отношении иммигрантских сообществ.

Журнал «Mother Jones» выпустил статью, в которой говорилось о сотнях репрессивных антииммигрантских законах, подобных закону SB1070, принятых на местном и государственном уровнях в США. Только в 2010 и 2011 годах государственными законодательными органами были приняты 164 таких закона. Опубликованные данные также раскрывали взаимосвязь между крайне правыми организациями, входящими в антииммигрантское движение, и другими неонацистскими организациями, правительственными учреждениями и избранными должностными лицами (как на местном, так и на федеральном уровнях), а также отдельными политиками, лоббистами и активистами.

Репрессии со стороны государства в отношении притока иммигрантов в 2006 году привели к значительному расколу в движении за права иммигрантов. Если говорить кратко, то средний класс латиноамериканцев и влиятельные лица обнаружили, что существует угроза их классовым интересам со стороны неконтролируемых самоорганизующихся иммигрантских масс.

Сосредоточенная в хорошо спонсируемых неправительственных организациях (НПО), а также занимающая посты на уровне местного и федерального назначения правящая верхушка латиноамериканцев попыталась перехватить управление стихийными движениями, достичь над ними контроля, направить протест в сторону лоббирования законодательной реформы в союзе с Демократической партией.

Во время предвыборной президентской компании Барака Обамы 2008 года произошло соединение политических устремлений верхушки латиноамериканского сообщества, репрессий со стороны государства с нейтрализацией, по крайней мере на некоторое время, массовых движений.

Лидеры стихийных выступлений не отрицали возможности лоббирования и попыток проникнуть во власть, но при этом они настаивали на приоритете массовых движений «снизу» в альянсе с либералами в интересах лишенных гражданских прав рабочих-иммигрантов и членов их семей. В этом политическом лагере отстаивались также идеи необходимости установления связи с движением за права иммигрантов и более тесной связи с другими популярными движениями в защиту труда и справедливости во всем мире.

Эти стратегии находят свое отражение в законодательных реформах, касающихся иммигрантов. Если расширить рамки анализа, то внутри многонационального сообщества иммигрантов и тех, кто их поддерживает, можно обнаружить два разных класса. Одни, представляющие средний класс, выступают за устранение расистских юридических препятствий

и выражают готовность отстаивать собственные политические интересы. Другие – в большинстве своем, рабочий класс – сталкиваются не только с расизмом и юридической дискриминацией, но также и с остро стоящей проблемой эксплуатации и борьбой за выживание.

Общеизвестно, что повторная победа Барака Обамы на президентских выборах в 2012 году очень сильно зависела от голосов стремительно растущего блока избирателей-латиноамериканцев. Это заставило Республиканскую партию пересмотреть реформу процесса иммиграции в страну. Возможно, голосование 2012 года предоставило необходимые стимулы для объединения масс.

Несмотря на то что закон S.744 якобы определяет «путь к гражданству» для иммигрантов, описывает условия, позволяющие иммигрантам без соответствующих документов жить в стране, легализовать свой статус, он оказывается одновременно достаточно обременительным, поскольку, по существующим оценкам, от 1/3 до 2/3 лиц, не имеющих документов, не соответствуют критериям отбора, данным в законопроекте. В частности, эти критерии включают в себя доходы, составляющие 125% от местного аналога МРОТ, в то время как миллионы иммигрантов работают сейчас за минимальную оплату; сюда же входят различные оговорки в отношении полной занятости, очень большие штрафы, проверка на наличие правонарушений, знание английского языка, гражданского права и истории США.

Данный законопроект не предусматривает обеспечения доступа иммигрантов к общественным услугам. Он не отменяет репрессивные «сообщества безопасности», а также правительственные программы «278g». Эти две федеральные программы предполагают тесное сотрудничество между федеральным правительством, государственными правоохранительными органами и органами местного самоуправления, подразумевающее содержание мигрантов под стражей и их депортацию.

Данный законопроект делает обязательной общепринятую систему верификации: рабочие должны доказать свое право на работу до того, как они будут приняты на службу. Им требуется предоставить биометрический ID, чтобы государственные и местные полицейские учреждения, а также Агентство национальной безопасности могли обмениваться информацией, когда и кого требуется взять под стражу, а также осуществить передачу уже задержанных лиц.

Программа рабочей иммиграции, применяемая в настоящее время и известная как программа H2A, была учреждена в 1986 году, что позволило сельскохозяйственной отрасли США нанимать рабочих из других стран. Правительство США предоставляет визы, разрешающие людям работать только на данного работодателя и только определенный период времени (менее года), после чего они должны вернуться обратно в страну своего проживания. Если их увольняют или они теряют работу до истечения срока действия контракта, они должны незамедлительно покинуть страну.

По замечанию Дэвида Бэкона, использование программ рабочей иммиграции будет развиваться стремительными темпами и создаст еще больше условий для рабочих-иммигрантов, которые приведут к снижению заработной платы. Положение станет еще хуже не только для работающих в сельском хозяйстве, но и для занятых в промышленности и сфере услуг, т.е. тех секторах, которые очень зависимы от иммигрантского труда.

Еще более зловещим кажется то, что законопроект S.744 зависит от так называемой «безопасности границ». Вносится предложение повысить почти до 50 миллиардов долларов военные расходы США, связанные с обустройством границы между Мексикой и США протяженностью в 2 000 миль; удвоить число пограничников до 40 тысяч человек (один пограничник на каждые 88 ярдов); создать дополнительные 700 миль оградений; оборудовать места, где будут содержаться

лица без определенных занятий; предоставить вертолеты, наблюдательные башни, детекторные устройства и разместить гарнизоны и заставы, которые будут охранять эти границы.

Данный законопроект отвечает интересам ВПК и СИН. Вооруженные силы, Силиконовая долина, правоохранительные органы, компании, занимающиеся строительством частных тюрем, – вот кого ожидает прибыль, которая исчисляется миллиардами долларов. Сельскохозяйственный сектор, а также крупные корпорации будут продолжать эксплуатировать подневольный труд. Отношение к миллионам иммигрантов, которые не смогут легализовать свой статус, а также к тем, кто находится в США по программе рабочей иммиграции, будет только ухудшаться в связи с их полной беззащитностью. Неудивительно, что среди активно поддержавших законопроект оказались и губернатор Аризоны Ян Бруэр, и комментатор Fox News Билл О'Рейли и «икона» Чайной Партии Рэнд Пол.

По замечанию члена правления Национальной сети иммигрантов в защиту прав беженцев Хамида Хана, данный законопроект является моделью создания «поднадзорного индустриального комплекса», который под предлогом общественной неприкосновенности и безопасности «представляет некие политические инвестиции в дальнейшее укрепление и узаконивание полицейского государства».

Стратегия Обамы может оказаться достаточно эффективной с точки зрения переформулирования методов осуществления социального контроля за иммигрантами и для политической кооптации. В самый разгар массовых протестов иммигрантов 2006 года и жестоких государственных репрессий, последовавших за этим, учреждения, базирующиеся в Вашингтоне, оказали значительную финансовую поддержку более лояльным организациям в защиту латиноамериканцев. В то же время Демократическая партия поставила себе цель отделить правящую верхушку латиноамериканцев от радикально-настроенных сил, встающих во главе спонтан-

ных протестных движений. Принято решение предоставить первым лидирующие позиции в проекте Обамы.

Все эти разрозненные тенденции: государственные репрессии, антииммигрантская политика, интересы правящей верхушки латиноамериканцев и программа демократической кооптации – привели к попытке иммигрантов организовать защиту собственных интересов при поддержке Демократической партии. Но готовящаяся реформа в отношении законодательства, которое касается иммиграции в США, крайне консервативна по своему духу и репрессивна по содержанию. Лишь активизация движения в защиту прав иммигрантов может как-то развернуть эту реформу, чтобы мы могли увидеть в ней хоть малую толику социальной справедливости. Разделение рабочего класса во всем мире на граждан страны и иммигрантов представляет одну из главных проблем неравенства во всем мире. Границы и национальность используются транснациональным капиталом, сильным и привилегированным, для сохранения новых методов контроля и доминирования над рабочим классом во всем мире.

Демографическая и социальная составляющие современного кризиса

На заре западной цивилизации ее лидеры были справедливо озабочены контролем над численностью населения. Платон в своем «Государстве» говорит о поддержании стабильной численности народонаселения как об одной из главных обязанностей правителей. В отношении различных классов общества он дает в этой работе тщательно продуманные указания «по евгенике», направленные на «улучшение породы», сохранение стабильной численности и обеспечение политического равновесия. В соответствии с наставлениями Платона, высшим классам, обладающим наилучшими способностями, должно предоставляться больше возможностей продолжить свой род, чем низшим сословиям.

В V веке до н. э. смертность, как правило, была равна или превышала рождаемость; войны, эпидемии и другие катастрофы периодически сеяли опустошение, и лидерам требовалась хитрость, чтобы поддерживать в государстве нужное соотношение численности жителей и сословного состава общества. Для реализации этой цели, по словам Сократа, правителям «потребуется нередко прибегать ко лжи и обману ради пользы тех, кто им подвластен».

Сегодняшние правители, похоже, совсем упустили из виду свою фундаментальную обязанность поддерживать демографическую стабильность. Они лгут не только своим граж-

дана, они, кажется, предпочитают лгать и самим себе. Будь то от трусости или от невежества, но они притворяются, что рынок может сам по себе принести счастье, богатство и благосостояние всем, даже невзирая на ошеломляющий рост числа людей, преследующих эти цели. Элита непрерывно посылает тем людям, которыми она управляет, сигнал: неолиберальный экономический порядок может принять всех и везде. И неважно, сколь многочисленны они сегодня или сколько их станет завтра. Если, не дай бог, экономический порядок каким-то образом оставит большое количество людей за бортом, то это, конечно, вызвано какими-то сбоями и несогласованностью, которые будут скоро исправлены путем проведения должной политики. Отлучение кого бы то ни было от благ рынка, таким образом, объявляется временным явлением, которое никоим образом не должно быть приписано характеру самой системы.

Невозможно согласиться с таким обращением с массами. Несомненно, наиболее здравомыслящие из наших «правителей», если бы они дали себе труд немного поразмыслить о природе свободного рынка и избранной нами экономической системы, также не согласились бы с ним. Доктрина либерализма родственна евангельскому тезису: «Много званых, но мало избранных», — хотя вполне возможно, что рынок исповедует более открытую политику, чем Господь. Наша точка зрения состоит в том, что глобальный неолиберализм не может принять всех, даже в самых процветающих государствах. И уж, безусловно, он не может позаботиться о шести или восьми миллиардах человек по всему миру.

До начала глобализации экономические процессы носили, в сущности, национальный характер и базировались на операции сложения. При производстве и распределении увеличение стоимости определялось путем сложения различных элементов, в основном сырья, капитала и труда. Согласно

формуле Генри Форда, людям «платили достаточно, чтобы они могли покупать наши машины».

В эпоху глобализации экономические процессы, носящие международный характер, зависят от операции вычитания. Стоимость (прибыль) увеличивают, используя меньше составляющих, в особенности труда, по сравнению с зарубежными конкурентами. Труд выгодно заменяется капиталом и информацией. При том что в Соединенных Штатах Америки затраты на оплату труда по-прежнему составляют 70% всех корпоративных расходов, успех на международной арене *требует* снижения, сокращения и отвержения.

Чем меньше доля тех, кто, так сказать, подвергается остракизму со стороны системы, тем выше издержки производства и ниже норма прибыли. И наоборот, чем выше степень отвержения дорогостоящих человеческих элементов, тем выше норма финансовой прибыли. Эту истину каждый день отражают фондовые рынки, на которых можно увидеть, как стоимость ценных бумаг возрастает в тот самый момент, когда компания объявляет о крупном сокращении штатов.

Система не может функционировать без постоянно идущей борьбы между фирмами, производимыми ими продуктами и индивидуумами. Чем меньше людей будет иметь право претендовать на свою долю богатств, тем большее вознаграждение достанется победителям. Каждому приходится конкурировать не только со своими соседями, но и с находящимися за тысячи миль незнакомцами, которых он никогда не увидит.

Поскольку прибыль является и целью, и двигателем системы, корпорации должны иметь право к ней стремиться. Корпорация принадлежит тем, кто вложил деньги в ее акции, — своим акционерам. Что бы там ни говорили моралисты, она не принадлежит ни служащим, ни поставщикам, ни городу или стране, на чьей территории она расположена. Так и должно быть. Однако невозможно, чтобы «и волки были сыты, и овцы

целы», поэтому работникам, поставщикам, местной обществу и стране придется пойти на жертвы.

Хотя богатые государства будут и впредь оставаться сравнительно богатыми, не все их граждане смогут извлечь выгоду из создания нового богатства. Многие останутся за бортом. Что касается населения более бедных и уязвимых стран, ему придется страдать от массового голода и проблем с занятостью, что приведет к возникновению взрывоопасной смеси проблем: деструктивного поведения, преступности, массовой миграции и терроризма. Большие регионы (подобное мы можем наблюдать уже сейчас) будут доведены до того, что Гоббс называл «природным состоянием». В этой «войне всех против всех» будут не способны функционировать государства, а иногда даже и рынок.

Наши нынешние лидеры не признают ничего из вышеперечисленного, возможно потому, что это потребовало бы от политиков «помыслить немислимое». Но в результате они лгут массам и, прежде всего, – самим себе.

Мы задаем вопрос: легитимно ли право каждого человека искать максимальной выгоды для себя, используя свою способность размножаться, каковы бы ни были последствия для всеобщего блага? Понятия легитимности и нелегитимности напоминают нам о праве, власти и стандартах. За редкими исключениями численность населения и размер семьи до сих пор не были предметом национального законодательства или постановлений. Если мы попытаемся поставить этот вопрос в самый широкий контекст возможной легитимации, а именно в контекст международного права и Всеобщей декларации прав человека ООН, то мы обнаружим, что в этих документах нет почти никаких указаний на этот счет.

Статья 16 Декларации посвящена браку и семье и провозглашает равные права для мужчин и женщин, состоящих в браке. Она утверждает, что «семья является естественной

и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». О размере семьи здесь ничего не сказано. Не найдем мы ничего на эту тему и в Статье 25, которая провозглашает подлинную хартию государства всеобщего благосостояния: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию... Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой».

И вновь репродуктивная способность индивидуума здесь не учитывается. Провозглашаемые права человека относятся к нему самому и его семье. Если у этого человека восемь детей и он не в состоянии обеспечивать их пищей, одеждой, жилищем и медицинским уходом, то обязанность предоставить им все это, согласно Всеобщей декларации, ложится на общество в целом.

Когда страны встретились в 1948 году для подписания этой Декларации, численность мирового населения была меньше двух с половиной миллиардов. Положения Декларации выглядели утопично уже тогда, однако сейчас обеспечение подобных «прав» для 6 миллиардов человек, многие из которых чрезвычайно нуждаются, абсолютно невозможно. За 50 лет, прошедшие со времени ее подписания, Всеобщая декларация превратилась в документ, безнадежно противоречащий сам себе. Так, в статье 28 она провозглашает, что «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». Подписавшие документ государства, очевидно, и представить себе не могли, что

им придется выбирать между неограниченной индивидуальной свободой размножения и «социальным и международным порядком» (не говоря уж о порядке экологическом), которые сейчас находятся под серьезной угрозой.

Однако внимательным и ответственным людям, таким как Сократ и Платон, вот уже несколько тысячелетий известно, что неконтролируемая численность населения подвергает общественный порядок неприемлемым нагрузкам. Аристотель также указывает, что из «всех тех государств, чье устройство слывет прекрасным», ни одно «не допускает чрезмерного увеличения своего народонаселения». Для граждан хорошее управление предполагает «хороший порядок», а «чрезмерно большое количество не допускает порядка». Если полис перенаселен, даже самые хорошие законы окажутся бесполезными, и тогда спасти его сможет лишь «божественная сила», которая обеспечит порядок.

Едва ли божественная сила обеспечит порядок в наших земных городах. Чем больше население, тем в большей степени будет теряться политическая управляемость. Это касается и заявленных целей ООН, включая достижение «социального и международного порядка», гарантирующего те самые права, поборником которых ООН выступает. «Разбухающее» население и права человека в понимании стран, подписавших Всеобщую декларацию, являются взаимоисключающими вещами.

Всеобщая декларация, которая, как представляется, одобряет или, по крайней мере, попустительствует демографическому взрыву, не имеет дополняющего ее органа власти или глобального института, который мог бы на законных основаниях вмешаться, чтобы обуздать этот взрыв. Речи на конференциях ООН стоят недорого. Юридически же обязательных договоров не предлагается вовсе, как и соответствующих реальных стимулов. Международные бюрократы не оказывают

никакого сдерживающего влияния на рост населения. Нечего ожидать в этой области и на межправительственном уровне.

На национальном уровне несколько государств по-прежнему прямо или косвенно поощряют неограниченную свободу размножения. Во многих бедных и перенаселенных странах государственная машина использует свою власть, для того чтобы держать женщин в зависимости и не дать контрацептивам, или даже соответствующей информации, пересечь государственные границы. Реакционные государства особенно упорствуют в ошибочном убеждении, что огромное население в конце концов сделает их более могущественными. Так, например, было в Румынии при коммунистической диктатуре. И это, кажется, по-прежнему справедливо в отношении некоторых арабских стран.

В большинстве случаев государства Юга вообще не имеют того, что можно было бы назвать демографической политикой. Многие правительства не оставили камня на камне от бюджетных расходов на здравоохранение и планирование семьи, пытаясь выполнить требования по реструктуризации, возврату долгов и финансовой дисциплине. Ирония состоит в том, что во многих случаях они и залезли в долги, пытаясь предотвратить падение уровня жизни, порождаемое неконтролируемым ростом населения. Несколько государств, такие как Индонезия и Чили, развернули серьезные кампании по ограничению роста населения. Таким же образом пытается поступать и Китай, но его власти регулярно сталкиваются с неповиновением как в городе, так и в деревне. Миллионы семей превышают теоретически существующие «ограничения на размножение», и политика «одна семья – один ребенок» чаще нарушается, чем соблюдается.

Значительное предпочтение, оказываемое потомству мужского пола в большинстве стран Юга, создает еще один стимул к росту рождаемости. В некоторых областях Азии не

являются редкостью такие пропорции, как 130 мальчиков на 100 девочек. Вопрос, на ком женятся «лишние» 30 мальчиков, по-видимому, не ставится. И воля, и средства, необходимые для того, чтобы сдержат демографический взрыв, отсутствуют в тех странах, которым в основном как раз и приходится с ним сталкиваться. Таким образом, каждый год мы становимся свидетелями рождения десятков миллионов человеческих индивидуумов, чьи перспективы еще мрачнее тех, которые сейчас имеют их родители.

На Севере кризис численности населения также глубоко затрагивает государства, хотя они, возможно, еще не полностью отдают себе в этом отчет. В плане регулирования численности населения Север оказался таким же бессильным, как и Юг. Соединенные Штаты Америки, опасаясь вызвать недовольство сил, выступающих против абортотв внутри страны (так называемого движения «в защиту жизни»), отказываются включать меры по ограничению рождаемости в свои программы международной помощи. Частные американские фонды, может быть, и пытаются заполнить вакуум, но они не способны внести значительные корректировки в государственную политику в этом вопросе.

Во многих странах-участницах Организации экономического сотрудничества и развития министерства внутренних дел фактически превратились в «министерства по делам иммиграции», однако до сих пор не выработано действительно эффективных программ по решению самых насущных проблем, связанных с иммиграцией. Иммигранты, по крайней мере в первом-втором поколениях, значительно плодотворнее, чем их соседи – коренные жители. Страны, в которые они стекаются, не имеют программ планирования семьи, специально рассчитанных на иммигрантов. Они абсолютно не готовы принимать меры по сокращению стимулов к рождению детей, такие как

урезание или прекращение денежных выплат или отмена налоговых льгот по мере увеличения размера семьи.

Семьи иммигрантов крупнее, а следовательно, беднее других. Зачастую они страдают от нехватки образования, проблем с жильем, фактического проживания в гетто, низкого уровня квалификации и высокого процента безработицы. Все эти факторы ведут к тому, что иммигранты проявляют чрезвычайно высокую активность в нелегальной торговле всех видов, участвуют в преступной, а иногда и в террористической деятельности, которая бывает связана с политическими конфликтами в странах, откуда они приехали.

Хотя значительное число иммигрантов, к их чести, не участвует в незаконной деятельности, они вполне готовы работать в сфере теневой экономики за низкую плату и без социальной защиты. Нелегальные наемные работники предполагают нелегальных нанимателей. Последние иногда работают рука об руку с международными бандами, занимающимися нелегальным ввозом людей. Правительства закрывают глаза на подобную деятельность, осознавая, что компаниям их стран необходимы дешевые рабочие руки, чтобы сохранить конкурентоспособность. Как результат — коррупция распространяется, преступления остаются безнаказанными, а рабочих-иммигрантов воспринимают как конкурентов, сбивающих ставки по заработной плате в борьбе за рабочее место.

Экстремистские политические взгляды процветают с обеих сторон. Из-за того что иностранцы чувствуют себя на своей новой «родине» отверженными, они могут искать спасения в собственной национальной культуре, а также в религии, выражая себя подчас экстремально. Это может создавать значительные проблемы для коренного населения, и возникает порочный круг.

Проживающие на территории государств Севера иностранцы, которым уже сейчас трудно ассимилироваться,

составляют лишь малую толику тех, кто будет стремиться иммигрировать в будущем, по мере того как периодически повторяющиеся широкомасштабные политические, экономические и экологические катастрофы будут поражать их собственное общество. Поскольку деньги, отправляемые иммигрантами домой, помогают поддерживать на плаву непрочные финансовые системы у них на родине, правительства национальных государств будут предпринимать лишь вялые усилия для сдерживания эмиграции, какие бы обещания они ни давали своим северным коллегам. Есть и другой вариант развития событий: эти правительства будут «вымогать» деньги у государств Севера, взамен обещая препятствовать отъезду своих граждан. Таким образом, растущее население будет представлять собой ценный «экспортный товар».

Сочетание этих факторов – огромного роста численности населения на Юге и расширяющегося присутствия южан на Севере – предполагает возникновение серьезных культурных конфронтаций и взрывов. Сценарий «столкновения цивилизаций», противостояния «Запада и всех остальных» вполне оправданно привлек значительное внимание. Сам автор этой концепции, профессор Хантингтон, подчеркивает «зловещую пропасть между стремлением Запада распространять универсальную западную культуру и его снижающейся способностью делать это». Вся демографическая динамика работает только на последнее.

Возможно, потому, что профессор Хантингтон находит это очевидным, он недоговаривает: глобализированная система, основанная на свободном рынке, не сможет восторжествовать, если культура, которая ее поддерживает, ослабнет. Его работа почти не касается экономики. Однако культура капитализма является преимущественно западной, нравится нам это или нет. Хотя фигуры торговца и купца были с нами на протяжении всей истории, капиталист принадлежит к другой «породе», ко-

торая является не китайской, арабской, индуистской, или даже японской, но западной, что стремились доказать историки типа Фернана Броделя или Джозефа Нидема. «Рынки» и капитализм не идентичны друг другу: рынки могут существовать и существуют без капитализма (хотя обратное неверно).

Капиталистическая культура интернационализирует понятие риска, мотив прибыли и необходимость накопления; это не просто культура купца и торговца, но еще и культура накопителя, инвестора и предпринимателя. Если бы нам пришлось выбрать одно слово, чтобы охарактеризовать эту культуру, это было бы слово «конкуренция». Любовь к борьбе и готовность рискнуть, броситься в неведомое лежат в ее сердце; «творческое разрушение» есть ее высочайшее искусство. Однако страны, где экономика свободного рынка формировала доминирующую капиталистическую культуру на протяжении веков, будут скоро составлять жалкие 10% всего человечества. Это является зловещим предзнаменованием для будущего системы, гарантирующим возникновение кризисов и конфликтов, с которыми человечеству не приходилось сталкиваться прежде.

На перспективу возникновения «культурного кризиса» в странах западного мира обращали меньше внимания, чем на опасность столкновений на границах цивилизаций. Профессора Хантингтона занимают протяженные границы, прочерченные культурами. Однако он практически не уделяет внимания вопросам иммиграции или конфликтам внутри государств. Если совсем отвлечься от фактов повседневных и примитивных (скинхедовских) нападений на иностранцев в Европе и Америке, все равно можно видеть, что здесь работает иная динамика, указывающая на латентный конфликт на более глубоком уровне, который в конце концов затронет миллионы.

Если (как это часто происходит сегодня) ассимиляция чужаков и коренных жителей в некую национальную культуру уже не осуществляется посредством школ, церквей, политических

партий, вооруженных сил, гражданских ассоциаций, контактов на рабочем месте и всего остального спектра общественных институтов, то она может волей-неволей осуществляться посредством телевидения и всепоглощающего потребительства. Все это – результаты деятельности свободного рынка.

Само понятие культурной ассимиляции становится, таким образом, противоречивым. В то время как за посещение школы или церкви, участие в ассоциации или в политической партии люди «платят» только своим свободным временем, для того чтобы быть участником меркантильной культуры, необходимы значительные свободные средства. У миллионов нет подобных средств, хотя их постоянно возбуждают и провоцируют образы потребления, передаваемые через рекламу и средства массовой информации.

Многие социальные мыслители отмечали, что торговые центры суть истинные соборы нашего времени, а число претендующих быть их прихожанами растет с каждым днем. Не все души могут объединиться в этом вероисповедании потребителей. «Отверженными» становятся не только иностранцы, но и местные безработные, работающие на низкооплачиваемых работах бедняки, маргинализованная молодежь или старики. Одним словом – «неудачники», «непричастные».

Невозможность приобщиться к подобной культуре имеет результатом постоянную фрустрацию, которая рано или поздно найдет свое выражение в гневе, направленном внутрь или наружу. Когда число «непричастных» достигнет критической точки, это приведет к культурному взрыву. Те, кто не может быть интегрирован, ищут утешения, а часто и отмщения, в различных обостренных формах патриотизма, национализма, фундаментализма ультрарадикальной направленности. Частная вооруженная милиция в Соединенных Штатах Америки – вот всего один из примеров. Иногда проявлением гнева может быть процесс бессмысленного раз-

рушения. Известны случаи, когда в пригородах европейских городов подростки крушили все на своем пути, в том числе и собственные жилища, школы, клиники, где их семьи пользуются бесплатным здравоохранением, а также спортивные площадки, предназначенные для них же самих.

Долговая кара, как когда-то чума в XIV веке, постепенно настигает нас, проникая с Юга на Север. Но возбудитель бубонной чумы в нашем XXI веке – вовсе не крысы и блохи, а заполонившие все вокруг неолиберальные фундаменталисты со своей безжизненной идеологией. Когда-то их звали Тэтчер или Рейган, теперь это скорее Меркель или Баррозо. Но те послания, которые они несут, ментальность и способы борьбы не изменились со временем. И разрушения, вызванные чумой XIV века и чумой века XXI, весьма похожи. Безусловно, в наше время в Европе смерть из-за долгового бремени – явление достаточно редкое по сравнению с тем, что происходило в Африке тридцать лет тому назад. Речь здесь скорее идет о причинении огромного вреда когда-то процветающим экономическим системам европейских стран.

Теперь мы можем поговорить о «структурной реформе». «Реформа» – вполне безобидное название определенных экономических мер, навязанных богатыми странами-кредиторами Севера менее развитым странам Юга, которые мы теперь называем странами третьего мира. Многие из вышеупомянутых стран влезли в огромные долги, в то время как их многочисленные цели оказались нереализованными. Иногда эти займы просто оседали на личных счетах тогдашних лидеров (скажем, Мобуту или Маркоса), а их страны оказывались в долговой яме. Возвращать долг в песо, реалах, седи или другой подобной валюте было нельзя: кредиторы хотели доллары, фунты стерлингов, немецкие марки...

Кроме того, процентная ставка по займам, взятым этими странами, варьировалась; в самом начале она была низкой, но

астрономически выросла начиная с 1981 года, когда Федеральная Резервная Система сообщила о том, что грядет конец эры дешевых денег. Когда в таких странах, как Мексика, возникла угроза дефолта, министрам финансов, ведущим банкирам и государственным чиновникам во всем мире пришлось проводить бессонные выходные и, питаясь фастфудом, на скорую руку составлять план действий в чрезвычайных обстоятельствах.

Все течет, но ничего не меняется. Прошло уже много лет, а встречи на высшем уровне, направленные на преодоление кризиса, по-прежнему сменяют одна другую. Сейчас мы можем наблюдать это в Брюсселе, и рекомендации, который мы там слышим, будут практически прежними: вы получаете помощь лишь в обмен на взятые на себя обязательства строго соблюдать установленные требования. Когда-то это уже отозвалось эхом неолиберального «Вашингтонском консенсуса». Теперь это называется более точно – «пакетом мер по строгой экономии». Но меры при этом предлагаются одни и те же. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь – кровью.

Для стран Юга в этих контрактах оговаривается следующее: «Требуется сократить производство продукции и увеличить объем зерновых культур, что должно повысить денежный доход. Необходимо приватизировать государственные предприятия и развивать сферы деятельности, связанные с иностранными транснациональными корпорациями и направленные на получение прибыли, в особенности это касается сырья и отраслей добывающей промышленности, лесной и рыболовной отраслей. Нужно резко сократить кредиты, отменить субсидии и социальные льготы; осуществлять шаги в направлении платной медицины и образования; поставить на экономические рельсы торговлю, что позволит зарабатывать конвертируемую валюту. Ваши главные обязательства – перед кредиторами, а не перед людьми».

Теперь настал черед Европы. Южной ее части, а также Ирландии неустанно повторяют: «Вы жили не по средствам. Теперь нужно платить». Правительства покорно следуют указаниям, а людям в этих государствах зачастую кажется, что они должны немедленно расплатиться по долгам, ибо долг суверенного государства – то же самое, что и долг семьи. Но этого не происходит. Правительство накапливает свои долги, выпуская облигации. Эти облигации покупаются, главным образом, институциональными инвесторами, например банками, получающими годовые процентные выплаты. Эти выплаты – низкие, когда риск дефолта низкий, и высокие, когда этот риск высок. Вообще же для любой страны абсолютно нормально, желательно и даже необходимо иметь долги. Это не должно вызывать совершенно никаких проблем, а лишь давать преимущества, если средства разумно инвестируются на продолжительный срок в таких отраслях, как образование, здравоохранение, если это касается социальных гарантий и компенсаций, устойчивой инфраструктуры и так далее.

И действительно, чем выше расходы государственного бюджета, в пропорциональном соотношении, на государственные нужды, тем выше уровень жизни, и тем больше создается рабочих мест, включая рабочие места в частном секторе. Это правило неоднократно подтверждалось, так как еще в XIX веке была отмечена связь между государственными инвестициями и национальным благосостоянием.

Эффективные, грамотно осуществленные инвестиции, финансируемые государственными займами, следует рассматривать в целом как позитивные тенденции. Но так же очевидно и то, что займы могут расходоваться и тратиться совершенно бездумно, а прибыль направляться вовсе не туда, куда следует. А отличие бюджета государства в том, что государства не могут исчезать, как компании-банкроты.

В 1992 году европейские страны проголосовали большинством голосов за Маастрихтский договор, который, по настоятельному требованию Германии, включал в себя магические числа 3 и 60. Следовало никогда не допускать дефицит бюджета выше 3%; никогда не позволять, чтобы государственный долг превышал 60% от валового внутреннего продукта. А почему не 2 или 4, 55 или 65%? Это никому не известно, разве что каким-то совсем уж древним государственным чиновникам, которые принимали участие в разработке договора, но сейчас данные цифры воспринимаются как окончательные и безоговорочные.

В 2010 году прозучало предостережение экономистов о том, что долги выше 90% от ВВП могут оказаться серьезной проблемой для страны, а ее ВВП может снизиться. Это казалось вполне убедительным, так как выплаты по процентам будут тогда составлять значительную часть бюджета. В апреле 2013 года была предпринята попытка воспроизвести результаты предостережения, но попытка оказалась безуспешной. Использование прежних цифр дало положительные результаты по ВВП, который и дальше должен был повышаться более чем на 2% в год. Экономистам пришлось признать, что они оказались жертвами неточных расчетов и неверно поставили запятую.

Даже Международному валютному фонду пришлось признаться в том, что он допускал похожие ошибки. На сей раз дело касалось вопросов, связанных с режимом строгой экономии. И теперь нам известно, поскольку МВФ честно в этом признался, что подобные строгие меры отрицательно скажутся на ВВП (в результате его негативного эффекта падение ВВП превысит прогнозы в два или три раза). По заявлению МВФ, Европе следует быть осторожной и не «доводить дело до того, чтобы совершалось какое-либо вмешательство в экономику». Магические 60% как предел задолженности по ВВП также перестали быть неприкосновенными, как и 3% дефицита. Тем

не менее политика продолжает оставаться неизменной, поскольку хищники-неолибералы пытаются использовать любые сомнительные доказательства, которые могут быть им на руку.

Таким образом, возникают два главных вопроса. Вопрос первый: почему долги европейских стран так сильно возросли после кризиса 2007 года? Всего за четыре года, в период с 2006 года по 2010 год, объем долгов возрос более чем на 75% в Великобритании и Греции, на 59% в Испании и на 276% во все времена лидирующей Ирландии, где правительство просто объявило о том, что оно возьмет на себя ответственность за *все* долги *всех* частных банков Ирландии. Получается, что отныне ирландцам придется нести ответственность за поведение ирландских банкиров. Британцы поступили так же, хотя в более мягкой форме. В то время как прибыль приватизировалась, убытки старались социализировать.

Итак, простым людям приходится нести на себе все тяготы, связанные с введением жестких мер, в то время как банкиров и других инвесторов, которые приобретали рискованные облигации или «токсичные финансовые продукты», это никак не затрагивает. После кризиса 2007 года ВВП в странах Европы снизился в среднем на 5%, и правительствам приходится как-то это компенсировать. Эскалация финансовых неудач и массовая безработица – все это также означает, что расходы государств будут еще больше как раз тогда, когда они получают меньший доход от налогов.

Экономическая стагнация сильно бьет по карману. Если говорить о высоких расходах и низких доходах, то все сводится к простому рецепту: нужно еще больше брать в долг. Спасение банков и последствия кризиса, ими созданного, – все это можно считать главным объяснением долгового кризиса и, соответственно, тех мер строгой экономии, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Никто не говорит: «они жили не по средствам». Нет, новая нравственность предпри-

сывает: «Наказывай невиновного, а тот, кто виновен, пусть будет вознагражден».

Нет оправдания откровенно глупым и разрушительным политическим мерам, которые приводят к «пузырю» на рынке недвижимости в Испании или к непропорционально разросшемуся штату государственных служащих, как это было в Греции. Бюджет последней оказывается непомерно раздутым, но при этом руководство страны отказывается (что непростительно) брать налоги с морских магнатов и церкви – крупнейшего владельца недвижимостью в стране. Если говорить о жестких мерах применительно к людям, то они неизбежны и всем нам хорошо знакомы: пенсионеры, роющиеся в мусорных контейнерах в надежде отыскать там хоть какую-то еду; талантливые, хорошо образованные итальянцы, португальцы и испанцы, которые бегут из своих стран, так как уровень безработицы в их возрастной группе достигает 50%; невероятный стресс, который люди испытывают в семье; все большее насилие над женщинами, так как ухудшается уровень жизни и растет нищета; нехватка в больницах жизненно важных медицинских препаратов и персонала; уменьшение числа школ; сокращение списка предоставляемых услуг или полный отказ от них. Надо сказать, что и природу также затрагивает этот кризис: ничего не делается для того, чтобы бороться с ухудшением климата или остановить разрушение окружающей среды, потому что это слишком дорого. Приходится признать, что сейчас мы ничего не можем с этим поделать.

Нам известны и результаты того, что Ангела Меркель называет политикой «стимулирования режима строгой экономии». Согласно данной неолиберальной теории, рынки можно «поддерживать» жесткими политическими мерами и новыми инвестициями в страны, которые навели больший порядок в своих расходах. Утверждается, что это «может произойти», но этого

не происходит. Неудивительно, что в южной Европе повсюду можно встретить изображения Меркель рядом со свастикой.

Многие немцы считают, что они оказывают помощь Греции, и больше они этого делать не хотят. В действительности, фактически все кризисные деньги были пущены по обходному пути: правительственные взносы Евросоюза, выделенные благодаря Европейскому стабилизационному механизму, были направлены через Центральные и частные банки в Греции снова в британские, немецкие и французские банки, которые покупали греческие евробонды для обеспечения более высокой доходности. Было бы, наверное, проще прямо передавать деньги европейских налогоплательщиков в банки, но тогда схема сразу стала бы видна указанным налогоплательщикам. К чему же вся истерика вокруг 2 % (Греция) или 0,4% (Кипр) от европейской экономики? Циник ответил бы так: «Да это же просто — чтобы гарантировать успех на выборах госпоже Меркель».

Второй важный вопрос: почему мы продолжаем применять политические меры, которые наносят вред и оказываются неэффективными? Всей этой неразберихе, созданной нами же самими, можно дать два объяснения. Такие именитые экономисты и обладатели премий, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, считают, что европейское руководство некомпетентно, ничего не смыслит в экономике и пытается совершить экономический суицид. Другие полагают, что жесткие меры точно соответствуют тому, о чем говорилось во время проведения встречи с членами круглого стола промышленников России и ЕС и представителями деловых кругов Бельгии. Речь шла о понижении зарплат, отмене социальных льгот, меньшей активности профсоюзов, повсеместной приватизации и так далее. И пока расслоение в обществе растет, верхушка ощущает себя прекрасно. Сейчас больше «надежных клиентов банков» (НКБ), распоряжающихся большей общественной собственностью

стью, чем в 2008 году, в самый разгул кризиса. Пять лет назад было 8,6 миллионов НКБ по всему миру, а доля ликвидных активов составляла 39 триллионов долларов. На сегодняшний день их уже 11 миллионов, а их активы составляют 42 триллиона долларов. Возможности развития малого бизнеса резко ограничены, в то время как крупные компании ворочают баснословными суммами и в полной мере используют свои преимущества «налогового рая». К чему же им останавливаться?

Кризис испытывают не все, а в европейском руководстве, надо признать, состоят не самые глупые люди. Тем не менее они находятся в полной зависимости от финансовых и крупнейших промышленных корпораций. Безусловно, неолиберальная идеология играет важную роль в антикризисной программе, но главным образом она создает дымовую завесу, придумывая различные объяснения и оправдания, чтобы люди поверили в отсутствие альтернативы. По другой модели банки могли быть «социализированы» и начать вкладываться в акции и облигации предприятий «общественного пользования», точно так же как они приобретают другие акции и облигации на общественные деньги. Тогда возможностей для «налогового рая» осталось бы очень мало, кроме того, финансовые операции облагались бы налогами и могли быть применены многие другие методы. Но подобные мысли представляются чем-то крамольным неолибералам (несмотря на то что 11 стран Еврозоны начнут облагать налогом финансовые операции в 2014 году).

Правда в том, что ни одно из минимального набора условий для успеха глобального капитализма в принципе не может быть выполнено при теперешних демографических обстоятельствах. Их реализация абсолютно несовместима с народонаселением в шесть миллиардов или больше. Одним из действенных способов гарантировать счастье и благосостояние огромного числа людей является такое управление, которое гарантировалось бы законом и представляло собой

последовательность шагов по его укреплению, а также смогло бы вырабатывать новые необходимые меры в соответствии с новыми реалиями.

Так что же это такое – легитимное правительство? Начиная с конца XVIII века для установления консенсуса на Западе был необходим, как минимум, всем известный суверенитет, свободные и честные выборы и соблюдение гражданских прав, имеющих обязательную юридическую силу. Но никогда не прекращались бои за расширение демократических свобод, которые могли проявляться в самых разных формах. Сейчас люди свергают тиранов там, где мы это вряд ли могли ожидать: миллионы египтян напомнили нам о том, что право свергнуть избранное руководство, которое не держит своих обещаний, равно как и не выполняет обязательств, также отчасти отражает каноны демократии.

Для легитимности правительства необходимо, прежде всего, согласие тех, кем управляют. Значит, люди должны иметь возможность отклонить незаконную власть. Но если они неспособны сразу же увидеть и определить беззаконие? А если руководящие органы в действительности оказываются теньвыми структурами (что могут понять, главным образом, специалисты), всячески скрывающими род своей деятельности? Что тогда остается делать простому человеку?

Главным в данной ситуации можно считать владение информацией, но во многих случаях СМИ вряд ли могут сильно помочь людям. Сколько журналистов, не говоря о простых людях, когда-либо слышали о Совете по международным стандартам отчетности? Невероятная скука! Кто захочет вникать в эти бухгалтерские тонкости? Совет был создан Евросоюзом как простая консалтинговая структура, которая должна была взаимодействовать с многочисленными разрозненными бухгалтерскими системами в странах-участниках. В состав СМСО входят члены Большой Четверки транснациональных аудитор-

ских фирм, или же те, кто уже отошел от дел. Эта организация получила официальный статус в 2005 году, и с тех пор многие страны, включая Австралию, решили следовать ее правилам.

Почему это должно нас волновать? Просто потому, что миру никогда не удастся избавиться от мест, именуемых «налоговым раем», и заставить транснациональные корпорации (ТНК) платить налоги по месту своей экономической активности до тех пор, пока этому сопротивляется СМСО. Благодаря «трансфертному ценообразованию» и прочим юридическим ухищрениям ТНК делают так, что правительства лишаются государственных доходов от сбора налогов, которые могли отразиться на судьбе многих людей. Но до тех пор пока ведущие аудиторские фирмы через своих представителей будут диктовать правила, положение никак не изменится.

В настоящее время вступили в силу свыше трех тысяч двусторонних договоров о взаимной защите инвестиций, и большинство из них включает в себя положения о «разрешении споров начиная от инвестора и заканчивая государством». Это позволяет инвесторам привлекать к суду правительства, если они сочтут, что любые правительственные меры могут нанести ущерб их настоящей или даже «ожидаемой» прибыли. Австралия вполне благоразумно сообщила в 2011 году, что она не будет в дальнейшем включать такие положения в торговые и инвестиционные соглашения; однако сделала слишком поздно, и ей уже не удастся избежать судебного преследования со стороны компании Philip Morris в связи с антитабачными законами.

Когда начались переговоры по наиболее важным имеющимся соглашениям о праве свободной торговли, Трансатлантическое Торговое и Инвестиционное Партнерство должно было определить эти правила для стран, дающих добрую половину ВВП мировой экономики. Цель состоит в том, чтобы снять «барьеры, связанные с границами», включая регулирова-

ние и услуги, предоставляемые государством, а также получить полную свободу для инвесторов из ТНК, в частности – решать вопросы «начиная от инвестора и заканчивая государством».

Все чаще нам приходится сталкиваться с тем, что дополнительные судебные арбитражные комиссии вытесняют национальные суды, что может отрицательно сказаться на потребителе, общественном здравоохранении и законах, направленных на защиту окружающей среды. Такие комиссии могут получать многомиллионные долларовые вознаграждения от ТНК, оборот которых зачастую оказывается выше, чем общий объем ВВП страны, которая подвергается преследованиям в судебном порядке.

Для тысяч участников договоров о взаимной защите инвестиций как раз правительства определяют принципы трансатлантического сотрудничества. Однако с середины 1990-х годов все конкретные прикладные вопросы в каждом секторе решали определенные структуры по обе стороны Атлантики. Когда-то это называлось Трансатлантический Бизнес-диалог, теперь – Трансатлантический Экономический Совет. При этом он называет себя «политическим органом», а на его сайте с гордостью заявлено, что впервые «частный сектор сыграл официальную роль в определении общественно-государственной политики Евросоюза/США».

В 2012 году в Рио-де-Жанейро проводилась Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20», на которой рассматривались меры по защите окружающей среды. Там, в частности, были встречены бурными аплодисментами слова одной из представительниц Международной Торгово-промышленной Палаты, заявившей в «Банковский день»: «Мы входим в состав крупнейшей бизнес-делегации, которая когда-либо принимала участие в конференции ООН, и поскольку бизнес требует того, чтобы мы взяли инициативу в свои руки, то мы берем ее».

Не только размер капитала, невероятные доходы и активы делают транснациональные корпорации опасными для демократии. Как часто отмечал профессор Тед Уилрайт, чрезвычайно настораживают также способности влияния этого «международного класса», возможность внедряться в правительства, а также те меры, которые им предпринимаются для защиты своих интересов.

Обладающие крупными личными состояниями люди во всем мире не просто занимаются бизнесом, они имеют общие ценности, говорят на одном языке и разделяют общую идеологию. Они поддерживают друг друга и осуществляют общее руководство: их можно назвать правительством Давоса. Те же, кто отдает предпочтение демократическим принципам, сопротивляются им поодиночке. Единственный путь для человечества, который может привести к выходу из кризиса, — это знания и единство. То, что сделал 1%, 99% смогут обернуть вспять. Западу придется отказаться не только от своего богатства, но и от своего влияния. Тем самым он подпишет приговор либеральной системе и обеспечит ей верную гибель.

Глобализация и источники суверенитета: от национального государства к корпорациям

Большинство современных описаний сущности процесса глобализации опускают основную в экономическом, политическом и системном отношении проблему сдвига источников суверенитета. Наблюдатели и исследователи, равно как и средства массовой информации, фокусируются в первую очередь на очевидном процессе сдвига суверенитета от национальных государств к наднациональным образованиям, например в процессе федерализации Евросоюза, и к транснациональным структурам, высоко автономным по отношению к государствам, первоначально их создавшим. Общеизвестны примеры таких транснациональных структур — это Всемирный банк и Международный Валютный Фонд. Их создают национальные государства, которые через своих представителей участвуют в принятии решений и в их выполнении.

Почти образцовый пример не вполне формализованных транснациональных структур — G8 и G20, имеющие статус скорее форумов, чем организаций. Своим форматом — главным образом событийным, а не институциональным — они парадоксальным образом напоминают альтернативные по отношению к политическому истеблишменту мира сетевые структуры: экологов или, к примеру, толкиенистов. G8 и G20 не являются сегодня подлинными источниками суверенитета, поскольку легитимность их участников чрезвычайно зависит как от формализованных и процедурных (к примеру, от парламентских

или президентских выборов), так и от неформализованных политических и околополитических общественных процессов в государствах-участниках.

В то же время принципиально новым является процесс смещения источника суверенитета от государств к частным, корпоративным и общественным образованиям (НГО) формализованным и неформализованным (сетевым) структурам. Многие наблюдатели, исследователи и действующие политики отмечают их возрастающую мощь и идущий параллельно логичный процесс их автономизации (от власти и государства) и суверенизации. Внегосударственные структуры все чаще играют решающую роль в определении целей многих государств и даже надгосударственных образований.

Автор концепции «Волн цивилизаций» Томас Фридман относится к этому процессу скорее позитивно, переходя от нейтральной констатации факта к оптимистическому энтузиазму («Третья волна»), консервативный политический философ Сэмюэл Хантингтон – с тревогой («Кто мы? Вызовы американской идентичности»). Радикальный идеолог либертарианства Дэвид Боуз видит в нем доказательство изначальной порочности сильного государства и выражает по этому поводу удовлетворение, а столь же радикальный виднейший идеолог контркорпоративизма и антиглобализма Наоми Кляйн в работе «Люди против брендов», и особенно в «Доктрине шока», пишет о нем с яростью. Наконец, недавний последовательный приверженец неолиберальной и монетаристской парадигмы, советник Чубайса и Гайдара в деле денационализации постсоветской экономики, идеолог и руководитель программы разгосударствления экономики Польши и Боливии Джеффри Сакс в последней книге «Цена цивилизации» констатирует факт утраты государством роли источника целеполагания (а заодно – и возможности влияния) с крайней озабоченностью и тревогой.

Всякая формальная организация, включая государство, обязательно является системой, но не всякая система – это

организация. Знаменательно, что в уже достаточно далекие 1970-е и 1980-е годы приверженцы и участники движения хиппи в СССР часто использовали для самоидентификации определение «система». Реально и давно существующий Бильдербергский клуб воспринимается и СМИ, и обществом как полумифическая составляющая политической реальности, нечто из области сюжетов книг Умберто Эко, если не Дэна Брауна. А ведь руководители этого неформализованного частного сообщества влиятельных людей пусть нечасто, но все же дают интервью прессе. В нем состоят официальные главы европейских государств (король и королева Испании, королева Бельгии), публичные политики (президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу), политические технократы (бывший президент Всемирного банка Роберт Зеллик) и – на равных с ними – руководители транснациональных корпораций IBM, Нокиа, Ксерокс, нефтедобывающих компаний. Это представляется весьма знаменательным проявлением эрозии роли национального государства и его статуса.

Разработка и принятие глобальных политических, геополитических и экономических решений вне публичного политического процесса и за рамками политической ответственности – принципиально новое явление для последних ста – ста пятидесяти лет европейской цивилизации. Со времен Вестфальского мира 1648 года, который открыл эпоху Вестфальской системы международных отношений, основанных на принципе национального суверенитета, национальное государство не только было признано, но и действительно было доминирующим источником суверенитета на пространстве Европы при всей зыбкости самого понятия национального государства в то время. Эта неопределенность была упразднена Французской буржуазной революцией, которая и положила начало сознательному, теоретически разработанному, идеологически обоснованному и подкрепленному массовым террором практическому конструированию новой политиче-

ской реальности – политической нации в сочетании с единым национальным рынком.

При этом, как убедительно показал в своей книге «Против либерализма» Ален де Бенуа (в главе «Критика либеральной идеологии»), не рынок создал политические нации, но политическая воля создала и нации, и рынки. Именно поэтому так естественна неприязнь либералов классической и неоклассической традиции (и особенно неолибералов) к самому понятию коллективных целей и их проявлению – политической воле. Не опровержение, а просто отрицание понятия политической воли, почему-то приписываемого Жан-Жаку Руссо, ярко декларируется в евангелии неолиберализма – работе «Право, законодательство и свобода» Фридриха фон Хайека.

Как известно, один из основных догматов и классического либерализма, и особенно неолиберализма – это утверждение невозможности в принципе эффективного и продуктивного преднамеренного изменения действительности, в том числе политико-экономической действительности. Неприятие политики и политических действий в целом, не вполне логично, но весьма последовательно вытекающее из этого отрицания возможности целенаправленных изменений реальности, имеет простой до примитивности источник – чисто психологически укорененный страх торговца перед воином, и вообще человеком силы. Этот антагонизм внимательно исследован классиками немецкой социополитической экономики, например Максом Вебером, и исторической школы в экономике в лице Вернера Зомбарта.

В книге «Буржуа» Вернера Зомбарта представлено прямо-таки поэтическое описание и сопоставление сеньорального и буржуазного типов личности. Знаменитая «невидимая рука рынка» Адама Смита, ставшая идолом либерализма, – это всего-навсего религиозная идеология протестантского характера, призванная квазинаучно обосновать ненужность политической власти и политики в принципе. А конкрет-

но во времена Смита – ненужность королевской власти и самодостаточность буржуазии. Политическая воля, всегда зависящая от принятия или непринятия ее обществом, – это психологически чуждое, неприемлемое и дискомфортное для буржуазной личности явление.

Однако парадоксальным образом сильнейшим механизмом именно политической мобилизации, политического включения и политического действия как раз и стало национальное государство. В первую очередь идеократическое, претендующее на «надэтничность» государство политической нации, созданной якобы на основе не языка и культуры, а идеологии. Таковыми считаются Французская республика и, по мнению американских либералов и неоконсерваторов (но не консерваторов-традиционалистов) – США.

Одновременно именно государство политической нации, исключаящее и подавляющее любую иную субгосударственную принадлежность, приверженность и идентичность: вероисповедальную, этническую, и даже расовую, – стало доминирующим источником суверенитета в эпоху «нового мирового порядка», как при рождении была названа Вестфальская международная система.

В этом мире национальных суверенитетов возникли наполеоновские войны, Первая и Вторая мировая война. Однако в этом же мире родилась и Realpolitik во всех ее проявлениях: от принудительного объединения германских государств во Второй Рейх через распад Священного Союза по итогам Крымской войны – и до союза СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне и «реалполитической» разрядки конца двадцатого века, включая договор СССР – США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Национально-государственного характера источников суверенитета в мировой политике не изменило даже превращение ОБСЕ, ставшей вершиной «реалистической политики», в инструмент демонтажа геополитического

цивилизационного конкурента Запада – СССР, а затем и сужения российской сферы интересов и влияния.

Сейчас и Трехсторонняя комиссия Дэвида Рокфеллера, и уже упомянутый Бильдербергский клуб, и Давосский форум – это самые открытые и прозрачные проявления наблюдаемого сдвига суверенности. Речь идет о ежегодных частно-корпоративных событиях, во время которых публичные политические лидеры находятся в гостях у «корпоратократов». Роль последних в глобальной политике и экономике основана не на публичной политической легитимности, а именно на наличии возможностей влиять на политику и политиков через анонимные механизмы. Роль частного предпринимателя Джорджа Сороса в локальных и глобальных политических процессах, от провинциального, как, например, свержение правительства Латвии в результате «революции зонтиков» восьмью сотнями сторонников и активистов соросовских структур, и до процессов континентального масштаба, напоминает времена итальянских кондотьеров и Никколо Макиавелли.

Исторические аналогии показывают, что неверно оценивать современную «корпоративизацию» и приватизацию политики как явление беспрецедентное. На самом деле это – на какое-то (достаточно долгое) время подавленные государством и открытой публичной политикой очень старые (старше национального государства) формы политической активности. Частные предпринимательские кланы оказали сильнейшее влияние на историю Италии, а через Италию – на историю всей Европы и мира. Показателен путь семейства Медичи с XIV по начало XVIII века: от клана ростовщиков, банкиров и валютных менял – до высших должностей Флорентийской республики, до квазиреспубликанского монарха Лоренцо Великолепного. Медичи завершили семейную политическую эволюцию наследственным титулом Великих герцогов Тосканских. Четыре папы Римских и две королевы Франции из клана Медичи – вы-

дающийся пример частного политического менеджмента на геополитическом уровне.

Грядущие процессы «цезаризации» и разгосударствления политической и экономической инициативы предсказывал Освальд Шпенглер в своем «Закате Европы». Шпенглер показал свое видение будущего (а для нас – настоящего) поздней западной цивилизации на примерах таких первопроходцев частного и корпоративного суверенитета, как Сесил Родс. Создатель частной, ставшей позднее корпоративной империи в Южной Африке, Родс был сыном провинциального священника. Он начал карьеру с работы на хлопковой ферме, разбогател на открытии алмазных месторождений в Кимберли, создал алмазную империю «Де Бирс» и к моменту своей смерти в 1905 году контролировал 95% мировой добычи и продаж алмазов. Геополитические амбиции Родса стали основой шпенглеровского предсказания «частного цезаризма» как ближайшего будущего западной цивилизации. Они были оформлены патентом британского правительства, предоставлявшим британской Южноафриканской компании право на освоение территорий, названных по имени их владельца Родезией – будущих Замбии и Зимбабве.

Стиль того времени, когда именно национальные государства и государственная власть воспринимались как источник суверенитета, несомненно, ярче всего выразился в том, что свое экономическое могущество Сесил Родс счел необходимым подкрепить не только мандатом британского правительства на управление Родезией, но и официальной должностью премьер-министра Капской колонии, то есть государственного чиновника Британской империи.

Такое же признание суверена в лице национальных государств демонстрировали и другие экономические гиганты середины XIX – начала XX века: от Джона Рокфеллера и его «Стандард Ойл» (95% добычи и переработки нефти в США в 1880 году) по отношению к США до оружейного короля,

технического автора победы Пруссии во франко-прусской войне 1870-го года Альфреда Круппа по отношению к Пруссии, а с 1871-го года – к Германскому государству (Рейху). Напомним, что и антимонопольное решение департамента юстиции (по другим источникам – Верховного Суда) США 1911 года о разделении «Стандард Ойл» на 34 компании было выполнено владельцами без какого-либо серьезного противодействия государству.

Признание верховенства государства создателями частных и корпоративных колониальных империй – это историческое доказательство доминирования государства как источника суверенитета над частной и корпоративной экономической, политической и даже военной инициативой. К примеру, завоевание будущей Мексики Эрнандо Кортесом было его частной авантюрой, но в биографии «частного геополитика» той эпохи есть и иной характерный пример. В 1541 году по приказу короля Кортес присоединился к походу генуэзского адмирала Андреа Дориа, целью которого было покорение Алжира. Попытка экспансии окончилась неудачей в военном и финансовом отношении, и Кортес понес огромные финансовые потери, поскольку он снаряжал экспедицию на собственные средства.

Схожим являлось и положение Английской, позднее Британской Ост-Индской компании. Именно эта компания покорила силами собственной корпоративной армии Индостан, присоединив эту территорию к Британской империи. Знаменитое восстание сипаев 1857 года было не чем иным, как восстанием частей корпоративной армии Ост-Индской компании, которая не справилась с чрезмерно разросшимся бизнесом по управлению Индостаном – нынешними Индией, Пакистаном и Бангладешем. Проявившаяся в данном случае недееспособность компании привела к тому, что уже в 1858 году решением британского парламента она была лишена административных и военных полномочий и уступила их Британскому государству. Таким образом, роль государства как источника суверенитета

не подвергалась сомнению даже вполне самодостаточными частными и корпоративными экономическими игроками.

Видимо, первым знаком изменения в этих отношениях стала знаменитая прощальная речь 34-го президента США генерала Дуайта Эйзенхауэра. Он сказал в январе 1961 года: «Соединение огромного военного истеблишмента и мощной военной индустрии является новым в американском опыте. Мы признаем настоятельную необходимость подобного развития. Тем не менее мы не должны забывать о том, что это может привести к серьезным последствиям и повлиять на саму структуру нашего общества. Мы должны остерегаться неоправданного влияния военно-промышленного комплекса на власть и не должны допустить, чтобы это влияние превратилось в угрозу нашим свободам и демократическому процессу».

Президент Эйзенхауэр раньше всех заметил принципиальную разницу между структурой, включающей армию, промышленность и часть системы политической власти, которая обслуживает выполнение целей, определенных государством, и совершенно новым явлением – симбиотическим комплексом тех же структур, который сам определяет свои цели и обеспечивает в собственных интересах исполнение этих целей государством.

Джеффри Сакс отмечает, что со времен Эйзенхауэра положение изменилось в худшую для государства сторону. А именно – вместо одной структуры, имеющей собственную систему ценностей и целей, теперь таковых в США как минимум четыре. Это во-первых, все тот же военно-промышленный комплекс, во-вторых, финансово-политический комплекс, подчинивший собственным интересам эмиссионную, налоговую и бюджетную системы государства, в-третьих, военно-транспортно-энергетический комплекс – армия на страже интересов энергетических корпораций, связанный и с интересами автомобилестроительных корпораций США, и, наконец, медицинское лобби – от частных клиник до фармацевтических корпораций.

Наоми Кляйн определяет происходящее как приватизацию власти и прибылей и одновременно обобществление расходов и убытков. Парадоксально, но логично, что точно такими же словами, с тем же гневом и даже в том же году этот процесс охарактеризовал ведущий идеолог американских консерваторов-традиционалистов и действующий правый политик Патрик Бьюкенен в своей книге «На краю гибели». Можно привести ряд ярких примеров последствий сдвига суверенитета от государства к корпорации.

Все возрастающая доля бюджетных расходов США на военные цели помогает обогащению частных военных компаний, получающих государственные контракты на обеспечение войн, которые ведут США. Это, в первую очередь, военная компания «Хе», ранее «Blackwater». Компания участвовала в Иракской войне до сентября 2009 года. «Blackwater» действует в диапазоне от личной охраны до операций собственной боевой авиации – транспортных самолетов и боевых вертолетов. Другая американская компания «Brown & Root» выполняла работы по обеспечению американских войск в Сомали, Руанде, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Македонии, Гаити и Восточном Тиморе. По данным конгресса США, стоимость контрактов компании «Brown & Root» только в Боснии и Герцеговине в 1996–1997 годах достигала 2,2 миллиардов долларов.

При этом компания «Brown & Root» в 1992 году, согласно данным центра «The Center for Public Integrity», выступала субподрядчиком генерального подрядчика правительства – компании-держателя основного пакета своих акций «Halliburton Corporation», главой которой с 1995 по 1999 год был Дик Чейни, позднее – вице-президент США. В январе 1995 года компания «Executive Outcomes» подписала контракт с правительством Сьерра-Леоне по подготовке армии Сьерра-Леоне и фактически по проведению боевых операции против повстанцев Объединенного революционного фронта (Revolutionary United Front), которые к тому времени вошли

в столицу Сьерра-Леоне Фритаун и захватили контроль над рудниками оксида титана *Sierra Rutile* и бокситов *Sierramoco*.

Частная военная компания «*Military Professional Resources Inc.*» (MPRI) во время сербо-хорватской войны действовала в интересах США и через генерала Джона Севала, военного советника госсекретаря США, получала прямые указания от президента Билла Клинтона. MPRI направила своих инструкторов в части хорватской армии, в первую очередь в подразделения специального назначения. Именно эта компания создала в Генеральном штабе хорватской армии «Центр командования, управления и координации действий» и «Центр обработки разведывательных данных». Сотрудники MPRI участвовали в оперативной и разведывательной работе хорватского Генерального штаба, они обеспечивали взаимодействие хорватских и американских спецслужб. Компания MPRI обеспечила и получение хорватским штабом данных с американских военных спутников и беспилотных летательных аппаратов американской армии. Работа этой компании сыграла важную роль в разгроме сербских войск в Западной Славонии (май 1995 года), в Книнской Краине (август 1995 года) и в Боснийской Краине (июль-октябрь 1995 года).

Частные военные компании, с их собственной транспортной и боевой авиацией, разведслужбами и войсковыми подразделениями – специфический сектор бизнеса, потенциал которого очевиден. Не столь очевиден потенциал влияния на экономику и политику мирных корпораций, например корпорации «*Starbucks*». Это всего лишь крупнейшая сеть кофеен (19 000 точек продаж в 60 странах) с головным офисом в Сиэтле (США). Но оборот компании за 2010 год составил 10,7 миллиардов долларов, что больше госбюджета Латвии, чистая прибыль – 945 миллионов долларов, притом что только внешний государственный долг Латвии составляет 5,8 миллиарда латов. К счастью для Латвии и других стран Евросоюза масштаба Латвии, «*Starbucks*» не нуждается в политических формах менеджмента, но роль

скандинавских банков второго по европейским меркам разряда в политике Латвии широко известна.

Еще один пример уже не корпоративного, а личного потенциала – это Фонд Билла и Мелинды Гейтс, обладающий средствами в 33,5 миллиарда долларов (данные на сентябрь 2011 года). Если суммировать средства Фонда с личными средствами Билла Гейтса – 61 миллиард долларов по рейтингу «Форбс» 2012 года, то сумма в 94,5 миллиарда долларов – не только в 10 раз превзойдет госбюджет Латвии, но и составит около половины, например, госбюджета Дании. Анекдотично, но суммарное состояние Гейтса в 18 раз больше бюджета ООН на 2012 – 2013 годы, мучительно согласованного на уровне 5,15 миллиарда долларов. Очевидно, что уровень реального суверенитета как потенциала действий лидеров рейтинга «Форбс» более чем сопоставим с уровнем суверенности и возможностями многих государств, а скорее всего, превышает эти возможности. И, как видно из сопоставления ресурсов Билла Гейтса и бюджета ООН, не только корпорации, но даже отдельные предприниматели располагают неизмеримо большими возможностями, чем ключевые международные организации. Все это показывает, что мир в известной степени возвращается ко временам частных армий и частных войн конкистадоров и кондотьеров или корпоративной геополитики Ост-Индской компании, но уже без признания безусловного верховенства государства.

Интервенция как часть внешней политики США

«Великому экономическому кризису», который мы наблюдаем, скоро будет шесть лет, а выхода из него пока не видно. В Соединенных Штатах Америки, где продолжает царить стагнация, около 23 миллионов американцев являются безработными, выполняют работу, не соответствующую квалификации, или просто «вышли из игры», испытывая фрустрацию.

Экономическое положение в Европе определяют программы жесточайшей экономии. К примеру, за последний период ситуация в промышленности Германии только ухудшилась. Если обратиться к статистике прошедших лет, то становится ясно, что это произошло ввиду наращивания экспорта в соседствующие с Германией страны, которым удалось избавиться от режима строгой экономии. Многие аналитики в свое время предупреждали правительство Германии о том, что настоятельные требования введения жесткой бюджетной политики в сопредельных странах (для обеспечения гарантий возврата в немецкие банки денег, связанных с экономическим бумом, которому банкиры содействовали финансово) в конечном счете могут привести к эффекту «бумеранга» для крупнейшей экономики Евросоюза.

В 2012 году в «глобальную воронку» кризиса втянуло целый ряд азиатских стран. В 2008 и 2009 годах из-за спада в Европе и США темпы роста в Восточной Азии снизились, но это продолжалось только около года. К 2010 году Восточная

Азия и крупные развивающиеся экономики, известные как страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), очевидно, стали приходить в себя. Серьезным поводом послужила программа стимулирования Китая, составлявшая 585 миллиардов долларов США. Эта крупнейшая в мире, с учетом размеров экономики, программа помогла выйти из кризиса не только самому Китаю, но также и его соседям в Восточной Азии.

БРИКС принято было считать своеобразным ярким пятном в глобальной экономике, что проявлялось в способности данных стран к восстановлению и росту даже тогда, когда на Севере отмечалась стагнация. И действительно, по словам одного из нобелевских лауреатов, Майкла Спенса, «прорыв, совершенный в таких странах, как Китай, Индия и Бразилия, представляется важной движущей силой для экспансии в нынешнюю глобальную экономику». Согласно прогнозам Спенса, доля развивающихся стран в мировом ВВП через десять лет сможет перевалить за отметку 50 %. Этот рост во многом может быть обусловлен «эндогенными факторами, связанными с внутренним развитием вновь зарождающихся экономик, чему способствуют более прочные позиции среднего класса».

Однако тенденции последнего времени показывают, что наше представление об иной судьбе стран БРИКС оказалось иллюзорным. В их экономике отмечается значительное снижение темпов развития. Главной причиной этого, очевидно, является зависимость экономик этих стран от рынков стран Севера, а также их неспособность сделать спрос на внутреннем рынке ключевым фактором роста экономики.

Говоря о непосредственных последствиях кризиса, нобелевский лауреат Роберт Лукас, представляющий Чикагский Университет, в котором зародились когда-то неолиберальные теории, заметил: «Любой экономист — это кейнсианец в лисьей норе». К 2010 году неолибералы покинули «лисью нору», однако их предложение — болезненные сокращения

в бюджете и безжалостные меры строгой экономии – вовсе не является решением проблемы, поскольку никоим образом не затрагивает таких вопросов, как сокращение безработицы и дальнейший рост экономики. По мнению неолибералов, усиление кризиса можно считать отчасти нормальным, а «эксцессы» и разрушения, вызванные правительственными решениями, носят несистемный характер.

Неолибералам удалось изменить привычный ход вещей, играя на традиционном недоверии среднего класса в Америке к правительству, дефиците финансирования и налогах. Это произошло благодаря пропаганде аппарата Уолл-Стрит, который всевозможными способами пытается увести общественное внимание от финансовых реформ. «Подлинной проблемой» неолибералы считают не безработицу и стагнацию как в краткосрочном, так и в долгосрочных вариантах, а долги и дефицит. Они постоянно твердят о том, что огромный дефицит за счет взятых долгов может привести в будущем к налоговому рабству для последующих поколений, что этот путь ведет людей в никуда, лишь к большей безработице и стагнации. В ходе последнего экономического кризиса, вызвавшего отчаяние и неразбериху, правое крыло, с его решительным обличением правительственных интервенций, убеждало в том, что источниками проблемы являются правительства, а не нерегулируемый капитал. Безусловно, это имело место в большинстве регионов Европы за последние три года. Победившие на выборах французские социалисты, несмотря на имевшиеся ожидания, не смогли инициировать «пропотребительскую» волну, напротив, они заявили собственную программу строгой экономии.

В самый разгар кризиса 2009 года кейнсианцы пытались взять руководство в свои руки. Их представители, как и другой нобелевский лауреат Пол Кругман, видели главную проблему в безработице, выступая с предложением дефицитного финансирования, установления низких процентных ставок и претво-

рения в жизнь политики, пропагандирующей денежные траты. Звездным часом кейнсианства стал 2009 год, когда президент Обама при поддержке демократического большинства как в Сенате, так и Палате представителей, выдвинул программу стимулирования в размере 787 миллиардов долларов США, а Саммит «большой двадцатки», на котором рассматривались крупнейшие мировые экономические системы, поддержал дополнительное финансирование с целью ускорения общего выхода из мирового кризиса.

Однако осторожность Обамы оказалась его слабым местом. Администрация, проводя политику компромисса, предложила меньшее стимулирование, нежели то, о котором говорила, к примеру, сторонница кейнсианства, председатель Совета экономических консультантов при президенте Бараке Обаме Кристина Ромер. Речь шла о сумме в 1,8 триллиона долларов США. Именно столько Ромер считала достаточным для поддержания устойчивого выхода из кризиса. Компромиссное стимулирование оказалось достаточным для того, чтобы ситуация не стала еще хуже, но недостаточным для полного восстановления. Как отмечал Кругман, эти полумеры дискредитировали кейнсианцев и вызвали решительные нападки справа, что побудило Обаму сформулировать новую программу действий, по сути программу правого крыла, в которой говорилось о резком сокращении долгов и дефицита.

Пока неолибералы и кейнсианцы применяют свои теории на практике, другие экономисты считают, что ни неолиберализм, ни кейнсианство не могут предложить жизнеспособных путей выхода из кризиса, который включает не только экономические, но и экологические проблемы. Сейчас, например, при обсуждении экологической ситуации направление дискуссии тотчас меняется, когда начинаются рассуждения о том, какими экологическими принципами можно пренебречь ради выхода из кризиса и дальнейшего

развития. Об этом неоднократно заявлял Джим Йонг Ким, президент Всемирного Банка, называя факты, связанные с климатическими изменениями, «все более пугающими».

Прогрессивные инвайронменталисты (сторонники экологичного развития) всячески стараются убедить людей в том, что кризис следует рассматривать в более широком контексте, говоря о росте и воспроизводстве природного топлива. Такими аналитиками, как Ричард Хейнберг, рассматривается как фатальное пересечение следующих факторов: финансового коллапса, экономической стагнации, глобального потепления, постоянного истощения запасов природного топлива, а также пределов сельскохозяйственного производства. Перечисленные явления представляются им большим кризисом, нежели временные задержки на пути к росту. Экологические проблемы предвещают не просто завершение парадигмы глобального роста, обусловленной потребностями ведущих экономик, но могут и вообще означать конец всякого роста. Иными словами, мы имеем дело с «мальтузианской ловушкой», хотя Хейнберг, по вполне понятным причинам, старается избегать этого определения.

По его словам, движение по кругу финансовой экономики напрямую связано не только с динамикой накопления капитала, но и со всеобщим нарушением экологического равновесия. «До сих пор динамика роста позволяла нам опережать возрастающие затраты, связанные с проблемами окружающей среды... Но сейчас, когда рост прекратился, нам придется оплатить экологические счета за последние два столетия, когда происходила маниакальная экспансия», — пишет он.

Последующие десятилетия, по утверждению Хейнберга, будут ознаменованы переходом от экспансии к процессу, «характеризующемуся снижением потребления в обществе в целом. И это будет происходить до тех пор, пока мы не будем жить в соответствии с возобновляемыми и восполняемыми

природными ресурсами, повторно используя большую часть минералов и металлов, которые нам так необходимы». Поскольку глобальная экономика все больше погружается в стагнацию, а кошмар, связанный с изменениями в климате, усиливается, мрачные прогнозы могут стать реальностью еще быстрее, чем ожидается.

Американская администрация в ситуации кризиса пытается использовать как эффективный метод улучшения положения США в мире военные интервенции, поддерживая таким образом военный сегмент национальной экономики и добывающую промышленность. Со времени окончания религиозных войн в Европе в 1648 году и заключения Вестфальского мира принцип неприкосновенности суверенитета нации и государства стал краеугольным камнем международных отношений. При этом национальные государства как основные составляющие международных отношений были суверенными сами по себе и должны были уважать суверенитет других государств. Управление государствами осуществляли специально назначенные люди, или правители. Однако если основываться только на превосходстве национального суверенитета, то неизбежно возникновение конфликтов среди государств. Так, системы коллективной безопасности (примером которых служит Организация Объединенных Наций) возникли в том числе с целью определения действующих принципов национального суверенитета.

В последнее время на принцип неприкосновенности суверенитета накладываются ограничения, связанные с экспансией доктрины прав человека. После трагических событий в Руанде и бывшей Югославии в начале 1990-х годов предпринимались попытки так изменить принцип суверенитета, что интервенция иностранного государства оправдывалась, когда в оккупируемой стране происходили события, связанные с геноцидом или массовым нарушением прав человека. В данном случае воз-

никала доктрина «ответственности, связанной с защитой», или «гуманитарной интервенции». И в то время как страны Севера приняли новую доктрину, на Юге, где государства только недавно приобрели относительную независимость от колониальной оккупации, такое понимание вызвало разногласия. И это оправданно, ведь некоторые государства, например Палестина, действительно все еще находятся в процессе обретения независимости и борьбы с иностранной оккупацией.

Говоря об интервенциях, многие на Юге опасаются (и небезосновательно, если учесть последние примеры), что даже изначально добрые намерения могут привести к пагубным последствиям для суверенитета наций, целостности национальной территории, сохранения регионального и глобального мира и безопасности. На Юге найдется не так много сомневающихся в необходимости абсолютного уважения к национальному суверенитету страны. Тем не менее, интервенции, по мнению многих, включая и автора данной статьи, могут быть санкционированы, но лишь в том случае, если имеется достаточно подтверждений геноцида и если принимаются меры для обеспечения гарантий того, что великодержавная логика не заменит первоначальных гуманитарных целей.

Интервенции очень сильно повлияли на доверие к ООН, особенно когда Соединенные Штаты Америки, зная, что они не получают одобрения на проведение вторжения в Совете Безопасности, использовали Организацию Североатлантического Договора (НАТО) как легальное прикрытие войны. Блок НАТО, в свою очередь, играл роль «фигового листа» в войне, которая осуществлялась на 95% силами США. Несмотря на то что некоторые сторонники США считали гуманитарную цель главной в операции, они реализовывали, главным образом, геополитические намерения Вашингтона. Учитывая последствия этих войн, исследователь Эндрю Бацевич отмечал то, что

«роль НАТО ставилась под сомнение, и поэтому Соединенные Штаты претендовали на лидерство в Европе».

При администрации Клинтона подобная экспансия заполняла образовавшийся в Восточной Европе вакуум, а также делала законным превосходство США в постсоветской Европе. Как отмечал один из аналитиков, расширение НАТО, по мнению Вашингтона, позволяло зафиксировать тот внутренний переходный период, который имел место в Восточной и Центральной Европе. Перспектива членства в НАТО сама по себе оказывалась «стимулом» для стран, реализующих внутренние реформы. Согласно существовавшим прогнозам, последующая интеграция в альянс должна была зафиксировать эти институциональные реформы.

Членство в блоке влекло за собой множество шагов по организационной адаптации, таких как стандартизация военных реформ, совместное с силами НАТО планирование и обучение. Вовлекая новых членов в расширенные организации союза и участие в его операциях, НАТО оказывало на них влияние в том, что касалось возврата к прежним методам и усиления либерализации переходных правительств. Так, согласно официальному заявлению НАТО, «мы погружаем их в культуру НАТО, как политически, так и в военном отношении, поэтому они начинают думать, как мы, а через какое-то время будут и действовать, как мы».

Одним из важнейших аспектов политики экспансии НАТО было усиление военной зависимости от США государств Восточной Европы. Вся бесцеремонность, с которой либеральная администрация Клинтона оправдывала отказ от национального суверенитета, ссылаясь на «невероятную» обеспокоенность гуманитарными вопросами, в нравственном и юридическом смысле была аналогична тому арсеналу, который был использован представителями партии республиканцев в Афганистане и Ираке. Как объясняет представитель

левого крыла Филипп Боббит, действия администрации Клинтона в Косове стали «прецедентом», ограничивающим права суверенитета недемократических режимов, «включая неотъемлемое право использовать то оружие, которое может быть режимом выбрано».

В 2001 году, когда войска коалиции вторглись в Афганистан, Север страны не оказал значительного сопротивления движению армии США, рассчитывая добиться свержения правительства талибов. Вашингтон воспользовался поддержкой, оказанной США после террористических актов 11 сентября, и негативным имиджем талибского правительства, предоставлявшего пристанище Аль-Каиде, чтобы осуществить вторжение и исключить возможность переговоров с талибами. Применение в данном случае статьи 51 Устава ООН, санкционирующей в качестве самообороны ответные меры, не вызвало значительного протеста со стороны европейских государств. Однако с целью укрепления собственных позиций администрация представила свое вторжение в Афганистан как необходимый акт гуманитарной интервенции, предпринятый с целью свержения регрессивного талибского правительства. Именно это впоследствии послужило оправданием операции в Косово. Ссылаясь на подобные гуманитарные причины, государства-члены НАТО, такие как Канада, Германия и Нидерланды, также направили туда вооруженные силы.

Кампания в Косово и война в Афганистане продемонстрировали недостатки гуманитарной интервенции. В обоих случаях США руководствовались великодержавной логикой. Охота за Бен Ладеном выявила настоятельную необходимость подтверждения вооруженного присутствия США в Южной Азии и консолидации вооруженных сил, что должно было обеспечить стратегический контроль как на богатом нефтью Ближнем Востоке, так и в располагающей энергетическими ресурсами Центральной Азии.

Когда министр обороны Дональд Рамсфелд приказал ввести вооруженные войска в Афганистан, один из аналитиков описывал весь этот процесс как «некую лабораторию, которая должна была подтвердить его теорию относительно способности небольших групп сухопутных войск при поддержке воздушных сил одержать победу в решающих битвах». Таким образом, оказалось, что основной целью вторжения войск в Афганистан было подтверждение той доктрины, которой придерживались при «пауэллизме» – необходимости массового объединения войск во время проведения интервенции. Этой же доктрины администрация придерживалась впоследствии, с тем чтобы убедить скептиков поддержать стратегическую цель вторжения в Ирак.

Война в Афганистане привела к жертвам среди мирного населения, саму возможность которых, как предполагалось, она должна была устранить. Во время бомбежек США очень часто не делали различий между военными и гражданскими целями, поскольку талибы пользовались значительной поддержкой во многих районах страны. Это привело к значительным потерям среди гражданского населения. Марк Харрольд приводит число погибших гражданских лиц – от 3125 до 3620 человек с 7 октября 2001 года по 31 июля 2002 года. Исследование, проведенное миссией ООН в Афганистане, говорит о том, что в период с 2006 по 2010 год было убито 9579 мирных жителей.

Афганская кампания привела также к возникновению в стране политической и гуманитарной ситуации, оказавшейся во многих отношениях хуже той, которая была при талибах. Одной из главных функций их правительства было обеспечение гарантий безопасности. Талибы, при всей их реакционности в других областях, смогли создать в Афганистане первый безопасный политический режим за последние более чем 30 лет. А вот режим иностранной оккупации, пришедший им на сме-

ну, совершенно не справился с этой задачей. Согласно отчету, предоставленному Центром стратегических и международных исследований, «безопасности в действительности становилось все меньше и меньше с начала преобразований в декабре 2001 года, в частности летом, а также во время спада в 2003 году». Если же говорить о физической безопасности обычных людей, то ситуация была настолько плачевной, что одна треть страны оказалась вне контроля аппарата ООН, а неправительственные организации были заняты тем, что пытались вызволить людей из многих регионов страны.

Правительство Хамида Карзая, официально назначенное Вашингтоном, не могло осуществлять свои полномочия за пределами Кабула и еще одного или двух городов, что отмечал в своем заявлении тогдашний Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан, говоривший, что «без функционирования государственных учреждений, которые должны следить за удовлетворением основных потребностей населения в стране, авторитет и легитимность нового правительства будут недолговечными».

Хуже того, Афганистан стал наркогосударством. При талибах выращивание мака значительно сократилось. После их свержения в 2001 году производство мака возросло в 40 раз, под культивирование мака было выделено в 20 раз больше дополнительных земель. Многие государственные чиновники, а также представители законодательной власти Афганистана были вовлечены в торговлю героином. Среди них Ахмед Вали Карзай, глава Областного Совета Кандагара и брат Президента Карзая, один из самых известных людей страны.

Многие афганцы считали, что такая жизнь с точки зрения безопасности ничуть не лучше, чем правление талибов. Достаточно было вступить с человеком в разговор, и вы могли услышать, что он придает огромное значение освобождению трущоб от наркоторговцев и борьбе с корруп-

пированностью полиции. Правда, этот аргумент оказывался бесполезным при общении с представителями высшего и среднего классов, проживающими на севере в безопасных районах или охраняемых резиденциях.

Об изменении режима в гуманитарных целях говорилось во время вторжения США в Ирак, хотя главной причиной интервенции называлось наличие у правительства Саддама Хусейна оружия массового уничтожения. Когда факт наличия оружия массового уничтожения не подтвердился, администрация Буша задним числом оправдала свою интервенцию именно гуманитарными целями – желанием освободить страну от диктатора и привнести в страну демократические правила.

Ирак сегодня – это одно из ключевых мест с точки зрения геополитического контроля США, если иметь в виду богатые месторождения нефти на Ближнем Востоке. Это государство, субсидируемое военными силами США, а его запасы нефти и природные ресурсы используются преимущественно Западом. Невероятно ослабленной политически стране угрожают центробежные силы этнического и межконфессионального конфликта. Фундаментализм повлиял на секулярные ценности и статус женщин. В связи с разгулом преступности и террора уровень физической небезопасности чрезвычайно высок.

Что касается экономических условий, то объем производства на душу населения и условия жизни в Ираке точно оказались ниже того уровня, который был до вторжения. При этом люди живут в государстве, в котором уже давно отсутствует безопасность. 55% иракцев не имеют доступа к незараженной воде, 1 миллиону не хватает еды, рацион 6,4 миллионов зависит от общественной распределительной системы, а 18 процентов столкнулись с безработицей. Это – последствия гуманитарной интервенции США в стране, которая раньше было одной из передовых на Ближнем Востоке.

В Ливии произошло серьезное нарушение доктрины гуманитарной интервенции. Сначала события развивались практически так же, как и в Египте, казалось, что мы наблюдаем рост общественного движения, который должен был привести к свержению кровавого диктатора. Однако диктатор и верные ему вооруженные силы были подавлены военной мощью, что привело к потерям среди гражданского населения и, конечно же, нарушало права человека. Именно тогда ситуация ухудшилась, и началась гражданская война. За пределами Ливии перебежчики из числа бывших сторонников режима Каддафи смогли убедить Совет Безопасности ООН принять решение о введении зоны, запретной для полетов, на большей части территории Ливии, и это решение Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция поспешили привести в действие к негодованию Германии, Китая, России и других стран, не голосовавших за резолюцию Совета Безопасности.

Интервенция в Ливию оправдывалась не реальным, и даже не политическим геноцидом, а риторической угрозой ответных действий, которая с невероятной скоростью распространилась в средствах массовой информации. Каддафи в своей речи 11 марта призывал поддерживающих его «быть безжалостными и бороться за каждый дом» в Бенгази, после чего Барак Обама посчитал своим долгом напомнить о возможности возникновения геноцида. На самом деле, как отмечали многие комментаторы, слова Каддафи были направлены против тех, кто поднимал восстание, а не против гражданского населения. В той же речи Каддафи обещал амнистию тем, «кто бросит оружие».

После того как блок НАТО начал войну, защитники прав человека из организации «Международная амнистия» не нашли никаких подтверждений геноцида или изощренно спланированных атак, направленных против мирного населения, или использования авиации в отношении протестующих. Это

вовсе не означает, что не было случаев жестоких действий со стороны армии Каддафи, но доказательства геноцида, а также массовых и систематических нарушений прав человека, послужившие предлогом для интервенции, отсутствовали.

Во время ливийской интервенции задача смены режима быстро вытеснила ту, что приводилась в обоснование при установлении запретной для полетов зоны. При поддержке авиации силы НАТО совершали наступательные операции против правительственной армии и пехоты и ставили своей целью раскрыть предполагаемые места укрытия Каддафи в Триполи. В ходе подобных операций было убито немало людей, среди которых был и один из сыновей опального ливийского лидера. Борьба между Каддафи и повстанцами, поддерживаемыми ООН, перешла в войну с боевыми потерями. Положение в стране стало еще хуже, чем до интервенции, принимая во внимание данные о потерях среди гражданского населения, разрушенную инфраструктуру и экономические тяготы.

Можно выделить три главных недостатка современных гуманитарных интервенций. Великодержавная логика очень быстро сокрушает разумные их обоснования. Подобные интервенции зачастую ухудшают и без того плохую ситуацию. Сами по себе они представляют очень опасный прецедент, который может быть использован в будущем для оправдания насилия под эгидой национального суверенитета. Интервенция НАТО во время конфликта в Косово помогла получить обоснование для вторжения войск в Афганистан, а это, в свою очередь, помогло узаконить вторжение в Ирак и войны НАТО в Ливии.

Правительства, безусловно, должны оказывать давление на режимы, осуществляющие репрессии в отношении своих граждан. Действия, направленные на прекращение экспорта вооружения и сопутствующих средств, дающих возможность режиму подавлять своих граждан, абсолютно легитимны, так же как и экономические санкции и дипломатические усилия,

благодаря которым представляется возможным осудить и политически изолировать репрессивный режим. Но такие действия существенно отличаются от вторжения в суверенное государство или бомбардировок для поддержки тех, кто добивается свержения правительств вооруженным путем.

Военные интервенции в современном мире должны осуществляться крайне осторожно. По мнению многих высокопоставленных политиков и аналитиков, при рассмотрении вопроса о начале интервенции следует иметь в виду следующие моменты: во-первых, необходимо иметь существенные доказательства геноцида. Во-вторых, интервенция должна быть последним инструментом, используемым только после того, как уже были предприняты все попытки остановить геноцид: дипломатические шаги, запреты на экспорт вооружения, – а также после провала экономических санкций. В-третьих, Генеральная Ассамблея ООН, а не Совет Безопасности под давлением Запада, должна признать интервенцию законной. В-четвертых, военным формированиям, особенно относящимся к Соединенным Штатам Америки и НАТО, нельзя позволять участвовать в интервенции. В-пятых, целью экспедиционных соединений должно быть только одно – прекращение геноцида. Эти соединения должны быть выведены, как только ситуация стабилизируется; также они должны воздерживаться как от спонсорства со стороны третьих сторон, так и от поддержания оппозиционных сил, а также действий, направленных на «сплочение нации».

Принимая во внимание эти основополагающие положения, очень немногие гуманитарные интервенции за последние сорок лет можно считать обоснованными и законными. Очевидно, таковыми можно признать только две: вторжение Вьетнама, когда необходимо было свергнуть кровавых лидеров Красных Кхмеров в 1978 году (несмотря на отсутствие санкций ООН), а также действия групп Многонациональных

объединенных сил, которые в 1999 году положили конец геноциду, убийствам и депортациям, совершавшимся индонезийскими вооруженными силами в Восточном Тиморе. Итак, подводя итоги этой трагической одиссеи, связанной с попытками претворить в жизнь доктрины гуманитарной интервенции, мы хотели бы повторить старую пословицу, которая гласит: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

События 11 сентября 2001 года в США вызвали цепную реакцию, которая привела к затяжному военному и политическому напряжению в мире. Вступление Соединенных Штатов в многочисленные войны после этих событий привело не только к потере жизней сотен американских военнослужащих, но и глубоко негативно сказалось на репутации страны. Не случайно даже бывший министр обороны США Роберт Гейтс в своей речи перед курсантами военного училища настаивал на том, что «в будущем любому министру обороны, который станет советовать президенту вновь направить крупные наземные силы США в Азию, на Ближний Восток или в Африку, необходимо как следует «проверить свою голову», как это в свое время рекомендовал генерал Макартур».

Политика смерти на Ближнем Востоке

Глубокие социальные изменения сотрясают Ближний Восток. Их проявления – революции, гражданские войны, региональные волнения и конфликты – выходят за границы региона. Можно видеть распад и подъем почти одинаковых режимов. Новые игроки обманом заняли более выгодные позиции и сменили старых игроков, и новая «большая игра» вот-вот начнется. Так называемая «Арабская весна» быстрыми темпами превратилась в фактор, меняющий правила игры в регионе, который ранее казался устойчивым к любого рода переменам.

Перемены на Ближнем Востоке, подчас вселяющие надежды, в иной раз изобилующие насилием, пришлось на то время, когда США проводили вынужденную корректировку своих военных приоритетов. Повышенное внимание к Тихоокеанскому региону и Южно-Китайскому морю – тому пример. США были вынуждены вновь заняться Ближним Востоком, когда стала очевидна их слабость и недостаток влияния в регионе. Вероятно, в описании политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке будет уместен термин «банкрот». Ошибочные американские военные авантюры опустошили регион, притом что долгосрочные цели Вашингтона так и не были достигнуты. Безрассудная политика, основанная на попытках использовать силу, вместо того чтобы понять Ближний Восток и его сложный политический и исторический порядок, и упорство в сохранении Израиля в качестве своего главного союзника в регионе в условиях быстро меняющейся политической ситуации, вряд ли сулят что-либо хорошее США.

Сколько египтян было убито с момента январского восстания 2011 года? Мои поиски точных цифр оказались тщетными. Различные источники приводят самые разные данные, некоторые из них явно подтасовываются ради определенных политических целей. Создается впечатление, что жизнь простого египтянина ничего не значит сама по себе как безусловная ценность, которую необходимо защищать, независимо от каких-либо политических соображений. Но количество погибших, безусловно, исчисляется тысячами, а изувеченных и раненых людей и того больше. Только 14 августа – в один из самых кровавых дней в современной истории Египта – сотни людей были убиты, а тысячи ранены при подавлении силами безопасности антиправительственных протестов в районе Рабия аль-Адавия и площади Ан-Нахда, не считая других районов Каира и остальной части страны.

Это была бойня с любой точки зрения. Об этом говорят снимки, видеозаписи, истории и разрушенные надежды. Но не менее ужасным стал тот факт, что не все согласились с тем, что убийство сотен протестующих было аморально, так как идет вразрез с общепринятыми человеческими ценностями. Даже столь драматические моменты не смогли заставить большинство людей забыть хоть на короткий миг о своей идеологии, религиозных предпочтениях, межконфессиональных связях или политических взглядах, забыть хотя бы на миг, с тем чтобы просто оплакать драгоценные жизни, оборвавшиеся раньше срока.

Зачем было убивать 38 политических заключенных – сторонников движения «Братья-мусульмане» – во время их транспортировки в тюрьму Абу Заабаль на севере Египта 18 августа? Чего удалось достигнуть, убив 25 солдат египетской армии в северной части Синайского полуострова на следующее утро? Британское издание *Guardian* написало 19 сентября, что «более 800 человек, в основном сторонников «Братьев-мусульман», было убито на прошлой неделе в результате применения силы, ставшего самым кровопролитным с момента свержения президента Мохамеда Мурси в начале июля». Неужели жизнь простых египтян настолько дешева,

что они используются в качестве политической разменной монеты ради нескольких эффектных строк в средствах массовой информации? Что происходит в Египте? Как может очевидный порок стать добродетелью за каких-то два года? И как могут те, кто оплакивал Халеда Саида, забитого до смерти сотрудниками египетской полиции в июне 2010 года, оправдывать обескураживающую жестокость убийств и ранений тысяч «Халедов Саидов» в августе 2013-го?

Кажется, что существует определенное пороговое число жертв, после которого трагедия кажется «менее трагичной». Согласно данным Палестинского центра по правам человека, 1417 палестинцев были убиты во время израильской войны в Газе в 2008–2009 годах, из которых 926 были мирными жителями, из них 313 детей. Израильская правозащитная организация «Бецелем» приводила меньшую цифру – 1385, но по ее оценкам, детей и подростков было убито больше – 318 человек. Несмотря на возмущение действиями Израиля, после этих событий много палестинцев было убито столь же безнаказанно, правда, их число не столь велико. И с каждым новым смертельным случаем возмущение становится чуть меньше, как меньше становится призывов к международным действиям.

Когда 20 августа в Дженине израильскими военными был убит 22-летний Мохаммад Анис Лахлу, эта история не вызвала много шума даже в местных палестинских средствах массовой информации. Об этом было сказано буквально несколько слов. Сколько таких Мохаммадов было убито в тот самый день в Сирии, в Ираке, на всем Ближнем Востоке? Спустя месяцы, если не годы после американского вторжения в Афганистан и Ирак практически ничего не сообщалось о том, сколько мирных жителей было убито войсками США и их союзников. На самом деле мы этого никогда не узнаем, так как все данные были чрезвычайно приблизительными, основывающимися часто на газетных заметках и тому подобном. Это возмутительно, но такое возмущение с течением времени становится менее шокирующим.

В Афганистане до сих пор не представляется возможным даже сузить диапазон цифр с какой-либо приемлемой точностью просто потому, что потери убитыми были слишком большими, а времени и ресурсов, выделявшихся на то, чтобы определить, сколько именно человек погибло, было слишком мало. И, конечно же, те, кто предоставляет информацию для американских СМИ, делают все возможное и невозможное для подсчета жертв террористов, но почти ничего для того, чтобы подсчитать жертв войн, которые ведет правительство США. По оценкам газеты Los Angeles Times, в период с октября 2001 года по февраль 2002 года число убитых мирных жителей составило 1 201 человек (сообщение от 2 июня 2002 года). Британское издание опубликовало информацию о том, что жертвами первоначального воздушного удара и сухопутного вторжения США стали почти 20 000 афганцев (публикация от 20 мая 2002 года).

Что касается Ирака, то независимый интернет-сайт iCasualties.org, специально созданный в мае 2003 года для подсчета жертв, не утруждал себя подсчетом потерь среди гражданского населения в течение почти двух лет. Затем он стал называться «Потери коалиции в Ираке» (Iraq Coalition Casualty Count), и до настоящего времени в центре его внимания вовсе не сотни тысяч смертей, ответственность за которые лежит на этой самой военной коалиции. Согласно данным, опубликованным сайтом Iraq Body Count, на дату написания настоящей статьи число убитых среди гражданского населения составило от 114 164 до 125 081 человек, и «дальнейший анализ полевых отчетов о военных действиях в Ираке «Iraq War Logs», опубликованных сайтом «WikiLeaks», может увеличить эту цифру еще на 11 000».

Конечно, реальные цифры еще выше, и намного. Они продолжают увеличиваться, так как Соединенные Штаты Америки создали соответствующую политическую атмосферу, заложив основу для затяжного конфликта. 1 августа миссия ООН в Багдаде опубликовала новые данные о количестве убитых и раненых: среди гражданского населения, по меньшей

мере, 4 137 человек было убито и 9 865 человек – ранено в этом году, а по сообщениям ВВС, 1 057 иракцев было убито только в одном июле. После этого были убиты сотни других.

Гражданская война в Сирии сделала более чем достаточно, для того чтобы также обесценить человеческую жизнь. Эксперты ООН и других групп считают, что количество погибших в результате жестоких боев достигло почти 100 000 человек. Клочок земли, на котором мертвые тела сложены одно на другом, стал основной новостью, показанной всеми средствами массовой информации. Обвинения в применении химического оружия категорически отвергала каждая из враждующих сторон. Но до сих пор нет единого мнения касательно того, является ли предосудительным действием убийство одной семьи в какой-нибудь мирной деревне. Очевидно что, независимо от религиозных, сектантских или политических взглядов жертв, подобное деяние должно безусловно осуждаться.

Правда состоит в том, что человеческая жизнь никогда не была неприкосновенной на Ближнем Востоке, где диктаторы правили железной рукой, а военные действия с участием израильских и американских войск ведутся с почти предсказуемой регулярностью. Но последние войны и восстания обесценили человеческую жизнь еще больше, так что некоторые веселятся, видя страдания других на кадрах, размещенных на YouTube и в социальных сетях, сопровождаемых обыденными комментариями, улыбками, а зачастую просто абсолютным равнодушием.

Времена года сменяют друг друга, а в арабских странах не прекращается смута. Ее называют «Арабской весной», но даже если такая «весна» когда-то и существовала в том виде, в котором ее представляли средства массовой информации, то продолжалась она недолго. Сейчас она трансформировалась в нечто гораздо более запутанное. Но она также не переросла в «Исламскую зиму», зловещий термин, который предпочитают использовать израильские политики и аналитики. Исламский характер арабских восстаний, ряд которых перешел в кровопролитные гражданские и региональные войны, должен был быть очевиден с самого начала любому, кто хочет

понять политическую реальность, а не только ее полезность в качестве инструмента пропаганды. Ислам был и всегда будет составной частью формирования коллективного отличительного признака арабских стран. Политический ислам пришел в самое сердце непрекращающегося противостояния и был проявлением вековой борьбы, в которой ислам являлся платформой политических представлений, управления и судебной практики, которые противостояли многим импортированным и западным тенденциям.

На протяжении многих лет между исламскими и арабскими правящими классами не было успешного союза – успешно-го в том смысле, чтобы способствовать прогрессу, соблюдению прав и процветанию всех его участников. Исламисты были либо ассимилированы, либо вовлечены в конфликты. Жестокость последствий этих конфликтов варьировалась в зависимости от того, насколько умны были арабские правители в своем правлении. В Иордании вялое несогласие всегда существовало между исламскими оппозиционными партиями и правящим классом. Оно проявлялось в частичном включении исламских сил в парламент, не имеющий большого авторитета, и случайных стычках или незначительных политических кризисах.

Однако не все неудачные эксперименты оставались без серьезных последствий. В Алжире попытка уладить разногласия закончилась катастрофой. Начавшаяся в 1991 году гражданская война в Алжире длилась более десяти лет и забрала жизни 200 000 человек. Ничто не предвещало столь кровавых последствий, так как все начиналось с многообещающего события – выборов. Правящий Фронт национального освобождения (ФНО) отменил выборы после первого тура, боясь гарантированного, как казалось, поражения от Исламского фронта спасения (ИФС). Надежда обернулась вторым самым страшным алжирским кошмаром после еще более кровопролитной борьбы за освобождение от колониального господства Франции.

Для полной катастрофы имелись все составляющие. Была сильная армия, управляющая страной через обогатившуюся правящую партию, ободренная политическая оппози-

ция, которая должна была получить политическую власть с помощью избирательных урн, и крайне раздраженное своим бессилием население, желавшее избавиться от навязчивых лозунгов и экономического бесправия. В дополнение имелась радикально настроенная молодежь, которая серьезно сомневалась, прежде всего, в искренности правящего класса. Отмена выборов стала последней каплей, и кровопролитие оказалось единственным общим знаменателем. Даже сегодня Алжир по-прежнему страдает от последствий того самого конфликта, находясь в политическом бездействии без стратегического плана движения куда-либо.

Сходство алжирских и египетских событий просто поразительно. 25 января 2011 года египтяне восстали в надежде наконец-то разбить удушающие объятия правящей элиты – Национальной демократической партии с примкнувшим к ней предпринимательским классом и армией, которая управляла своей собственной громоздкой экономикой внутри большой, измученной египетской экономики. Но революция могла бы быть ориентирована на больший региональный и международный уровень, а не на тех, кто пособничал режиму Хосни Мубарака и его громоздкому коррумпированному силовому аппарату. На самом деле, без развитой сети жертвователей с Соединенными Штатами во главе, Мубараку ни за что бы не удалось сохранять свою власть на протяжении более тридцати лет. Между тем, египтянам не хватало времени или ресурсов на то, чтобы развивать свою внешнюю политику, так как их революция столкнулась со слишком многими препятствиями и решительными попытками саботажа.

С одной стороны, армия все еще оставалась у власти, хотя и позиционировала себя в качестве хранителя нации и революции, прибегнув к помощи все тех же старых коррумпированных СМИ. С другой стороны, в стране никогда не существовало универсальной структуры, которая бы позволила египтянам преобразовать свои коллективные чаяния во что-нибудь материальное.

Единственным доступным вариантом являлись выборы и референдумы, на которых каждый раз, честно и демократическим путем, побеждали исламские партии. Возможно, выборы были справедливыми и прозрачными, но их результаты позволяли режиму Мубарака снова всплывать на поверхность. Используя свою никогда не изменявшуюся инфраструктуру, коррумпированные СМИ, принадлежащие влиятельным предпринимателям, и имея армию, играющую двойную роль, старый режим умудрился повернуть революцию против нее самой. Протесты 30 июня 2013 года были умело преподнесены как призывы скорректировать неправильный курс, взятый после событий 25 января 2011 года. При странном стечении обстоятельств миллионы протестовавших против режима Мубарака восстали против выбранного демократическим путем Мохаммеда Мурси, объединившись с теми самыми политическими силами, которые в течение многих лет разрушали страну, призвав на помощь ту же армию, и встав на сторону головорезов, терроризировавших протестующих всего каких-то два с половиной года назад.

Египет сделал первые шаги в направлении к тому, чтобы стать еще одним Алжиром во время гражданской войны. Понимают ли полностью руководители переворота все отдаленные последствия того, что они совершают?

Одним из самых серьезных на Ближнем Востоке является палестино-израильский конфликт. Подчас, концентрируя внимание на противостоянии между израильтянами и арабами, мы склонны пренебрегать тем, что происходит в самом палестинском обществе. Расстояние между Газой и Рамаллой, двумя столицами Палестинской автономии, если брать в милях, не слишком значительное. Но в действительности эти два города представляют собой две разные политические реальности, с неизбежными культурными и социально-экономическими различиями.

Их геополитические горизонты сильно отличаются друг от друга: Газа находится в непосредственном арабском окружении и в вихре арабских бурь, тогда как Рамалла в

большей степени подверглась влиянию Запада в самых разных аспектах своей жизни. В последние годы этот разрыв увеличился еще больше.

Конечно, Газа и Рамалла никогда не были похожи друг на друга. Демография, размер, топография и географическая близость к арабским странам с различными политическими приоритетами всегда делали разными и самобытными эти два города. Израильская оккупация Восточного Иерусалима, Западного берега и Газы в 1967 году в значительной степени лишила Рамаллу ее иорданской составляющей, а Газу – ее египетской политической среды. Хотя оба города являются палестинскими, десятилетия разрыва коллективных арабских связей отдалили их друг от друга настолько, что временами казалось, что это расстояние они не смогут преодолеть никогда. Однако израильская оккупация оживила палестинский дух совместной борьбы против общего врага. Несмотря на свои многочисленные промахи, Организация освобождения Палестины (ООП), в конце концов, сумела ликвидировать проблему лидерства, таким образом сомкнув ряды палестинцев в Рамалле и Газе.

Хроническая коррупция и сомнительная демократичность не помешали ООП объединить палестинцев вокруг определенного набора политических идеалов и «констант». На протяжении многих лет ООП помогала сохранять уникальный палестинский политический дискурс, изобилующий революционными идеями, глобальный с точки зрения масштаба, но все-таки исключительно палестинский по своим методам и подходам. Это действительно было время, когда палестинский учитель в Кувейте разделял те же идеалы, что и беженец из Ливана, студент в России и рабочий в Газе – таково было воздействие ООП и на палестинскую диаспору за рубежом.

Те времена давно прошли, и многие факторы способствовали краху коллективного палестинского дискурса. Региональные и политические события вели к разобщению ООП и возникновению «культуры Осло» под патронажем Соединенных Штатов и других западных правительств. Нельзя сказать,

что уступки палестинского руководства, на которые оно пошло в сентябре 1993 года, стали полной неожиданностью, но скорость и направление такого отхода от прежних идеалов были настолько громадными и болезненными, что их можно сравнить с предыдущими арабскими военными поражениями. Проигранное сражение часто оборачивается полной сменой контроля над территорией, но Осло стал признанием поражения и принятием, если не приветствием, всех его результатов. Психологический проигрыш – страшнее поражения на поле боя.

Иногда явно, а иной раз подспудно, но связи, которые объединяли палестинское общество на протяжении поколений, стали ослабевать. На смену ООП довольно быстро пришла ее региональная копия – крайне фракционная Палестинская администрация. Фракции, не вошедшие в ООП, стали наращивать свою численность и влияние в попытке заполнить образовавшийся разрыв. И все же группы, подобные ХАМАС, оказались не готовы к внезапному подъему. Хотя они являли собой воплощение сопротивления, противопоставляя себя капитулировавшей Палестинской автономии, им не хватало хорошо проработанного политического дискурса и объединяющего языка. Они обращались к исламскому миру, которого в действительности не существует в качестве политической силы, и, в конце концов, почти полностью положились на несколько арабских государств, имеющих распылчатую, но, безусловно, небескорыстную программу.

Сейчас уже и не скажешь, что общего у Газы и Рамаллы на данный момент. Очевидно, что языки, на которых говорят оба города, совершенно разные, стоящие перед ними проблемы тоже разные, а политические ожидания разошлись уже давно. Все это более опасно, чем плохое руководство, так как может привести к потере национального дискурса или, что еще хуже, распаду национальной идентичности.

Конечно, многих палестинцев в разных уголках света по-прежнему волнует судьба Палестины, но волнуются они по-разному, или, точнее, они уже не выступают за «палестинское дело», сплоченные вокруг общих целей, появившихся на осно-

ве общих идеалов. Возможно, именно в этом заключается одна из причин, почему движение «Бойкот, изъятие инвестиций, санкции» (BDS) выросло в последние годы в нечто большее, чем просто деятельность групп активистов, призывающих к бойкоту израильских товаров и т. п. Существует очевидная нехватка альтернатив. Осло не только разделило палестинцев на маленькие политические звенья. Осло также сбilo с толку и разъединило их сторонников.

Когда прежний палестинский лидер Ясер Арафат подписывал соглашения в Осло двадцать лет назад, дебаты велись вокруг идей и проблем, которые актуальны по сей день: переговоры о мире на фоне роста незаконных поселений и под военной оккупацией, отсутствие у Арафата морального и политического мандата на отказ от исторических прав целого народа, искренность Израиля и стремление американцев поддерживать Израиль при любых обстоятельствах, и т. д. Но есть и иные опасности, которые вряд ли надолго переживут участников сговора в Осло.

Должен быть задан важный и трудный вопрос, ответ на который нужно найти без излишних эмоций и дальнейшего разделения. Как долго палестинский народ сможет сохранять чувство национального единства в условиях политического трайбализма, географического разделения, раздробленности, безжалостно поляризующих дискурсы СМИ, политической независимости от стран-доноров и государств Персидского залива, социальной изоляции Палестины на фоне арабских волнений и гражданских войн и т. д.? Смогут ли палестинцы сохранить свою идентичность, основываясь только на разделяемом всеми чувстве справедливости, вызванном израильской оккупацией, апартеидом и дискриминацией?

Палестина – это не просто флаг и гимн. Палестинцев объединяют не только фракционные связи, политические симпатии или ненависть к израильским солдатам и контрольно-пропускным пунктам. Политическое руководство и в Рамалле, и в Газе не может определять или представлять настоящую палестинскую идентичность, которая перекрывает время и

пространство. Дробление палестинской идентичности не прекратится, а, наоборот, усилится, если третий путь развития, рожденный из коллективного стремления палестинцев, не будет представлен палестинскому обществу и не начнет отстаиваться с непоколебимой решимостью. Этот третий путь не может быть элитарным, и он должен быть рожден на улицах Газы и Рамаллы, а не в научных статьях или на пресс-конференциях. Только тогда Газа и Рамалла смогут вновь обрести свои исторические связи.

Новый правитель Египта, генерал Абдул Фатах ас-Сиси, возможно, не понимает, что связь между Египтом, Палестиной и, особенно, Газой, просто не может быть разорвана государственной границей, хотя эта граница и причинила огромные страдания многим палестинцам. Газа подверглась «коллективному наказанию» и сейчас испытывает экономические трудности и жестокую нехватку топлива в результате уничтожения египетской армией подземных тоннелей. В этом нет ничего неожиданного. В действительности, такое «коллективное наказание» определяло отношение Газы к Израилю на протяжении последних 65 лет. Следующие одна за другой осады и войны оставили на теле Газы глубокие шрамы, но сделали ее народ сильным, выносливым и изобретательным.

Что делает затяжную израильскую осаду, по-настоящему начавшуюся в 2007 году, особенно болезненной, так это то, что она ведется с помощью Египта, страны, которую палестинцы всегда считали «матерью» всех арабских наций и которая, задолго до подписания Кэмп-Дэвидского соглашения в 1978–1979 годах, выступала борцом за правое дело, особенно дело Палестины. Видеть матерей Газы на пограничном переходе Рафах, молящих о спасении своих умирающих детей, и тысячи людей, втискиваемых в крошечные помещения в надежде получить разрешение вернуться в свои университеты, на свои рабочие места и в больницы – это то, что старшие поколения не могли себе даже вообразить.

То, что безопасность Израиля стала первостепенной задачей египетской арабской армии, а осажденные палестинцы

оказались под прицелом в качестве врагов под барабанную дробь обвинений со стороны СМИ и официальных органов, представляется наиболее обескураживающим и ошеломляющим. Подобная антиисторическая аномалия не может длиться долго. Связь просто слишком прочна, чтобы разорваться. Более того, то, что палестинцев заставляют идти на поклон к правителю Египта и наказывают их, если они не будут этого делать, является вопиющей несправедливостью, как и многое другое, творимое Израилем на оккупированных территориях.

Я родился и вырос в Газе, где, как и все мое поколение, воспитывался на историях о героях палестинцах, которые боролись бок о бок с египтянами, тогда как многие арабские страны отвернулись от нас или вступили в сговор с британскими и израильскими властями. Когда воины из моей деревни Бейт Дарас мужественно сражались против огромного количества хорошо вооруженных бойцов Хаганы, которые позднее стали основой армии Израиля, именно египтяне первыми пришли к ним на помощь. Египетские силы были плохо снаряжены и не имели четкого мандата (в то время Египет находился под властью короля, действиями которого руководило британское правительство), но это не сказалось на их борьбе. «Египтяне сражались, как львы», – говорил мой дед. Они добрались до окрестностей Бейт Дараса в конце мая и еще раз – в начале июля 1948 года. К тому времени деревня была в руках сионистских группировок, продвигавшихся вперед при поддержке британцев. Но кровь египтян и палестинцев соединилась в вечный союз братства и сплоченности.

В действительности египетский рассказ о падении Бейт Дараса был написан не кем иным, как Гамалем Абдель-Насером, бывшим в то время офицером египетской армии, а позднее – президентом Египта. Насер пересек Синайский полуостров и добрался до Газы на поезде для того, чтобы защищать Палестину или то, что от нее осталось. Он остановился в Фалудже, деревне, расположенной в северной части Газы. Не один раз его подразделение пыталось взять обратно высоты близ Бейт Дараса. Им это не удалось. Позже выяс-

нилось, что многие части египетской армии были укомплектованы намеренно поврежденным оружием. Новость вызвала возмущение в армии, но не смогла деморализовать Насера и небольшую группу египетских солдат, которые продержались в окружении в Фалудже несколько недель. Их сопротивление стало легендой.

Палестинцы, особенно жившие в Газе, считали Насера освободителем, который был искренне заинтересован в том, чтобы освободить их от страданий и нищеты. А как иначе? Он был тем самым человеком, которого, вместе с его товарищами офицерами и солдатами, они провожали, когда они через Газу возвращались в Египет после сражения в Фалудже. Когда офицеры скрестили свое оружие, это стало редким моментом гордости и надежды, и огромные толпы беженцев заполнили улицы, чтобы поприветствовать их, скандируя слово «свобода». Мой отец, в то время маленький мальчик, побежал вслед за грузовиками. Он утверждал, что видел в тот день Нассера, а может быть, он просто хотел верить в это. Но позже, через несколько лет, мальчик получил личное письмо от Насера, когда после триумфа революции 1952 года тот стал Президентом Арабской республики Египет. Насер, так или иначе, оказался добрее к палестинцам, чем другие арабские правители. Беженцы его боготворили. Они помещали в рамку его фотографию в военной форме на фоне их палаток и глинобитных домов. Они возлагали свои надежды на человека, который хоть и не сумел освободить их, но много сделал для того, чтобы улучшить их жизнь.

Но это было только начало того, что впоследствии станет связью на всю жизнь. Совместная битва против Израиля, последовавшая за ней политическая интеграция – так как Сектор Газа находился под контролем Египта с 1948 по 1967 год, прерывавшимся непродолжительной израильской оккупацией и несостоявшейся войной в 1956 году, – Газа и Египет делили не просто одну границу, а историю. В Газе нет ни одного палестинца, у которого бы не было собственного взгляда на Египет, часто – положительного.

Несмотря на все, что режим Хосни Мубарака сделал, для того чтобы сохранить свои связи с Вашингтоном и угодить Израилю за счет палестинцев, и несмотря на то, что предпринимает генерал аль-Сиси, для того чтобы вернуть доверие Вашингтона, от истории убежать нельзя – истории народов, которых объединяет кровь и слезы. Медиа-клоуны могут распространять слухи, а армейские генералы могут применить много способов для того, чтобы унижить и изолировать Газу, но Газа не встанет на колени, так же как и палестинцы никогда не перестанут считать египтян своими братьями.

Тунис, небольшая страна, вдохновившая мир в декабре 2010 года, движется схожим с Египтом путем. Громкое политическое убийство главы националистической партии Мохамеда Брахми было совершено после произошедшего ранее убийства другого видного политика Шукри Бельида. Тунис остается разделенным на тех, кто хочет свергнуть правительство, и тех, кто отстаивает свое демократическое право на управление. Нет никаких сомнений в том, что существуют определенные силы, которые стараются столкнуть Тунис в бездну, преподносимую как борьба исламистов против противников всякой религии.

Сирия стала самым кровавым примером из всех. В сирийской гражданской войне ставки очень быстро выросли, и война приняла характер опасного межрелигиозного конфликта, последствия которого будут ощущаться еще очень долго.

В регионе развивается и еще один политический кризис. Обескураживающая реальность не позволяет представить такой сценарий, при котором Йемен сможет избежать полномасштабного конфликта или гражданской войны. Правда, есть еще много возможностей для того, чтобы предотвратить такое мрачное будущее: к примеру, предпринять искренние попытки примирения и решительные шаги к построению демократии. Необходимо бросить непреклонный вызов продолжающейся необъявленной войне, которую США ведут в этой доведенной до нищеты стране.

Увы, ни одна из партий господствующего в Йемене политического порядка не имеет влияния, желания или морального авторитета, чтобы возглавить жизненно необходимые преобразования. Речь, конечно же, идет не о пути, предложенном Советом сотрудничества государств Персидского залива, а, скорее, о внутреннем политическом процессе изменения. О том, что соответствовало бы собственно йеменским приоритетам в области политики, безопасности и экономики, а не стратегическим интересам «Друзей Йемена», поддерживаемым Соединенными Штатами Америки.

Сейчас спорят о том, уместны ли сравнения происходящего в Йемене с деструктивным политическим восстанием в Египте или с разворачивающимся кризисом в Тунисе. Но на самом деле опасная ситуация, сложившаяся в Йемене, является куда более сложной. Она непосредственно затрагивает слишком многих «игроков».

За период с 27 июля по 9 августа в Йемене 34 человека были убиты в результате атак американских беспилотников. Правительство США автоматически относит их к уничтоженным террористами Аль-Каиды, даже в случае подтверждения наличия гражданских лиц среди убитых и раненых. Большинство СМИ при освещении подобных событий описывают жертв как «подозреваемых боевиков». Но международные правозащитные группы и йеменские общественные организации, не считая разгневанных жителей Йемена, настаивают на точном определении количества жертв среди мирных жителей. Все население Йемена пребывает в постоянной панике из-за гудения металлических чудовищ, применяемых при полном игнорировании норм международного права и презрении к суверенитету государства.

На данном этапе трудно говорить о суверенитете и территориальном единстве Йемена. В то время как 40% населения страны испытывает постоянный недостаток продовольствия, а еще большее количество существует на грани этого, международная политика страны давно стала заложницей чьих-то прихотей. Центральное правительство не пользуется доверием

населения, будучи коррумпированным и некомпетентным, позволяя негосударственным игрокам захватить контроль и заполнить собой вакуум, существующий в экономике и сфере безопасности.

До Йеменской революции в январе 2011 года США являлись наиболее влиятельной внешней силой, определявшей состав и манипулировавшей центральным правительством Йемена. Цель Вашингтона была ясна и заключалась в том, чтобы вести на территории Йемена свою так называемую войну против террора, не отвлекаясь на такие раздражающие факторы, как международное право или даже устные возражения из Саны. Ныне свергнутый президент Али Абдалла Салех, правление которого на протяжении тридцати лет стало притчей во языцех с точки зрения коррумпированности и «семейственности», был связан обязательствами. Он тоже вел свои персональные войны и нуждался в согласии США для поддержания своего семейного аппарата власти.

Всего за несколько недель до начала революции бывшая в то время Госсекретарем США Хилари Клинтон посетила Сану. Она постаралась «убедить» президента Салеха не оказывать давление на парламент: Салех намеревался снять ограничение на срок своего президентства, так как трех десятилетий правления было для него просто недостаточно. Целью миссии Клинтон являлось расширение контр-террористической кампании в Йемене. Эта кровавая кампания США, в которой принимали участие Пентагон и ЦРУ, мало освещалась в СМИ.

Одна из причин, почему эта война никогда не была классифицирована как реальная, заключается в том, что она проводилась под политическим прикрытием самого йеменского правительства и преподносилась в качестве военного сотрудничества между двумя суверенными правительствами против общего врага — Аль-Каиды. Но реальность была абсолютно другой. Большая часть усилий йеменского правительства, направленных, как считалось, против Аль-Каиды, на самом деле имела своей целью подавить революционные силы и политическую оппозицию, которые, собравшись вместе, могли

мобилизовать миллионы сочувствовавших, требовавших свободы и прекращения диктатуры. Какова вероятность, что США не знали об этом хорошо освещавшемся факте?

В действительности, расширение Аль-Каиды в период революции было беспрецедентным, но произошло не в результате самой революции. Президент Салех принял стратегическое решение оставить большие территории страны незащищенными, допустив экспансию этой организации. В течение нескольких месяцев Аль-Каида мобилизовала силы и оккупировала большие области в южных провинциях страны. Это было сделано для укрепления официальной версии правительства о том, что революция являлась, по сути, актом терроризма, а значит, подавление революции было, в той или иной степени, частью йеменской и американской «войны против террора». Несмотря на массовые расправы, революция продолжалась, но стратегия Салеха позволила усилить военное участие США.

Интересы США в Йемене, в отличие от интересов в Египте, заключались не просто в покупке за определенную сумму лояльности и поддержании дружеских отношений с армией. Речь шла о контроле и возможности реализовать любую военную стратегию, которую Вашингтон сочтет нужной. Но, в отличие от Афганистана, Йемен – не оккупированная страна, по крайней мере технически. Поэтому в стратегии США в отношении Йемена необходимо было соблюдать баланс между военной решимостью и политической осмотрительностью. Это объясняет ведущую роль, которую США играли в переговорах по безопасному для центрального правительства, армии и правящей партии (за исключением самого Салеха) способу избежать непреклонных требований революционных сил страны. В определенной степени США удалось добиться этого.

Частично достигнутый успех можно отнести на счет существующей в Йемене политической и территориальной раздробленности. В условиях, когда шиитское сопротивление Хаутис контролирует обширные области на севере Йемена, сепаратистское движение Аль-Харакат господствует на юге страны. При наличии военного проникновения в страну и

политической оппозиции, которая постоянно не поспевает за намного более организованными и прогрессивными выступлениями йеменских улиц, йеменское общество в гораздо большей степени подвергается внешнему давлению и манипулированию. Йеменская революция в действительности никогда таковой не считалась и рассматривалась, скорее, как кризис, которым необходимо управлять.

Инициатива передачи власти при посредничестве Совета сотрудничества государств Персидского залива должна была стать «дорожной картой» для выхода из кризиса. Однако она всего лишь заменила Али Абдалла Салеха на Абд Раббо Мансур Хади, и определила этапы проведения Конференции по национальному диалогу, начавшейся 18 марта. До тех пор процесс преобразований поддерживался «Друзьями Йемена», для того чтобы обеспечить проведение выборов, запланированных на 2014 год, при покровительстве и с благословения тех, кто имеет явные интересы в настоящем и будущем Йемена. Здесь едва ли поможет единая йеменская оппозиция, которая на деле таковой не является. Углубляются разногласия между Коалицией оппозиционных групп (Joint Meeting Parties). Пример тому был публично продемонстрирован после военного переворота в Египте 3 июля. В то время как сторонники партии Ислах, считавшейся союзником Братьев-Мусульман, протестовали против переворота, другие члены коалиции и движения Хаутис приветствовали новость о произошедшем перевороте стрельбой в воздух и народными празднованиями.

У революции в ее стремлении к фундаментальному повороту в направлении демократии еще остается возможность привести к каким-либо ощутимым результатам: народный настрой, отличный от настроения президента Хади и оппозиции, вряд ли позволит принять бездумные решения. В Йемене продолжается политическая интервенция и война беспилотников, а боевики восстанавливают свои силы. Все это усиливает растущее недовольство и антиамериканские настроения. Разрыв между революционными ожиданиями и более чем ограниченными реформами приведет к тому, что в Йемене, скорее всего,

начнется новое сражение, последствия которого будут слишком серьезны для того, чтобы кто-то сумел взять под контроль все политические преобразования.

США и Великобритания совместно уничтожили современный Ирак, и никакое раскаяние или извинение – хотя начнем с того, что ничего подобного предложено не было, – не изменят этого факта. Бывшие колониальные хозяева Ирака и его новые хозяева не имели никаких юридических или моральных оснований для оккупации опустошенной санкциями страны. Им также недоставало милосердия, когда они уничтожили целое поколение и подготовили почву для будущего конфликта, который обещает быть не менее кровавым, чем предыдущий.

Великобритания положила начало современной трагедии Ирака, начав осаду Багдада в 1917 году, и необдуманную реорганизацию страны с целью подогнать ее под колониальные нужды и экономические интересы Лондона. Кто-то может не согласиться с тем, что столь давний и беспрецедентный хаос, созданный британскими захватчиками, продолжает наносить вред, проявляясь самым разным способом – в распространении сектантства, политическом насилии и междоусобицах на границе между Ираком и его соседями – до сегодняшнего дня.

Но, конечно, США сегодня принадлежит заслуга поворачивания вспять всего того, что было сделано иракским народом для приобретения независимости. Именно Госсекретарь США Джеймс Бейкер, по имеющимся сведениям, пригрозил министру иностранных дел Ирака Тарику Азизу на встрече в Женеве в 1991 году, сказав, что США уничтожат Ирак и «вернут его в каменный век». Война США, которая длилась с 1990 по 2011 год, включала изнурительную блокаду и закончилась жестоким вторжением. Это было столь же безнравственно, сколь и жестоко. Война не только принесла огромное количество человеческих жертв, она явилась следствием страшной политической стратегии, нацеленной на использование действующих в стране фанатиков и прочих проблем, таким образом разжигая

гражданскую войну и межрелигиозную вражду, от которых Ирак вряд ли сможет избавиться еще на протяжении многих лет.

Для американцев это была просто стратегия, целью которой было уменьшить давление на их собственных солдат и солдат союзников, так как они столкнулись с упорным сопротивлением с того самого момента, как ступили на иракскую землю. Но для иракцев это обернулось жутким кошмаром, который нельзя выразить ни словами, ни цифрами. Цифр, конечно, просто не хватает. По оценкам ООН, процитированным ВВС, с мая по июнь 2006 года «в среднем в Ираке убивали более 100 мирных жителей ежедневно». Согласно осторожным оценкам ООН, общее число убитых среди гражданского населения в 2006 году составило 34 000. Именно в этом году стратегия США «разделяй и властвуй» оказалась особенно успешной.

Когда последняя боевая бригада США, по сообщениям, покинула Ирак в декабре 2011 года, Ирак просто вступил в новую фазу конфликта, неотъемлемой частью которого остаются США и Великобритания. Историки хорошо знают, что конфликты не заканчиваются с президентским указом или вводом войск.

Одной из реалий жизни после вторжения и войны является то, что Ирак был разделен на зоны влияния, основываясь на исключительно сектантской и этнической принадлежности. Согласно принятой в западных СМИ классификации победителей и побежденных, сунниты, обвиняемые в том, что к ним был благосклонен бывший президент Ирака Саддам Хусейн, оказались самыми большими неудачниками среди проигравших. Новая политическая элита Ирака состояла из шиитов и курдов (у каждой партии имеется своя собственная частная армия, одни собираются в Багдаде, а другие – в автономной районе Курдистана), и различные военизированные группировки считали шиитское население ответственным за неудачи суннитов.

Война между шиитами и суннитами в Ираке, унесшая десятки тысяч жизней, возобновляется. Иракские сунниты, включая крупнейшие племена и политические партии, требуют равноправия и возвращения им гражданских прав при относи-

тельно новой ассиметричной политической системе Ирака под руководством премьер-министра Нури аль-Малики. Массовые протесты и непрекращающиеся забастовки были организованы с единым и четким политическим посланием. Однако многочисленные партии используют поляризацию общества всеми мыслимыми способами: они сводят старые счеты, толкая страну назад на грань гражданской войны, усиливают продолжающиеся беспорядки в различных арабских странах, что особенно заметно на примере Сирии, а в некоторых случаях корректируют сектантские границы таким образом, чтобы создать широкие возможности для бизнеса.

Да, деление на секты и бизнес в сегодняшнем Ираке идут рука об руку. По сообщению агентства Reuters, компания Exxon Mobil наняла Джеффри Джеймса, бывшего посла США в Ираке (в 2010–2012 годах), в качестве «консультанта». Безусловно, этот факт является примером того, как послевоенная дипломатия и бизнес стали естественными союзниками. Но у данной истории есть продолжение. Используя преимущества автономии района Курдистана, гигантская международная нефтегазовая корпорация заключила выгодные сделки независимо от центрального правительства в Багдаде. Последнее начало наращивать численность войск близ границы спорного богатого нефтью региона. Курдское правительство сделало то же самое. Будучи не в состоянии предугадать, кто одержит верх в назревающем конфликте и, таким образом, будет контролировать запасы нефти, руководство Exxon Mobil никак не могло решить: исполнять ли компании контракты, подписанные с курдами, или же заключить, возможно, еще более выгодные контракты на юге страны.

Сегодня будущее Ирака определяется различными силами, в числе которых нет практически ни одной, состоящей из иракцев, стремящихся объединиться. Оказавшись между жестким сектантством, экстремизмом, жаждой власти, накапливающей богатство элитой, региональными властями, западными интересами и жестоким военным наследием, народ Ирака испытывает безмерные страдания, которые не могут

оценить ни откровенно политический анализ, ни статистика. Гордая нация, обладающая впечатляющим человеческим потенциалом и необычайными экономическими перспективами, оказалась разорвана в клочья.

Иракский писатель Аль-Алак, живущий в Великобритании, в связи с десятой годовщиной оккупации Ирака призывал отдать должное детям, «молчаливым жертвам» этой страны. Согласно данным Министерства труда и социальных отношений Ирака, отмечал он, 4,5 миллиона детей сегодня являются сиротами, и «шокирующие 70%» из них потеряли своих родителей после оккупации 2003 года. «Около 600 000 детей сегодня живут на улице, не имея ни крова, ни еды, для того чтобы выжить», – написал Аль-Алак. А те из сирот, что попали в немногочисленные государственные приюты, сегодня не имеют возможности удовлетворять свои самые насущные потребности.

Расстояние между площадями Тахрир в Каире и Таксим в Стамбуле невероятно велико. Никакой дорожной карты не хватит, чтобы, используя известный опыт первой, объяснить обстоятельства, приведшие ко второй. Многие пытались говорить о схожести между этими событиями. Вслед за народным восстанием, охватившем Египет в начале 2011 года, воспринимаемым под общим названием «Арабская весна», некоторые аналитики стали предрекать наступление таких «весен» по всему региону и за его пределами. Когда протестующие вышли на улицы нескольких турецких городов, сравнения возобновились с новой силой.

Как только было признано, что «Арабская весна» открывает определенного рода возможности, США, Великобритания и Франция быстро обратили ее в свою пользу. Правительства этих стран либо прилагали усилия, для того чтобы политически перекроить регион Ближнего Востока, либо делали все возможное, чтобы революционные страсти привели к удобным для них результатам.

Когда арабские диктаторы издевались над мирными, в большинстве своем, протестующими, войны, в полном смысле

этого слова, не были актуальны. Но так продолжалось до тех пор, пока не начали вмешиваться страны Североатлантического Союза (НАТО). В результате в Ливии восстание, в котором применение оружия было весьма ограниченным, привело к полноценной войне: тысячи людей погибли, были ранены и пропали без вести. Война в Ливии изменила демографическую ситуацию в некоторых частях страны. Целые районы были подвергнуты этническим чисткам. Бенгази, судьбой которого был особенно озабочен британский премьер-министр Дэвид Камерон, теперь находится в руках многочисленных групп боевиков, конкурирующих между собой за влияние. Но когда временный командующий ливийской армии Салем Кониди 15 июня выступил по национальному телевидению с предупреждением о возможных массовых убийствах, его слова вряд ли засекли радары НАТО.

Избирательное «гуманитарное вмешательство» является фирменным политическим стилем запада, и протесты в Турции показали, что стремление западных стран использовать беды любой страны для своей выгоды неистребимо. Однако турецкому правительству следует, прежде всего, винить себя за предоставление западным странам такой возможности. Столкнувшись на Ближнем Востоке с политической игрой, ставки в которой очень высоки, премьер-министр Турции Режеп Тайип Эрдоган перенял политический стиль блока НАТО, членом которого Турция является.

В течение почти целого десятилетия Турция стремилась играть другую роль в арабском и мусульманском мирах, и это был выбор, обусловленный отказом Европейского Союза принять Турцию в свои ряды. Германия и Франция возглавили крестовый поход против решительных попыток Турции вступить в расширяющийся союз. Но когда кровопролитие достигло Сирии и так называемая Арабская весна стала угрожать собственно южным регионам Турции, ее руководство спешно переориентировало свою политику обратно на тот самый западный лагерь, который так долго не признавал Турцию.

Турция оказалась в весьма специфическом положении, позиционируя себя в качестве поборника «пробужденных» арабов и в то же время оперируя традиционной парадигмой НАТО, основанной на интервентских замыслах. Непоследовательность турецкой политики очень заметна и продолжает усиливаться: когда Турция урегулировала разногласия с Израилем, вызванными убийством последним девяти турецких активистов, когда те направлялись в Газу в мае 2010 года, она принимала у себя лидеров ХАМАС, собравшихся для встречи. Она поддерживает работу сирийской оппозиции, которая действует с территории Турции политическими и военными методами, и в то же время предупреждает любые заговоры, направленные на дестабилизацию ситуации в Турции.

Западные страны игнорировали, оправдывали или одобряли поведение Турции до тех пор, пока действия Анкары совпадали с политикой НАТО. При этом европейские страны объявляли Турцию виновной, если она выходила за установленные рамки, как это было во время турецко-израильского кризиса. Создается впечатление, что как бы сильно ни старались турецкие лидеры произвести впечатление на Запад, они никогда не смогут соответствовать европейскому избирательному определению демократии, прав человека и прочих полезных концепций.

Лицемерие НАТО даже перед своими собственными членами слишком явно. Сравните, например, европейский ответ на жесткие меры, предпринимаемые полицией в отношении протестного движения «Захвати Уолл-Стрит», начавшегося 17 сентября 2011 года, и массовые аресты, избиения и унижения протестующих. Оказалось, что и ФБР, и Министерство внутренней безопасности совместно следили за участниками движения с помощью своих антитеррористических групп. Об этом Наоми Вульф рассказала в газете *Guardian*.

Почему европейские союзники США не возмущались подобной незаконной практикой, почему они не протестуют против слежки Агентства национальной безопасности США за миллионами людей с помощью социальных сетей

и интернет-технологий под предлогом поимки террористов? Подобная практика стала настолько обычной, что редко вызывает возмущение или серьезные призывы к повышению прозрачности. Высказываются разве что бессмысленные опасения, подобные тем, что отразились в заголовке издания Bloomberg Business Week: «Слежка в интересах АНБ плохо отражается на бизнесе США».

Арабские народы страдают от войн и переворотов, которые дестабилизировали регион, разрушили Сирию и угрожают будущему целых поколений, а в это время Дэвид Камерон, Франсуа Олланд и Барак Обама рассуждают о будущей судьбе Сирии, определенной в соответствии с их интересами и, конечно же, с учетом обеспечения «безопасности» Израиля.

Западные державы продолжают играть самую негативную роль на Ближнем Востоке, порождая дальнейший хаос и самым наглым образом используя его в своих интересах, прибегая к помощи различных региональных сил. Даже Турция, несмотря на то что доказала свою незаменимость для политических и военных планов НАТО, является уязвимой. Но как бы дорого это ни обошлось, с уверенностью можно сказать одно: воскрешение старой ближневосточной парадигмы, при которой властная элита при поддержке своих грозных союзников угнетала слабый, угнетенный народ, маловероятно. Будет еще много крови, но возврат к прошлому, несомненно, уже невозможен.

Раненый зверь: Ближний Восток и власть США сегодня

Можно ли сегодня говорить о США как о слабеющей сверхдержаве? Да, похоже, что расцвет Соединенных Штатов Америки остался позади, поскольку страна погружена в глобальную стагнацию, а ее главенство в разных областях оспаривается Китаем и Россией. Является ли текущее положение дел проявлением долговременной тенденции или же представляет собой просто временный кризис, из которого США теоретически способны выйти, оставаясь доминирующей мировой державой? На этот вопрос нельзя ответить, не раздвинув исторических рамок проблемы. В представленном здесь анализе речь идет о конфигурации власти США после окончания «холодной войны», о роли так называемой «войны с терроризмом», а также о воздействии арабских революций на имперские возможности США и перспективах развития международного антивоенного движения в настоящее время.

США производят впечатление явного победителя в «холодной войне». По здравом размышлении, так оно и есть. Не американская империя растворилась в революции, не американское правительство было свергнуто, не американская экономика снизилась на 40 процентов за одно десятилетие. Все это произошло с восточноевропейскими странами в период между 1989 годом и началом нового тысячелетия.

И все же единственная «мировая сверхдержава», утвердившаяся в этом качестве после окончания «холодной войны», столкнулась с «парадоксом власти». Этот парадокс, крайне важный для понимания истории после 1989 года, заключался в следующем: США в этот период пребывали в состоянии относительного экономического упадка (по сравнению с точкой наивысшей экономической мощи, отмечавшейся в 1940-х и 1950-х годах), однако с военной точки зрения оставались сильными как никогда. Это противоречие между снижающейся экономической мощью и военным превосходством отчасти сформировало конфликты последних двух десятилетий, в частности, связанные с мировым терроризмом.

Давайте рассмотрим этот парадокс более внимательно. США по-прежнему являются крупнейшей экономикой мира. При этом в 1945 году около 50% мирового производства было сосредоточено в США, но уже к 1960 году данный показатель снизился до 31%, а в 2010 году упал до 18%! В абсолютных показателях экономики Китая и России явно уступают США, только вот растут они гораздо быстрее, и именно этот факт важен для нашего анализа.

Ситуация с балансом военных сил совершенно иная. США обладают военной силой, не имеющей серьезных конкурентов. Именно этот парадокс – относительный упадок в экономике и подавляющее военное превосходство – превратил США в однозначно воинственное государство в период после окончания «холодной войны». Соединенные Штаты провели ряд войн, направленных на восстановление своего мирового лидерства, используя военную мощь для компенсации экономического упадка. Войны предназначаются не только для того чтобы поразить врагов, но и для того чтобы дисциплинировать союзников, а в некоторых случаях – для того, чтобы заставить союзников, более слабых в военном отношении, заплатить за войны США и таким образом компенсировать экономический

спад, от которого страдают последние. Война в Ираке стала геополитическим поражением США, но оказалась неолиберальным «золотым дном» для американских корпораций, причем во многом за счет европейских и прочих конкурентов.

Первая Война в Заливе была битвой за восстановление гегемонии США на жизненно важном для них Ближнем Востоке. В ходе ее американцы упорно старались принудить своих союзников «разделить бремя» военной операции (под руководством Соединенных Штатов) и оплатить военные расходы. Та же схема была повторена в войне на Балканах, при вторжении в Афганистан, в иракской войне и во время интервенции в Ливию.

Афоризм Наполеона – «Ни один план не переживает встречи с противником» – нашел подтверждение в случае с политикой США. Есть ощущение, что на ранних этапах это работало в интересах США. Балканская война привела к распаду Югославии и помогла НАТО продвинуться на восток, окружив Россию новыми союзниками НАТО и американскими военными базами. Первая Война в Заливе могла оставить Саддама Хуссейна у власти, но этого не последовало, поскольку не была бы реализована главная цель – укрепление гегемонии США на Ближнем Востоке.

Война против террора, начатая после событий 11 сентября 2001 года, подстегнула имперские амбиции Соединенных Штатов, которые привели к войне в Ираке, ставшей, безусловно, политическим и военным поражением Соединенных Штатов. Упорное сопротивление иракцев, уровень негативного отношения к войне внутри страны, хаос послевоенного управления США – все это в конце концов привело к унижительному отказу иракского правительства санкционировать соглашение о статусе сил, которое давало право 50 000 американских солдатам оставаться в Ираке. С экономической точки зрения американские компании могли извлечь свою выгоду, «снимая сливки»

с иракской экономики, в частности с ее нефтяной отрасли. Однако главная цель войны в Ираке – создание стабильной прозападной оперативной базы на Ближнем Востоке – достигнута не была.

Афганская война стала еще большим провалом. Она укрепила и возродила движение Талибан, вместо того чтобы победить его. Теперь США ведут с талибами переговоры, а Аль-Каида превратилась в международную франшизу, действующую, помимо прочих стран, в Пакистане, Ираке, Сирии, Йемене, Сомали и Мали. Лишь небольшой компенсацией за все это стало для США незаконное устранение Усамы бен Ладена.

Поражение в «войне с терроризмом» не означало окончания влияния США на Ближнем Востоке, о чем говорили некоторые обозреватели. Аналитик и блоггер Ричард Сеймур уверен, что здесь имеет место «общее ослабление империализма США». Исследователь Саймон Ассаф полагает, что те, кто обращает внимание на «маневры империализма», основываются на устаревшей идеологии, которая не отражает современных реалий Ближнего Востока. Однако характеристика империализма США как находящегося в упадке дает опасно неполную картину. Действительно, конкуренты, наиболее явным из которых является Китай, бросают экономический вызов Соединенным Штатам, но в военном отношении США являются абсолютным лидером, намного опережая любых возможных соперников, включая Россию и Китай.

Идея, состоящая в том, что американский империализм больше не заинтересован в Ближнем Востоке или больше не способен вмешиваться во внутренние дела ближневосточных стран, является не просто ошибочной, она – исключительно пагубна. Давайте оставим в стороне тот очевидный факт, что первая Война в Заливе, Афганистан, вторжение в Ирак в 2003 году, вторжение Израиля в Ливан в 2006 году и воздушная война в Ливии велись именно в этом регионе, и рассмотрим

экономические интересы и растущее военное присутствие США в данном районе.

Ближний Восток остается одним из важнейших регионов для США как с геополитической, так и с экономической точки зрения. Он граничит с Азией, Россией и Европой и включает жизненно важные Суэцкий канал и Ормузский пролив. Нет нужды повторять, что крупнейшим в мире производителем нефти является Саудовская Аравия и что еще два из шести крупнейших в мире производителей нефти также находятся на Ближнем Востоке. Кроме того, ближневосточная нефть является самой легко извлекаемой в мире, а значит – приносящей наибольшую прибыль.

В результате арабских революций ничего не изменилось. Крупнейшими торговыми партнерами стран Ближнего Востока и Северной Африки как в сфере импорта, так и в сфере экспорта, являются страны Европейского Союза, Япония, США, Северная Корея и Китай. Импорт промышленных товаров в ближневосточные государства достигает 50%. Страны Ближнего Востока также не избежали влияния военной мощи США и их союзников.

США полностью доминируют в мире и на Ближнем Востоке. Ни одна держава не может похвастаться региональным союзником, подобным Израилю или Саудовской Аравии. США имеет в союзниках оба эти государства. В период 1950 – 2006 годов Саудовская Аравия приобрела оружия и техники по программе Пентагона по продаже оружия и военной техники иностранным государствам на сумму 63 миллиарда долларов. В 2010 году она заявила о расходовании аналогичной суммы на военных закупок, но уже не за 50 лет, а всего за 15.

Строительство новых и модернизация действующих военных баз США ведется по всему региону. В Кувейте только на одной базе Арифьян (Camp Arifjan) размещен военный контингент численностью 15 000 человек. В Бахрейне, месте

базирования 6-го Флота США, ведется строительство нового портового и казарменного комплекса стоимостью 580 миллионов долларов. В Омане остров Масира (Masirah), на котором располагалась старая база ВВС Великобритании, оставшаяся с 1930-х годов, был передан ВВС США. В Катаре ВС США в 2001 году начали эксплуатацию воздушной базы Аль Удейд стоимостью 1 миллиард долларов. В 2003 году сюда была переведена региональная штаб-квартира ВВС США. В 2010 году президент Обама выделил 63 миллиона долларов на модернизацию военной базы в Катаре. В Иордании США имеют Центр подготовки подразделений специального назначения (King Abdullah II Special Operations Training Centre), в строительстве которого (по договору стоимостью 70 миллионов долларов) принимал участие Инженерный корпус сухопутных войск США и который лишь формально относится к правящей в Иордании королевской династии.

Это далеко не полный список массированного расширения военной активности США на Ближнем Востоке. Возможно, историк и публицист Тарик Али несколько преувеличил, когда использовал термин «повторная колонизация», но в его словах гораздо больше правды, чем у тех, кто минимизирует продолжающееся воздействие американского империализма на регион.

Мы можем увидеть, что это означает на примере сирийского конфликта. Писатель Алекс Каллиникос был не прав, заявив, что «отсутствуют свидетельства того, что Запад уже давно стремится свергнуть режим Башара Асада». В действительности в 1979 году США назначили Сирию «государством-спонсором терроризма» и одновременно с этим ввели ряд санкций против нее. Администрация Буша назвала Сирию частью «оси зла» и в 2004 году ввела свои дополнительные санкции.

Во время нынешнего конфликта Барак Обама подписал новое распоряжение, налагающее санкции на энергетический сектор экономики Сирии и замораживающее все активы сирийского правительства в США. Европейский Союз, Великобритания, Турция, Канада, Австралия и Лига арабских государств – все ввели санкции против Сирии. Эти санкции нанесли больший вред сирийскому народу, чем сам режим, и предназначались они, как и в случае с Ираком, для подготовки общественного мнения в поддержку прямых форм вмешательства.

Одно из лучших подтверждений «давнего стремления Запада свергнуть режим Башара Асада» дал упомянутый выше Алекс Каллиникос в своей книге 2003 года «Новые мандарины американской власти». В ней автор указывает, что вслед за войной в Ираке неоконсерваторы США стремились к смене режима в Сирии: «[Они] предложили Вашингтону ответить «сменной режима» в ходе политической кампании, которая должна была начаться с тиражирования темы сирийского господства над Ливаном и поощряла бы народные восстания в Сирии и Иране, тем самым «развязывая демократическую революцию против хозяев терроризма в Дамаске и Иране».

Сирия действительно была изгнана из Ливана в 2005 году. Хотя неоконсерваторы не способны создавать демократические революции из воздуха, очевидно, они бы не сплосховали и воспользовались возможностью, если таковая представилась бы. Алекс Каллиникос завершил свой анализ 2003 года мыслью о том, что существовали «достаточные причины не исключать возможности нападения США на Сирию или даже на Иран». Почему сегодня Каллиникос отказывается от этого заключения, которое подтверждается происходящими событиями, остается загадкой.

Не стоит идеализировать режим Башара Асада. Он противостоит империализму, осуществляя четкие шаги в рамках

государственной политики, направленной на обеспечение безопасности находящегося у власти режима и укрепление его влияния в регионе. В свое время присутствие сирийского режима в Ливане стало результатом санкционированной США атаки на левых и палестинцев (речь идет о середине 1970-х годов).

Тот факт, что Башар Асад не является последовательным оппонентом империализма, не доказывает того, что империализм не является оппонентом Асада. Даже непоследовательный оппонент – это для США слишком много, что подтверждают судьбы Саддама Хуссейна, Усамы бен Ладена и полковника Каддафи. Преступление Асада, в глазах США, заключается не в его жестокости; ее с избытком и у американских сторонников из стран Персидского залива. Проблема, возникающая у США с Асадом, заключается в том, что он является союзником Ирана. Нанесение ударов по нему также является удобным способом обновить доктрину гуманитарного вмешательства, имитируя солидарность с арабскими революциями.

Западные державы жаждут смены режима в Сирии и неустанно провозглашают это. Осуществить свои намерения им помешало фиаско в Ливии. Однако чем больше препятствий встречали на своем пути США и их союзники в попытках начать прямую военную интервенцию, тем больше они склонялись к непрямому вмешательству и тем сильнее стремились поучаствовать в формировании правительства Сирии после падения режима Асада. Некоторые критики антивоенного движения заявляют, что все это – игра воображения конспирологов, а не прямое вмешательство не оказывает реального воздействия. Многие на Ближнем Востоке знают об обратном.

Сирийцы помнят переворот ЦРУ, закончившийся коротким государственным послевоенным демократическим экспериментом в 1949 году. Иранцы вспоминают поддержанный ЦРУ государственный переворот, повлекший свержение законно избранного правительства националистов во главе с

Мохаммедом Мосаддыком в 1953 году. Всем известно, какие усилия предпринимали США для поддержки афганских моджахедов в войне против Советского Союза. Последующие тайные операции, от действий во Вьетнаме до свержения президента Альянде и политического скандала Иран-контрас («Ирангейт»), еще свежи в памяти многих. Все эти операции являются способами осуществления имперской власти. Таким же образом она осуществляется в Сирии, теперь, правда, с помощью некоторых внутренних сил.

Представление о том, что арабские революции создали постимперский Ближний Восток, в котором только внутренняя динамика борьбы в различных странах имеет реальное значение, неверно. Так же неверно было бы придерживаться того мнения, что арабские революции начались без цели изменить имперскую архитектуру региона.

Волна арабских революций лишь увеличила список проблем, стоящих перед империалистическими странами. В начале 2011 года революционные взрывы в Тунисе и Египте прозвучали с такой силой, что великие державы оказались неспособны сколько-нибудь значительно повлиять на их ход. Революции свергли двух жестоких прозападных диктаторов, один из которых, Хосни Мубарак, являлся основным гарантом успешности политики Соединенных Штатов в отношении Израиля и других стран Ближнего Востока.

Египетская революция, даже в ее нынешнем варианте, при котором степень осуществления демократических задач еще не определена, уже изменила имперские расчеты. Немаловажно, что она поставила под сомнение «сепаратный мир», который заключали Президенты Садат и Мубарак с Израилем, и разорвала автоматическую связь между политикой США и египетской внешней политикой.

До свержения президента Мурси египетская внешняя политика: открытые контрольно-пропускные пункты на

границе с сектором Газа, участие Египта в переговорах о Палестинской автономии, усиление изоляции израильского государства, постоянное появление иранских военных кораблей в Суэцком канале – явно нервировала Соединенные Штаты. Проводившиеся каждые полгода совместные американо-египетские военные учения «Яркая звезда» остались в прошлом.

Военный режим, свергнувший президента Мурси, имел меньше сочувствия к палестинцам, но был вынужден использовать антиамериканские настроения для укрепления собственной популярности. Утрата поддержки Египта стала бы «стратегической катастрофой», по словам Джеймса Филипса из неоконсервативного Фонда «Наследие» (Heritage Foundation), «не только из-за того, что снизится возможность мобилизовать морские и другие военные силы для сдерживания Ирана, но и также из-за ослабления нашей оборонной стратегии на Ближнем Востоке в целом».

Конечно, подобная угроза интересам США, и особенно продолжающаяся угроза распространения арабских революций вызвали ответные имперские действия. Когда в марте 2011 года набирали силу сирийские протесты, Запад разрабатывал новую стратегию в отношении арабских революций. Эта стратегия состоит из двух подходов, первый из которых предусматривает прямое подавление. Именно это произошло, когда революция в маленьком островном королевстве Бахрейн была раздавлена в ходе военной операции, сочетавшей в себе вторжение войск Саудовской Аравии и действия местных военных. Операция проводилась всего через два дня после визита в Бахрейн Госсекретаря США Роберта Гейтса.

Второй подход представляется более комплексным. Он предусматривает проведение военной операции в поддержку восстания, как это происходило в Ливии. Там операция осуществлялась при поддержке Саудовской Аравии и Катара, но

под руководством США, Великобритании и Франции. Целью было не только свержение полковника Каддафи. Операция должна была помочь завоевать лояльность повстанческих сил путем оказания им решительной военной поддержки.

В результате потери в Ливии составили 30 000 человек убитыми, что гораздо больше потерь в любой другой стране, охваченной арабскими революциями, включая Сирию. Применение передового военного потенциала Запада значительно увеличило их масштаб. Воздушная война в Ливии, которая велась Соединенными Штатами Америки, Францией и Великобританией, потребовала много времени для достижения желаемого результата, но к концу лета 2011 года все было кончено. Под пристальными взглядами Хилари Клинтон и Николя Саркози Запад назначил такое ливийское правительство, которое ему было нужно.

Нельзя сказать, чтобы это хоть как-то пошло на пользу ливийцам. Их страна оказалась разрушена и, с трудом сохраняя географическую целостность, превратилась в ярмарку оружия для всего Ближнего Востока. Но это сыграло на руку «великим державам». Они снова оказались в игре. Давно взлелеянная неоконсерваторами идея, состоящая в создании или подрыве демократических движений с целью смены режима в странах, чьи правительства не сочувствовали интересам Запада, теперь, благодаря арабским революциям, получила новое развитие. Именно она является причиной битвы, развернувшейся между теми, кто сражается ради подлинных фундаментальных социальных преобразований, и теми силами на Западе и их союзниками на Ближнем Востоке, которые желают превратить революции в инструменты реализации западной политики. Это стало чрезвычайно важным моментом в истории арабских революций, так как означало полномасштабное возвращение имперских сил в историю восстаний. И теперь объединение стран Персидского залива и Турции

в качестве наступательных оперативных единиц имперской стратегии США, Франции и Великобритании представляется реальной возможностью.

Вопреки позиции считавших, что США и их союзники не собираются атаковать Сирию, стало совершенно очевидно, что правительства США, Великобритании и Франции уже давно и очень серьезно рассматривают возможность нанесения военного удара по Сирии. События 2013 года подтвердили правильность такого анализа.

Если бы в августе 2013 года британское правительство смогло убедить парламент проголосовать за интервенцию, Сирия подверглась бы массированному ракетному удару. Этот удар должен был иметь целью ослабление режим Асада до такой степени, чтобы Свободная сирийская армия, начав одновременно с этим скоординированное наступление, смогла повернуть ход событий в свою пользу. Еще одно доказательство того, что развитие событий в Сирии и планы Свободной сирийской армии связаны с действиями США и их союзников, дают гневные высказывания по поводу неспособности США начать атаку генерала Салима Идриса, командующего Свободной сирийской армией, имеющей штаб-квартиру в Турции. Он заявил, что отмена атаки стала «ударом по продолжающемуся два с половиной года восстанию».

Провал попытки премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона втянуть Великобританию в военные действия против Сирии имел международный эффект. Это вынудило президента Обаму отложить начало военных действий, что, в свою очередь, дало возможность российскому президенту Путину выступить посредником в договоренности с Сирией о проведении проверки химического оружия, усложнив тем самым реализацию попытки США развязать войну.

События вокруг Сирии привели и к росту антивоенных настроений, к примеру в Великобритании. Миллионы людей

в стране заявили о том, что противоречия концепции «война против террора» повлекут за собой бессмысленные человеческие жертвы и материальные затраты. Доводы участников антивоенного движения стали частью жизненной позиции миллионов человек. Ни в одной другой стране нет коалиции, имеющей такой размах, как коалиция «Останови войну» (Stop The War Coalition).

Антивоенное движение в империалистических странах, противостояние народов Афганистана и Ирака военным действиям и оккупантам из возглавляемых Соединенными Штатами коалиций, а также арабские революции – все это привело к кризису империализма. Давайте более внимательно рассмотрим эти факторы. Начиная с 1782 года британская Палата общин всегда поддерживала призывы правительства принять участие в тех или иных военных действиях. Только Суэцкий кризис в 1956 году привел к аналогичному разрыву отношений с Соединенными Штатами. Однако произошло это из-за заявления США о том, что пришло время закончить колониальные похождения Британии, а не из-за того, что общественное мнение в Британии вынудило собственное правительство отказаться в помощи США.

Поражение премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона в ходе нынешней «сирийской кампании» имело свои объективные причины, а именно – неудачи борьбы с терроризмом. Коалиция «Останови войну» превратила это во внутренний политический кризис. Подобный объективный кризис существует и во Франции, и в США, но антивоенные движения в этих странах либо отсутствуют, либо давно потеряли свою значимость, скатившись до того уровня, когда они уже не могут эффективно вмешиваться в национальные политические дебаты.

Левые движения не всегда обладают достаточными жизненными силами, необходимыми для выживания в ходе такой длительной кампании. Иногда им не хватает достаточной

исторической или социальной широты анализа способности действия и не всегда они способны подняться над своим собственным сектантством в политике и найти принципиальную общую позицию. Коалиция «Останови войну» представляет собой обратный пример. Сирийские «приключения» Кэмерона являли собой сравнительно незначительную по масштабу военную акцию в «войне против террора». И все же эффект от антивоенных действий превосходит даже предыдущее поражение, нанесенное элите антивоенным движением (речь идет об изгнании со своего поста Тони Блэра). Этот парадокс стал результатом проведения систематической и постоянной агитационной работы на протяжении десятилетия. Тарик Али говорит: «Коалиция «Останови войну» в Великобритании не имеет аналогов ни в странах Европы, ни в Америке. Даже во времена изоляции (вторжения и бомбардировок Ливии) ее давление не ослабевало».

Такая способность поддерживать организацию, прежде всего, базируется на способности противостоять новой фазе империализма. Как однажды заметил Питер Оборн, политический обозреватель консерваторов, «коалиция «Останови войну» (пестрая толпа, состоящая, главным образом, из ультралевых политических организаций, далеко не все из которых заслуживают доверия) последовательно демонстрирует гораздо более зрелые взгляды на вечные вопросы войны и мира, чем Даунинг Стрит, Белый дом или ЦРУ». Это может объясняться тем, что мы столкнулись не с единичным инцидентом, и даже не серией инцидентов, а с вереницей конфликтов, характерных для фундаментального кризиса послевоенной имперской структуры глобальной политики. Таково было наше мнение на начальном этапе «Войны против террора», а в действительности — еще до ее начала.

Имперский проект впервые встретил противодействие в Великобритании, а не в США или Франции, где большин-

ство также выступает против войны, потому что британские антивоенные настроения направляются систематически проводимыми кампаниями. Подобное развитие событий создает новую ситуацию, в которой антивоенное движение может сыграть важную роль. Позиция, что интернационализм может «разрушить все», должна быть преодолена. Одновременно нужно освободиться от привязки к национальному контексту или месту в имперской мировой структуре.

Нередко проблема заключается в непонимании того, что все активисты действуют в конкретных национальных условиях, напрямую сталкиваясь со своим правящим классом и его пропагандистской машиной. Для того чтобы разорвать эту взаимозависимость, недостаточно просто крикнуть «чума на оба ваши дома», потому что это будет скорее выражением безволия и пассивного устранения от борьбы с правящей машиной власти. По этой причине исторический ответ антиимпериалистов, обращающихся к наследию Карла Либкнехта и Ленина по отношению к Первой мировой войне, заключается в констатации того факта, что «главный враг уже в доме». Как написано в знаменитой листовке Либкнехта: «Главный враг немецкого народа находится в Германии: германский империализм, германская партия войны, германская тайная дипломатия. Немецкий народ должен вести против этого врага в доме политическую борьбу, объединившись с пролетариатом других стран, борющихся против своих собственных империалистов».

Только активисты Великобритании и США в состоянии эффективно противостоять британскому и американскому правительству. С этой задачей не смогут справиться ни сирийцы, ни русские. Лучшей помощью, которую мы в Великобритании можем оказать движению интернационализма, является не вербальное противостояние, к примеру, сирийскому правительству, а противодействие нашему. Именно таков был посыл

организации крупнейшей международной антивоенной демонстрации, прошедшей 15 февраля 2003 года.

Есть одна важная оговорка: проведение эффективной радикальной политики невозможно, если оппозиционные силы умоляют империалистов о помощи. Именно по этой причине антиимпериалисты никогда не поддерживали в ходе Балканской войны Косовскую освободительную армию, когда та действовала в составе наземных войск НАТО. Подобным же образом, несмотря на долгую историю угнетения курдского народа, мы не выступали в поддержку иракских курдов, с тех пор, как в 2002 году они стали агентами американского империализма. То же самое можно сказать о таких представителях сирийского сопротивления, как Сирийский Национальный совет и Свободная сирийская армия, которые преимущественно находятся под влиянием США и их местных союзников.

Почти в каждом имперском конфликте есть силы из числа притесняемых, которые полагают, что свои цели можно реализовать, перейдя на сторону врагов их врагов. Такая политика всегда укрепляет империализм и подрывает борьбу угнетенных.

Наши задачи в новой обстановке ясны. Необходимо вести кампанию на Западе, с тем чтобы не позволить империалистическим державам вернуться на путь войны, лишить их возможности воспользоваться такими предложениями для нанесения ракетного удара или прямого военного вторжения, как, скажем, наличие у противника химического оружия (запасы которого, имеющиеся у самих западных стран, являются крупнейшими в мире). В Сирии есть большие шансы на успех и у демократического движения. Тогда процесс мирного урегулирования и возможное прекращение огня смогут предотвратить гибельную милитаризацию сирийской революции, которая привела к расцвету исламистских группировок в оппозицион-

ном движении, что, в свою очередь, едва не спровоцировало гражданскую войну.

Рассматриваемое с этой точки зрения вынужденное сотрудничество США и России по Сирии является результатом развития конкретной ситуации в истории «войны против террора». Однако маловероятно, что оно продлится долго. Существует несколько очагов напряженности, где очевидно проявляется межгосударственное соперничество. Афганская война привела к дестабилизации Пакистана. Во всей Африке гегемония США сильно пошатнулась. Хотя она все еще значительна в Северной Африке, китайские инвестиции, в частности, в страны Африки южнее Сахары сегодня превышают инвестиции Соединенных Штатов. Все это привело к «Тихоокеанскому повороту» – перегруппировке вооруженных сил США для противодействия подъему Китая. Вместе с тем, конфликты между великими державами не ограничиваются океанами и их побережьем. Победы в этих конфликтах одерживаются вдали от Пекина, Москвы или Вашингтона. Сирия во многих отношениях является точкой, где затянувшаяся смена власти совпала с непосредственным кризисом империализма.

Все войны в мире после окончания холодной войны имели одинаковую структуру: это были войны, в которых крупные державы договаривались (с большей или меньшей активностью, с большим или меньшим энтузиазмом), что они позволят возглавляемой США коалиции начать войну с небольшой, слабой в военном отношении страной. Это происходило даже тогда, когда Россия или другие страны могли выступить более серьезно, не ограничиваясь официальными протестами. Такова была схема войны на Балканах, в Персидском заливе, в Афганистане, Ираке и Ливии.

В Сирии, частично из-за наличия у России своих интересов в этом регионе, каких у нее нет нигде больше, частично из-за роста антизападных настроений в результате долгосрочного

экономического смещения в сторону Китая и России, проявляется более выраженная наступательная позиция по отстаиванию как российских интересов, так и интересов сирийской стороны. В этой стране сегодня идет не только гражданская война, но и опосредованная борьба между, условно говоря, Россией и Китаем, и союзниками Запада, включая Турцию, страны Персидского залива, Иорданию и поддерживаемых Западом боевиков.

Разновеликие проблемы, с которым столкнулся американский империализм, ведут к значительным изменениям и во внешней политике ведущих современных держав. Однако точка, после которой начинается значительный спад в развитии Соединенных Штатов, величайшей империалистической державы из всех, что когда-либо видел мир, еще не обозначена на графике, изображающем положение дел в мире. Британская империя и британская экономика находились в глубоком кризисе как минимум с 1918 года. Потребовалось много колониальных конфликтов и Вторая мировая война, для того чтобы отучить их от имперского превосходства. США остаются крупнейшей экономикой мира, они вооружены и опасны. Мы имеем дело не просто со стареющей сверхдержавой, спокойно отходящей ко сну. Мы оказались лицом к лицу с раненым зверем.

Геополитика и гуманитарный неоколониализм в период новой холодной войны

Игра в «геополитические шахматы» на Ближнем Востоке привела мир на край пропасти Третьей мировой войны. В результате миротворческих действий России накал страстей, бушующих в последнее время вокруг Сирии, снизился. Однако все ингредиенты взрывоопасного коктейля еще могут легко воспламениться, породив новую волну религиозного насилия – джихад салафитов против крестового похода христиан. Проблема заключается в том, что и салафиты-джихадисты, и американские крестоносцы добиваются не установления мира, а исключительного мирового господства.

Учитывая невообразимый темп событий, происходивших вокруг нанесения США или НАТО военного удара по Сирии, полезно вспомнить, как все начиналось. 24 августа 2013 года «Врачи без границ» (Médecins Sans Frontières) опубликовали пресс-релиз. В нем говорилось, что, по словам их коллег, находящихся в Сирии, утром 21 августа в течение менее чем трех часов в больницы поступило приблизительно 3 тысячи 600 пациентов с симптомами нейротоксического отравления. По их информации, 355 человек скончались.

Этот пресс-релиз подтвердил достоверность репортажа, выпущенного ранее новостным телеканалом *Al Arabiya*, в котором, со ссылкой на сирийских активистов, говорилось, что «по меньшей мере, 500 человек были убиты в результате применения химического оружия в районе Восточная Гута в

Сирии». Более того, издание заявило, правда без каких-либо конкретных доказательств, о том, что ответственность за эти нападения лежит на правительстве президента Сирии Башара Асада.

Саудовский телеканал добавил, что, в случае подтверждения, это может стать той самой «красной чертой» для Башара Асада, о которой заявлял президент США Барак Обама. Последний ранее говорил, что Соединенные Штаты Америки могут начать серьезное вооруженное вмешательство в Сирию с введением зон, запретных для полетов, и активными военными действиями для свержения правительства Асада. Это заявление было тут же подхвачено ведущими западными средствами массовой информации.

Военное лобби сразу же перешло в наступление. В заявлении Госсекретаря США Джона Керри, опубликованном 27 августа, говорилось, что американское «понимание сирийских событий основывается на фактах, совести и здравом смысле. Подтвержденное число жертв, подтвержденные симптомы убитых или раненых, информация от гуманитарных организаций, находящихся в Сирии, таких как «Врачи без границ» и Сирийская комиссия по правам человека, – все указывает на то, что эти фотографии соответствуют действительности: в Сирии было использовано химическое оружие».

Между тем, нельзя забывать, что получившая Нобелевскую премию мира организация «Врачи без границ» – это не горстка человеколюбивых «босоногих докторов», а в высшей степени политизированная структура. Финансируется она, помимо прочих, своим бывшим председателем Ричардом Рокфеллером, сыном Дэвида Рокфеллера – титана династии Рокфеллеров-глобалистов. Основатель этой организации – Бернар Кушнер, французский врач, ставший затем Министром иностранных дел Франции в консервативном правительстве Саркози в 2007 году. По мнению работающего в Великобрита-

нии известного пакистанского журналиста Мухаммада Идриса, Кушнер является «человеком Израиля в МИД Франции».

Другой названный Джоном Керри источник также не заслуживает особого доверия. Находящаяся в Лондоне структура, которую Керри, несомненно, ошибочно назвал Сирийской комиссией по правам человека, на самом деле является оппозиционной правительству Сирии «Syrian Observatory for Human Rights» (SOHR). Эта организация служит источником всех новостных сообщений, содержащих негативную информацию о сирийском правительстве Асада, с момента начала войны в 2011 году. Любопытные факты в отношении SOHR, организации с весьма «гуманитарным» названием, выяснили занимающиеся независимыми расследованиями журналисты. Оказывается, она состоит из одного-единственного сирийского беженца Рами Абдеррахмана, мусульманина-суннита, который последние 13 лет живет в Лондоне, владеет магазином одежды и ведет страничку в Twitter, не выходя из своей квартиры. Однако основные СМИ считают его источником достоверной информации, в том числе и в связи с чрезвычайно доброжелательным отношением к нему на канале BBC.

26 августа в Вашингтон прибыла группа из Израиля, куда входили глава военно-политического отдела Министерства обороны Израиля, генерал-майор в отставке Амос Гилад, глава Управления планирования Генштаба армии, генерал-майор Нимрод Шефер, и Глава аналитического подразделения военной разведки, бригадный генерал Итай Брун. По сведениям немецкого еженедельника «Focus», Армия обороны Израиля передала Белому дому «доказательства», полученные подразделением 8200 израильской военной разведки. «Focus» сообщил, что подразделение 8200 военной разведки Израиля, которое специализируется на радиоэлектронной разведке, заявило о перехвате разговора между высокопоставленными сирийскими военными о применении химического оружия. Напомню, что подразделение 8200, подобно Агентству на-

циональной безопасности США, занимается сбором и анализом электронной информации, в том числе прослушиванием телефонных разговоров и перехватом сообщений электронной почты. Оно является крупнейшим по количеству служащих в составе Армии обороны Израиля, однако известно также, что оно уже не раз попадалось на фальсифицировании данных в политических целях.

Итак, мы имеем обвинения, полученные из саудовских, израильских, а также крайне пристрастных антиасадовских источников. Они заявляют, что президент Сирии Башар Асад применил химическое оружие против своего собственного народа. Причем сделал это всего спустя два дня после того, как в Сирию прибыла группа инспекторов ООН по химическому оружию для расследования других предполагаемых случаев применения этого оружия. И произошло все именно в тот момент, когда правительство одерживало верх в наземной войне. Как логично заметил российский президент Владимир Путин, зачем Асаду делать подобную глупость, давая Западу и арабским оппонентам предлог для объявления войны?

С этого момента Президент США определенно начал склоняться к нанесению бомбового удара по Сирии, с согласия Конгресса США или без такового. По решению Совета безопасности ООН или без него, он был готов предпринять действия согласно Статье 7 Устава ООН. Обама находился под усиливавшимся международным давлением со стороны Израиля, Саудовской Аравии, Великобритании и Франции, а также со стороны неоконсервативных американских сторонников агрессивного милитаристского политического курса.

Начало было положено заявлением Барака Обамы в августе 2012 года. На пресс-конференции в Белом доме 20 августа 2012 года Обама сказал: «Мы прямо предупредили режим президента Башара Асада и других участников конфликта, что использование или перемещение химического оружия станет для нас «красной чертой». Это может изменить мои планы и

заставить меня действовать уже по-другому». Однако, по сообщениям средств массовой информации, в тот момент Обама никак не пояснил, какие последствия может повлечь за собой пересечение «красной черты».

Тем не менее воинствующая пресса, особенно неоконсервативные СМИ в Соединенных Штатах и Европе, близкие к премьер-министру Биньямину Нетаньяху, и сенаторы США, такие как Джон МакКейн и Линдси Грэхэм, также близкие руководству Израиля, начали бить в «барабаны войны», давая понять, что если теперь Обама не предпримет никаких действий, то авторитет Америки как сверхдержавы будет подорван. Обама явно оказался в ловушке.

Тщательная проверка представленных администрации президента Обамы доказательств указывает на настоящий заговор. Все, в том числе размещенные на сайте интервью с семьями жертв атаки в Гуте, указывает на то, что противниками Асада была организована «атака под чужим флагом» с применением химического оружия против невинных гражданских лиц, для того чтобы свалить вину за это на правительство Сирии. Интервью иорданских журналистов с семьями повстанцев в Гуте также подтверждают факт передачи саудовцами химического оружия различным повстанческим группировкам джихадистов без какого-либо обучения его применению.

Глава Службы общей разведки Саудовской Аравии, принц Бандар бин Султан, игравший весьма сомнительную роль почти в каждой серьезной операции США на Ближнем Востоке за последние годы, включая сделку «Иран-Контрас» и вторжение в Ирак в 2003 году, также назывался в качестве источника информации, сообщившего в феврале о применении правительственными войсками отравляющего газа зарин. После этого инспектор ООН Карла дель Понте, член Международной независимой комиссии по расследованию событий в Сирии, обнаружила свидетельства того, что именно антиправительственные формирования, а не войска Асада применяли

запрещенный газ зарин против гражданских лиц, обвинив в этом Правительство Сирии. Ее доклад, несомненно, не обрадовал принца Бандара или Биньямина Нетаньяху.

До назначения на пост главы Службы общей разведки Саудовской Аравии, отвечающего за военные действия в Сирии, Бандар бин Султан более 20 лет являлся послом Саудовской Аравии в Вашингтоне, где стал настолько близок к семье Бушей, что Джордж Буш дал ему прозвище «Бандар Буш». Бандар и неоконсерваторы являются близкими друзьями. Согласно некоторым сообщениям из надежных источников, он также финансирует ячейки Аль-Каиды в интересах Саудовской Аравии. Аль-Каида, в свою очередь, получая через свою ассоциированную организацию в Сирии, Джабат аль-Нусра, громадные суммы от саудовцев, вселяет страх в группировки оппозиции, грозя превратить Сирию в исламское государство, живущее по законам шариата.

Еще до того как эксперты ООН по химическому оружию закончили свое расследование применения химического оружия, Госсекретарь США Джон Керри, публично заявил об имеющихся у Соединенных Штатов «убедительных доказательствах» того, что за применением химического оружия в Гуте стоит правительство Асада. Президент Обама был вынужден сделать заявления в духе «холодной войны», поставившие мир на грань конфликта, последствия которого могли оказаться ужасающими.

Тем не менее, «доказательства» Керри, по его собственному признанию, были основаны на видео с мертвыми детьми, выложенных на *YouTube*, достоверность которых до сих пор под сомнением. Но главное «доказательство» было предоставлено израильской военной разведкой.

При чем здесь Израиль? Премьер-министр Нетаньяху и израильская разведка используют любые средства, для того чтобы разрушить влияние Ирана в регионе. Возглавляемое Асадом правящее алавитское меньшинство в Сирии имеет тесные связи

с Ираном, а также с могущественным движением Хезболлы в Ливане. В регионе существует серьезная конкуренция в сфере добычи и транспортировки природного газа. С одной стороны выступают Иран вместе с Сирией, а также Ираком и Ливаном, испытывающим давление Хезболлы, с другой – Израиль, Турция и Саудовская Аравия. В 2010 году Израиль открыл громадные запасы газа на шельфе Средиземного моря (месторождение Левиафан), благодаря которым он может стать крупнейшим игроком на рынке энергоресурсов Ближнего Востока, но только в случае, если ему удастся одолеть своих конкурентов.

В случае если Сирия при правительстве Асада (или при любом другом режиме, неподконтрольном Израилю и Саудовской Аравии) и Иран выйдут из нынешних войн за контроль над регионом хоть с какой-то долей суверенитета, это нанесет огромный удар попыткам Саудовской Аравии взять под контроль исламскую политику всего мусульманского мира. Точно так же стабильные Сирия и Иран, обладающие газопроводом, поставляющим газ в страны ЕС и не только, могут разрушить амбиции Израиля стать энергетической «сверхдержавой».

Их главным соперником является блок Ирана, Сирии и Ирака, которые в 2011 году подписали соглашение о строительстве газопровода. Важно, что произошло это за несколько дней до того, как Запад и Саудовская Аравия начали полномасштабную войну против правления Асада. В 2009 году один из основных производителей газа, Катар, расположенный по другую сторону Персидского залива от Ирана, обратился к Асаду с предложением построить газопровод из Катара через Сирию, и далее по территории Турции, до огромного газового рынка ЕС. Сирия, имевшая давние связи с Россией, ответила отказом. Война против Асада, финансируемая катарскими миллиардами, началась спустя несколько дней после подписания Асадом в 2011 году соглашения о строительстве альтернативного газопровода, который сокрушал надежды Катара выйти на европейский газовый рынок.

Ситуация становилась сложной с геополитической точки зрения еще и потому, что Барак Обама и генерал Мартин Демпси, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, и влиятельная группировка, поддерживающая президента, давно начали дистанцировать внешнюю политику США от проводившейся Бушем – Чейни политики «Израиль – прежде всего», которая привела США к самоубийственным войнам в Ираке и Афганистане.

Отход администрации Обамы от прежней «произраильской» политики Соединенных Штатов был столь заметным, что глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху в 2012 году открыто вмешался в предвыборную политику США и, пытаясь добиться поражения Обамы, попросил своего близкого друга и владельца казино Лас-Вегаса Шелдона Адельсона пожертвовать 100 миллионов долларов на предвыборную кампанию республиканца Митта Ромни.

Вплоть до 21 августа, когда началась «химическая история» Сирии, Обама воздерживался от усиления военного присутствия на Ближнем Востоке и отказывался расширять американскую военную помощь повстанцам сверх установленного минимума. Но 21 августа он вдруг вернулся к теме 2012 года о пресловутой «красной черте» и, вместо того чтобы снизить риск потери авторитета США и прочих разрушительных последствий, начал бряцать оружием и приказал командованию Вооруженных сил США разработать варианты проведения военных операций.

1 сентября 2013 года президент Обама направил лидерам Конгресса США письмо, объявив о том, что считает военные действия против Сирии необходимым и правильным шагом. По Конституции США, объявление войны является прерогативой Конгресса, хотя данное условие успешно игнорировалось в последние годы Дж. Бушем и другими президентами Соединенных Штатов.

Американский президент, загнавший себя в угол, в отчаянии обратился к нации. Он сказал: «Хотя я считаю, что обладаю полномочиями осуществить данную военную операцию без специального разрешения Конгресса, мы обязаны провести это обсуждение». Это стало первым признаком того, что Обама отчаянно ищет выход из сложившейся ситуации.

С этого момента вашингтонское лобби интересов Израиля, Американско-израильский комитет по общественным связям и прочие, из всех сил старались получить согласие конгрессменов, влияние на которых стоило им миллионы долларов в форме благотворительных взносов в ходе проведения различных кампаний. Британский премьер-министр Дэвид Кэмерон и президент Франции Франсуа Олланд убеждали парламенты своих стран присоединиться.

А затем случилось неожиданное. Британский парламент проголосовал против предложения премьер-министра Кэмерона и отказался присоединиться к военной операции США в Сирии. Опросы, проведенные в США, показали, что подавляющее большинство населения страны выступает против американского военного вмешательства, и даже Конгресс настроен далеко не благосклонно.

Теперь Барак Обама оказался в ситуации «куда ни кинь — везде клин». Внутренние американские разногласия (между произраильским лобби в Конгрессе и неоконсервативными ястребами, с одной стороны, и более здравыми голосами в Пентагоне и Белом доме, стремящимися предотвратить войну не только в Сирии, но и в Иране, — с другой) помогают понять, почему, несмотря на резкое неприятие российских инициатив значительной частью американского истеблишмента, реакция Обамы на предложение Владимира Путина оказалась положительной.

Если война в Сирии с бомбовыми ударами НАТО предотвращена, то произошло это во многом благодаря дипломатической инициативе Путина, которая принесла президенту

Обаме неожиданное спасение. Можно сказать, что в тот момент случилось политическое «чудо», принявшее форму предложения, сделанного российским президентом. Более того, примерно тогда же новый президент Ирана Рухани согласился возобновить дипломатические переговоры с Вашингтоном по иранской ядерной программе, устранив еще одну возможность развязывания войны в регионе.

В годовщину террористических атак 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр российский президент обратился с необычным письмом американскому народу, опубликованном в *New York Times*. Он написал: «Россия с самого начала последовательно проводит линию на поддержку мирного диалога с целью выработки самими сирийцами компромиссной модели будущего развития страны. Причем мы защищаем не сирийское правительство, а нормы международного права. Постоянно доказываем необходимость полного задействования возможностей Совета Безопасности ООН. Исходили и исходим из того, что в современном сложном и турбулентном мире сохранение правопорядка – один из немногих рычагов, способных удержать международные отношения от сползания к хаосу. Закон остается законом. Его исполнение обязательно всегда – независимо от того, нравится это кому-то или нет. Действующее международное право позволяет использовать силу только в двух случаях – либо при самообороне, либо по решению Совета Безопасности. Все остальное по Уставу ООН недопустимо и квалифицируется как агрессия».

Путин отметил: «Никто не ставит под сомнение факт использования в Сирии химических отравляющих веществ. Однако есть все основания полагать, что это сделала не сирийская армия, а силы оппозиции. Цель – спровоцировать вмешательство могущественных покровителей из-за рубежа, которые в таком случае выступили бы, по сути, на стороне фундаменталистов. В этом контексте обращают на себя внимание сообщения о том, что боевики готовят новую химическую

атаку – на этот раз на Израиль. Настораживает, что попытки силового вмешательства в различные внутренние конфликты становятся для США обычным делом. Возникает вопрос: отвечает ли это долгосрочным интересам самих Соединенных Штатов? Сомневаюсь. Ведь в сознании миллионов людей на планете Америка все чаще воспринимается не как образец демократии, а как игрок, который делает ставку исключительно на грубую силу, сколачивая под конкретную ситуацию коалиции с лозунгом «кто не с нами – тот против нас».

В заключение Владимир Путин поделился наблюдением: «С Президентом США Бараком Обамой у нас складываются все более доверительные деловые и личные отношения. Я дорожу этим. Внимательно ознакомился с его обращением к нации от 10 сентября. И позволю себе пополемизировать по вопросу, который считаю абсолютно ключевым и фундаментальным. Президент США предпринял в своей речи попытку обосновать исключительность американской нации. Проводимая США политика, по словам Президента США, «отличает Америку от других». «Вот что делает нас исключительными», – прямо заявил он. Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось».

Американская «фракция войны» неожиданно была вынуждена перейти к обороне. Изменилось то, что Россия, в частности президент Владимир Путин и министр иностранных дел Сергей Лавров, сумели представить Обаме «третий способ» выхода из войны с удобной для всех формулировкой, позволяя России, проверенному союзнику Сирии, вместе с США участвовать в уничтожении сирийского химического оружия. Президент Асад согласился с этой инициативой и представил подробный отчет о местонахождении оружия. Обама не упустил такой возможности, и Биньямин Нетаньяху и вашингтонская фракция войны моментально отступили, в ярости припоминая старые обиды. Мы можем предположить, что сторонники

войны так просто не сдадутся. Но на данный момент возникла некоторая пауза, возможно в связи с разворачиванием новых витков мирового экономического кризиса, которые затронули все страны мира, в том числе и США.

Первый государственный долговой кризис начался в США в конце 2006-го – начале 2007-го годов. Этот момент и стал поворотной точкой, означавшей фундаментальное изменение в послевоенной Бреттон-Вудской экономической системе, которую можно назвать «долларовой». Она прошла ранее через серию кризисов. «Золотой кризис» 1971 года был связан с необходимостью осуществления долларовых выплат по европейским платежным поручениям, для чего не хватало резервов. Тогда Никсон отправил «в мусорную корзину» соответствующую часть Бреттон-Вудских соглашений. Это позволило доллару поплыть против течения. Но в 2006–2007 годах стала рушиться экономическая база, основа прибыльности огромных транснациональных корпораций, которые доминируют в американской экономической политике (40 или 70 крупнейших банков и компаний вроде Monsanto или Exon). Случилось следующее: биржевые индексы, составляющие базу устойчивости показателей прибыли и задолженности американских корпораций, начали в этот момент демонстрировать негативные тренды.

В то же самое время китайская экономика превращалась в экономику потребления (в ее ранней стадии). Грубо говоря, китайская рабочая сила стала строить автомобили для китайского среднего класса, что означало открытие для нее огромного рынка. Соответственно, уровень зарплат стал повышаться, и политика правительства Китая заключалась в том, чтобы эти тенденции поощрять, поддерживая сдвиг от дешевого производства с малой производительностью к высокотехнологичной экономике с высокими показателями. Само собой разумеется, что такой экономике нужны рабочие с гораздо более высокой квалификацией. Соответственно и платить им нужно гораздо

больше, чем платили в Китае в 1990-е годы. Заметим при этом, Китай до сих пор остается экономикой с самыми дешевыми рабочими руками в мире. В общем, ситуация начала меняться, и в западных экономиках это вызвало беспокойство. Ведь низкий уровень зарплат был крайне важен для прибылей американских банков и транснациональных корпораций.

Итак, когда граница долга американских корпораций начала подниматься вверх, правительство США перешло к искусственному поддержанию платежеспособности банков, их искусственному жизнеобеспечению. Речь идет о крупнейшей шестерке банков с Уолл-Стрит: «Голдман Сакс», «Бэнк оф Америка», «Морган Стэнли», «Джи Пи Морган», «Чейсез», «Пасифик Групп».

Несложно догадаться, как это подорвало американскую казну, ведь чтобы поддержать искусственно заниженные цены и так называемые «токсичные активы», были потрачены сотни миллиардов долларов, принадлежащих налогоплательщикам. Объясняя желание позволить банкам выйти сухими из воды, власти говорили, что «эти банки слишком велики, чтобы пасть». Но выходило иное: «они достаточно велики, чтобы быть спасены».

Действовало ли государство в национальных интересах? Министр финансов Полсон пришел в правительство США из «Голдман Сакс», то есть пришел с Уолл-Стрит. Он получил 700 миллиардов долларов государственной помощи в рамках программы восстановления опасных активов (TARP) и передал их на Уолл-Стрит, что неудивительно с учетом истории с «Леман Бразерс».

Стало очевидно, что госдолг США стал расти экспоненциально и в последние 5 лет удвоился. Если посмотреть на долгосрочные графики, накопление долга происходило достаточно быстро и в 1950-х годах. В 1970-х и 1980-х имели место своеобразные долговые шоки, но после 2007-го масштаб явления стал просто невыносим даже для такой крупной (в

том числе военной) силы, как США. Произошел эпохальный сдвиг в мировой экономике. Не ясно, в чью пользу изменится соотношение сил, но то, что этот сдвиг назрел, видно достаточно хорошо.

В последние 20 лет я часто бывал в России, Иране, Китае и могу сказать, что они сближаются на естественной основе, будучи великими державами Евразии. Эти бывшие империи имеют между собой серьезные культурные связи. Роднит их также определенное историческое наследие и многое другое, хотя бы общее географическое и экономическое пространство. В результате возникает то, что я иногда называю железным треугольником Москва – Пекин – Тегеран. Взаимодействие углубляется, и Шанхайская организация сотрудничества, а также Организация экономического сотрудничества – примеры такого сближения. Все это позволяет нам наблюдать рождение того, что президент Путин назвал Евразийской экономикой, сфокусированной на России. Думаю, что происходит естественный и важный сдвиг, по крайней мере по сравнению с тем состоянием, когда все перечисленные силы «смотрели» на Западную Европу.

В это же время Западная Европа задыхается от долгов. Банки судорожно продают свои долговые обязательства. Речь идет о крупнейших банках: «Дойче Банк», к примеру, прибег к манипуляциям с Лондонской межбанковской ставкой, чтобы поднять свои прибыли. Крупнейшие банки совершали очень рискованные заимствования в Западной Европе, которые привели к образованию там долгового пузыря.

Сейчас евро показывает себя как «дефектная конструкция». Оказалось, что за ЕЦБ стоят определенные национальные интересы, и их влияние огромно. Возьмем навязанные Германией Греции, Португалии, и вообще всем периферийным странам Западной Европы, меры жесткой экономии. Они создают эффект рецессии по всей Европе. В то же время жесткая экономия никогда не разрешит проблему рецессии. Ее может

разрешить инвестирование, но не инвестирование вообще. Необходимо вкладывать в инфраструктуру, развивающую национальную экономику. Вместо этого Меркель смотрит в рот банкирам и просто копирует политику жесткой экономии 1930-х годов (напомню, что в тогдашней ситуации выигравшей оказалась перехватившая инициативу НСДАП).

В общем, и Западная Европа, и США нажили себе крупные неприятности. И они не занимаются реальным восстановлением, а просто манипулируют правительственной статистикой. Если взглянуть глубже, то окажется, что уровень задолженности (по подсчетам ряда ведущих экономистов) составляет 22–23% – это показатели времен великой Депрессии. Все это – долги домохозяйств, корпораций, правительства.

В общем, налицо ловушка, в которую попали США и Европа. Может быть, положение Европы не столь бедственно, но в любом случае она переживает очень глубокий кризис. Положение спасает то, что, в сравнении с США, европейская экономика, помимо прочего, занята и весьма значительным реальным производством – особенно это относится к Германии. Но Европа точно не будет «локомотивом» роста и выхода из последнего кризиса.

Единственный, кто может сыграть эту роль, – новый Евразийский экономический субъект, представляющий собой Россию, Китай, Иран, страны Ближнего Востока и Северной Африки. Потенциально к этому субъекту может присоединиться Индия, но только при условии выхода из оборонных соглашений с США. По-моему, единственный источник, откуда можно черпать квалифицированные людские ресурсы, инженеров, ресурсную базу, единственная экономика, способная создать рынки, чтобы вытянуть не только ее саму, но и весь мир из кризиса, – это Евразия.

Европейский Союз может сохранить свое лидерство или влиться в евразийское сообщество, только уйдя «с атлантического моста», установленного после 1945-го года,

когда послевоенная Европа лежала в руинах. В США когда-то говорили, что «Восток разорвал Запад на куски», рассуждая о приходе европейцев на американское западное побережье. Но в ближайшие 50 лет «человек с Востока» придет в Европу. И среди этих выходцев с Востока будет немало русских. Тогда, возможно, мир последует по пути оздоровления, а не будет склоняться к военному сценарию. Но решение зависит от того, примет ли перемены истеблишмент, представленный различными элитами. В настоящее время в этой среде также имеются серьезные подвижки. К примеру, в США разворачивается серьезная борьба между банкирами и промышленниками.

Банки получили такое большое влияние на политические институты в США, в частности, потому, что Алан Гринспен, глава Федеральной резервной системы, был на своем посту главным их ставленником. Бен Бернанке на посту председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы США также делал все возможное для дерегуляции и увода банков из-под контроля правительства. Пол Волкер, который возглавлял ФРС во время кризиса 1970–1980-х, в интервью по поводу последних событий на вопрос о важнейших инновациях в области дерегуляции финансов ответил, что единственной инновацией, которая в свое время принесла хоть что-то хорошее, является обыкновенный банкомат.

Таким образом, игнорирование разнообразных ограничений привело к огромным преступным злоупотреблениям. При этом банкам говорится: «Делайте что хотите. Продолжайте свои махинации с отчетностью, а мы закроем на это глаза, делайте...» Конечно, со стороны ситуация не кажется такой опасной, ведь средства массовой информации блюдут интересы финансистов и банкиров, по крайней мере на Западе. А их интерес заключается в том, чтобы поддерживать существующий порядок. Именно в этом цель Уолл-Стрит, Лондонского Сити и крупной нефтяной и военной промышленности США и Британии. А экономические идеи в мире определенно есть,

о чем свидетельствует наличие очень интересных экономистов в России и Западной Европе, которые могут с очертить вполне ясную перспективу.

Евразия, как мне кажется, могла бы стать экономическим Эдемом в следующие сто, а может, и двести лет. Если решения будут приниматься сообща Россией, Китаем, Ираном и Турцией, а также Африкой, то это даст импульс Западной Европе, который позволит ей преодолеть зависимость от НАТО и перейти к мирной кооперации. Это должно происходить, конечно, совершенно иначе, чем при долларовой системе, которая создает только долговые ловушки. Существует великое множество конструктивных идей, как все-таки выйти из кризиса и решить фундаментальные проблемы, созданные долларовой системой. Но голос разума просто не достигает ушей публики, и в этом проблема. Быть услышанными – вот одна из задач издания этой книги.

Вряд ли возможно восстановление ортодоксального советского или китайского центрального планирования. Но модель свободного рынка – это провальная модель. Она проваливается повсюду, где ее используют, ведь единственный ориентир для нее – максимум прибыли. Она определенно провалилась в США. Посмотрите на состояние американской экономики. Практически во всех китайских университетах и крупных научных центрах признали, что рецепт Мильтона Фридмана создал серьезнейшие проблемы. Там это понимают. Необходим определенный сдвиг, который я бы сравнил с переходом от феодализма к промышленной революции в XVIII веке. И роль США в контроле условий этого изменения испаряется на глазах.

Что США будут делать с кризисом? Это открытый вопрос. Если они продолжат отрицать эрозию своей мощи, то наступят очень невеселые времена не только для США, но и для всего мира. Им стоит признать очевидный факт, как это сделала черчиллевская Британия во времена Второй мировой.

Черчилля вряд ли можно считать исключительно успешным политическим деятелем. С моей точки зрения, он имел достаточно ограниченный спектр инструментов для ведения собственной политики, но он понял одну важную вещь: Британской империи придется взять на себя роль младшего партнера по отношению к американскому колоссу, даже несмотря на то что американцев в Европе считали недалекими и ограниченными, а британцев умными и утонченными. После 1945 года многие британские активы все равно перекочевали в США, и в большей своей части остаются там и поныне.

В любом случае обращение к военным средствам, которые со времен Буша-младшего приветствуют неоконсерваторы, – это битая карта. Когда происходит переход от метода мягкой силы к прямому насилию, это означает, что у сверхдержавы существуют серьезные проблемы.

ОБ АВТОРАХ

Иммануил Валлерстайн (Immanuel Wallerstein) (США) — философ и социолог. В разные годы являлся профессором Колумбийского университета, университета Мак-Гилл, университета Бинхэмтона. С 2000 года является ведущим исследователем Йельского университета. В течение нескольких лет возглавлял Международную социологическую ассоциацию. Лауреат золотой медали Н. Д. Кондратьева за «выдающийся вклад в развитие общественных наук». Автор многочисленных книг, среди которых «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», «Миросистемный анализ: введение», «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности» и многие другие.

Самир Амин (Samir Amin) (Египет / Франция) — политолог и экономист, исследователь явлений глобализации и зависимого развития. Много лет работал в Африканском институте ООН по экономическому развитию и планированию, был преподавателем университетов Пуатье, Дакара, Парижа. В настоящее время является директором Форума третьего мира (Дакар). Входит в состав редколлегии журнала «Review of International Political Economy». Автор многочисленных книг, среди которых «Призраки капитализма: критика современной интеллектуальной моды», «Устаревший капитализм», «Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира».

Георгий Дерлугьян (Georgy Derlugyan) (США) – историк, социолог, профессор Нью-Йоркского университета. Много лет сотрудничал с Центром Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций в Университете штата Нью-Йорк в Бинхемтоне, преподавал курс макроисторической социологии в Северо-западном университете Чикаго. Автор ряда книг, последняя из которых – «Как устроен этот мир».

Джеффри Соммерс (Jeffrey Sommers) (США) – экономист и политолог, профессор Университета Висконсин-Милуоки, приглашенный профессор Стокгольмской школы бизнеса в Риге. Автор многих книг, сотрудник таких изданий, как The Financial Times, The Guardian, TruthOut, CounterPunch.

Вильям Робинсон (William Robinson) (США) – профессор социологии, глобальных и международных исследований, а также исследований стран Латинской Америки в Университете Калифорнии в Санта Барбаре. Автор книг «Теория глобального капитализма» и «Латинская Америка и глобальный капитализм».

Сьюзан Джордж (Susan George) (США / Франция) – политолог и общественный деятель, сотрудник TNI (Транснационального института, Амстердам). В 1999–2006 гг. – вице-президент французского отделения АТТАС. Автор многих книг, самая известная из которых – «Доклад Лугано».

Юрий Петропавловский (Yury Petropavlovsky) (Латвия) – политик, член правления политической партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ), публицист. Сотрудник Европарламента.

Уолден Белло (Walden Bello) (Филиппины) – социолог, политолог, профессор Университета Филиппин, один из

идеологов альтерглобализма. Автор многих книг, среди которых – «Последний предел капитализма? Деглобализация в век строгой экономии» и «Продовольственные войны».

Рамзи Баруд (Ramzy Baroud) (Палестина / США) – журналист, преподаватель Технологического университета Кертина (Австралия), редактор сайта PalestineChronicle.com. Статьи Баруда регулярно публикуются в Washington Post, The International Herald Tribune, The Japan Times и других изданиях, а также переводятся на французский, испанский, арабский языки.

Джон Риз (John Rees) (Великобритания) – общественный деятель, писатель, журналист. Один из руководителей антивоенной организации «Stop The War Coalition». Соавтор таких книг, как «A Political History of the Modern World and A People's History of London» и «The People Demand: A Short History of the Arab Revolutions».

Уильям Ф. Энгдаль (Frederick William Engdahl) (США / Германия) – независимый журналист, писатель, политолог. Имеет докторскую степень по сравнительной экономике. Автор ряда книг и цикла статей «Финансовое цунами», в котором исследуются различные аспекты современного экономического кризиса.

Содержание

<i>Борис Кагарлицкий. Кризис и конфликт</i>	<i>5</i>
<i>Иммануил Валлерстайн. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности</i>	<i>19</i>
<i>Самир Амин. Конфликты и современная политическая культура</i>	<i>33</i>
<i>Георгий Дерлугьян. Кто-нибудь вообще правит нашим миром?</i>	<i>61</i>
<i>Джеффри Соммерс. Корни кризиса и дальнейшая перспектива</i>	<i>81</i>
<i>Вильям Робинсон. Кризис человечности: мировой капитализм порождает фашизм XXI века</i>	<i>101</i>
<i>Сьюзан Джордж. Демографическая и социальная составляющие современного кризиса</i>	<i>125</i>

<i>Юрий Петропавловский.</i> Глобализация и источники суверенитета: от национального государства к корпорациям	149
<i>Уолден Белло.</i> Интервенция как часть внешней политики США.....	161
<i>Рамзи Баруд.</i> Политика смерти на Ближнем Востоке	177
<i>Джон Риз.</i> Раненый зверь: Ближний Восток и власть США сегодня.....	203
<i>Уильям Ф. Энгдаль.</i> Геополитика и гуманитарный неоколониализм в период новой холодной войны.....	221
Об авторах.....	239

Инициатива Постглобализация

ИЗ МАНИФЕСТА ИНИЦИАТИВЫ «ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ»

(Принят на Мировом Социальном Форуме
в марте 2013 года)

«На протяжении кризисных лет в мировой экономике постепенно меняется соотношение сил, возникают новые очаги развития. Стратегия неолиберальной глобализации, на первых порах являвшаяся для западных элит способом расширить свое влияние и укрепить контроль над периферией, в долгосрочной перспективе породила новые тенденции, противоречия и вызовы, с которыми эти элиты не могут справиться. Имперская гегемония США все более ставится под сомнение, как и способность ведущих держав Запада эффективно контролировать процессы, происходящие в мире».

Подробнее о нас – на сайте www.pglocal.ru

- Объективные новости со всего мира
- мнения авторитетных экспертов из разных стран
- статьи на самые актуальные темы ведущих мировых специалистов
- видеообращения, лекции и репортажи
- публичные акции
- Контрсаммит-2013 и Контрсаммит-2014

Все это на сайте www.pglocal.ru

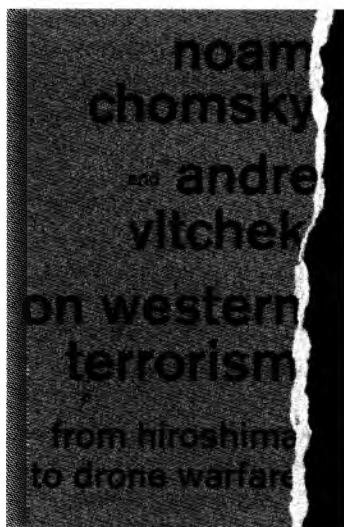
Инициатива Постглобализация

представляет

Скоро! Впервые на русском языке!

Новая книга Ноама Хомского

«Террор Запада:
от Хиросимы до войны
беспилотников»



Спрашивайте в книжных магазинах!

Заказывайте на сайте [**pglobal.ru**](http://pglobal.ru)

Научно-популярное издание

Валлерстайн И., Амин С., Джордж С., Белло У.,
Баруд Р., Риз Д., Петропавловский Ю., Дерлугьян Г.,
Робинсон В., Соммерс Д., Энгдаль У.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ США:

Кризисы и конфликты

С предисловием

Бориса Кагарлицкого

Редактор *Надежда Глебова*

Компьютерная верстка: *Анатолий Егоров*

Корректор *Вера Владимирова*

Дизайн обложки: *Дмитрий Сидоров*

Подписано в печать 11.12.2013.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 3000 экз. Изд. № 422.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8 (495) 939-3890/91. Тел./Факс 8 (495) 939-3891.

Отпечатано в типографии «Новая».

Москва, ул. Ленинская слобода, д. 30

Заказ № 303720

ISBN 978-5-317-04639-2



9 785317 046392

**США потеряли свой авторитет
не только экономического и политического
лидера мировой системы, но и доминирующей
военной державы.**

Иммануил Валлерстайн

**«Век» США можно считать завершенным.
Он был достаточно недолгим и завершился
в результате внутренних противоречий
в американской экономике.**

Джеффри Соммерс

**Что США будут делать с кризисом?
Это открытый вопрос. Если они продолжают
отрицать эрозию своей мощи, то наступят очень
невеселые времена не только для США,
но и для всего мира.**

Уильям Энгдаль

**США остаются крупнейшей экономикой мира,
они вооружены и опасны. Мы имеем дело
не просто со стареющей сверхдержавой,
спокойно отходящей ко сну. Мы оказались
лицом к лицу с раненым зверем.**

Джон Риз